

Ч. 5 Х622.1
p251

А. РАТИНОВ

Ю. АДАМОВ

триллер

Для служебного пользования

Экз. № 1920

Вз. 46 Дси 76

СВИДЕТЕЛЬСТВО

МОСКВА
1976

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

А. Р. РАТИНОВ, Ю. П. АДАМОВ

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО

**(Происхождение, предотвращение и разоблачение
ложных показаний)**

Москва — 1976

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

§ 1. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

Эффективность деятельности органов правосудия в борьбе с преступностью и престиж правосудия в значительной мере определяются правильным разрешением уголовных дел, чему главным образом способствует доброкачественность доказательств, образующих основу решений органов дознания, предварительного следствия и суда по уголовным делам.

В системе доказательств, имеющих и используемых по уголовным делам, наиболее древним и самым распространенным видом доказательств и источником доказательственной информации следует признать показания свидетелей, которые представляют собой полученные и зафиксированные в установленном порядке сообщения лиц, не несущих уголовной ответственности за то преступление, по поводу которого они допрашиваются, об известных им обстоятельствах и фактах, имеющих значение для правильного разрешения данного уголовного дела.

Показания свидетелей имеют важное значение в уголовном процессе, так как они содействуют изобличению преступников, полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств дела, реабилитации невиновных, выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Отмечая важную роль свидетельских показаний в уголовном процессе, известный русский юрист А. В. Скопицкий писал: «Свидетели — альфа и омега уголовного процесса»². Позднее это обстоятельство нашло отражение в работах многих советских юристов, и в частности М. С. Строговича, который, говоря о значении показаний свидетелей, отмечает, что только «при помощи показа-

¹ О понятии свидетельских показаний см., например, «Теория доказательств в советском уголовном процессе», М., 1973, стр. 567—568.

² А. В. Скопицкий, Свидетели по уголовным делам, М., 1911, стр. 3

ний свидетелей возможно выяснить и установить многие важные для дела факты»¹.

Большинство советских граждан сознательно относятся к своему участию в деятельности органов правосудия и добросовестно выполняют обязанности, возложенные законом на лиц, допрашиваемых в качестве свидетелей: своевременно являются по вызову органов дознания, предварительного следствия и суда, полно и точно сообщают все известное им по делу, исчерпывающе и правдиво отвечают на поставленные перед ними вопросы.

Однако острота жизненных коллизий, возникающих при отправлении правосудия по конкретным уголовным делам и в связи с участием граждан в расследовании и судебном рассмотрении этих дел, в ряде случаев порождает ситуации, когда свидетель или потерпевший, вопреки своему гражданскому долгу, пытается оказывать влияние на ход расследования, предпринимает действия, направленные на уклонение от дальнейшего участия в деле.

Нередко это выражается в даче свидетелем или потерпевшим заведомо ложных показаний. Заведомо ложные показания свидетелей или потерпевших могут существенно затруднить расследование, а положенные в основу решения по делу зачастую оказываются источником следственных и судебных ошибок, в связи с чем закон предусматривает уголовную ответственность свидетелей и потерпевших за доброкачественность сообщаемой ими информации.

Объектом лжесвидетельства является правильная деятельность органов правосудия, под которыми уголовный закон имеет в виду органы дознания, предварительного следствия и суд². В правовой литературе высказывалось мнение о том, что в отдельных случаях, когда, например, «ложные показания даются с целью привлечь к ответственности невиновного, объектом преступления могут быть также охраняемые и гарантируемые законом права и интересы личности...»³. Следует заметить, что на первый взгляд некоторые основания для подобного мнения дает законодательство. Видимо, сторонники этой точки зрения считают, что признание в законе квалифицированными заведомо ложных показаний, соединенных с обвинением в особо опасном государственном или ином тяжком преступлении либо с искусственным созданием доказательств обвинения, дает возможность рассматривать права и интересы личности в качестве объекта лжесвидетельства. Однако, как известно, в теории уголовного права в качестве объекта преступления рассматриваются общественные отношения, которым не-

1958, стр. 394.

² См. об этом М. Х. Хабибуллин, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву автореферат канд. дисс., Казань, 1972, стр. 5—6.

³ «Курс советского уголовного права», т. VI, М., 1971, стр. 143.

посредственно причиняется или может быть причинен ущерб этим преступлением¹. Если под этим углом зрения рассматривать нормальную деятельность Органов правосудия и интересы личности в уголовном процессе, то становится вполне очевидной их неравноценность как объектов заведомо ложных показаний.

Поэтому более верной представляется позиция авторов, считающих объектом заведомо ложных показаний «правильную, основанную на строгом соблюдении законности, деятельность органов социалистического правосудия по осуществлению возложенных на них задач...»².

Аргументируя приведенное положение, М. Х. Хабибуллин совершенно справедливо указывает, что всякое преступление может одновременно посягать на различные общественные отношения, но не всякое общественное отношение, которому причиняется преступлением вред, может признаваться непосредственным объектом этого преступления. Непосредственный объект имеет «ту отличительную особенность, что данным преступлением он всегда (разрядка наша. — Авт.) нарушается или ставится в опасность нарушения...»³.

Именно нормальная деятельность органов правосудия по реализации возложенных на них задач всегда ставится под угрозу вследствие заведомо ложных показаний допрашиваемых лиц, которые адресуются лицам, осуществляющим производство по делу, в качестве оснований для принятия решения по этому делу.

Даже если заведомо ложные показания направлены на обвинение невиновного лица, то главным условием реализации умысла лжесвидетеля является введение в заблуждение работников дознания, предварительного следствия и суда, создание у них неверного представления о личности преступника, его действиях, доказательствах, собранных по делу, и т. д., следствием чего оказывается или может оказаться неправильное применение меры пресечения, неосновательное привлечение к уголовной ответственности и, наконец, неправомерное осуждение. Причинение при этом вреда охраняемым интересам личности опосредовано дезинформацией правосудия и не дает оснований для рассмотрения интересов и прав личности в качестве объекта дачи заведомо ложных показаний, а является обстоятельством, отягощающим вину лжесвидетеля.

Объективно лжесвидетельство выражается в несоответствии сведений, сообщаемых свидетелем или потерпевшим органам дознания, предварительного следствия или суду, тем подлинным об-

¹ Об объекте преступления см., например, Б. С. Никифоров, Объект преступлений по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 29—121.

² М. Х. Хабибуллин, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание..., автореферат канд. дисс., сир. 5.

³ Там же; см. его же, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву, Казань, 1975.

стоятельствам дела, о которых он допрашивается. Заведомо ложные сведения должны быть адресованы органам правосудия. Сообщения ложных сведений в любые иные государственные органы, учреждения, а также в общественные организации не могут квалифицироваться как лжесвидетельство. В одних случаях, если имеет место ложное заявление о совершенном или готовящемся преступлении, служащее цели неосновательного возбуждения уголовного дела, виновный может быть привлечен к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, в других — когда заявитель распространяет заведомо ложные измышления клеветнического содержания, не сопряженные с обвинением конкретных лиц в уголовно наказуемых деяниях, его действия являются клеветой и влекут ответственность по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Лжесвидетельство может иметь место только на допросе, очной ставке и при опознании живых лиц, предметов, вещей, трупов и других объектов в ходе расследования уголовного дела. Следует заметить, что показания свидетелей и потерпевших вообще довольно часто неполны, противоречивы и существенно отклоняются от фактических обстоятельств дела, являющихся предметом допроса этих лиц. Очевидно, именно поэтому одновременно с первым опытом использования данного вида доказательств в уголовном судопроизводстве возникла проблема обеспечения надежности, достоверности информации, исходящей от свидетелей и потерпевших.

С одной стороны, отмеченные недостатки или дефекты свидетельских показаний побуждали к отысканию эффективных путей и методов их устранения, нейтрализации, с другой — легли в основу реакционной концепции о «тотальной ненадежности» доказательств этого вида, выдвинутой представителями буржуазной правовой и психологической науки¹.

Дискриминационная политика буржуазной юридической теории и практики в отношении показаний свидетелей подверглась аргументированной критике прогрессивных деятелей юстиции еще дореволюционной России² и получила достаточное освещение в работах советских правоведов, вскрывших классовую сущность упомянутой концепции и доказавших ее полную несостоятельность³.

Как известно, несоответствие сведений, содержащихся в показаниях допрашиваемых лиц, подлинным обстоятельствам дела

¹ См., например, В. Штерн, Психология свидетельского показания, «Вестник права», кн. II, СПб, 1902, стр. 110; О. Гольдовский, О психологии свидетельских показаний (Доклад на заседании уголовного отделения юридического общества), «Вестник права», 1904, № 6, стр. 189.

² См., например, А. Ф. Кони, Память и внимание, Собр. соч., т. 4, М., 1967, стр. 80.

³ См., например, И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 205—207; А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 172, и сл.

может быть обусловлено двумя принципиально различными по их психологической природе причинами: добросовестным заблуждением допрашиваемого относительно «качества» сообщаемых им сведений и заведомой ложью.

Основное отличие рассматриваемых явлений состоит в том, что субъект заблуждения расценивает свои показания как вполне доброкачественные, верно освещающие исследуемое событие, хотя на деле они не соответствуют действительности, тогда как субъект заведомой лжи не только осознает неправильность своих показаний, но и намеренно стремится к этому, умышленно искажает истину.

Таким образом, при тождественном внешнем проявлении добросовестное заблуждение (непроизвольные ошибки) и заведомая ложь поддаются разграничению по их субъективно-психологической природе

В соответствии с законом уголовную ответственность влекут лишь заведомо ложные показания, которые и являются предметом рассмотрения в данной работе.

Извращение подлинных обстоятельств дела в показаниях свидетелей и потерпевших, составляющее сущность лжесвидетельства, достигается различными способами. При этом необходимо различать приемы извращения действительности, к которым прибегает лгущий, и способы лжесвидетельства. В наиболее общем виде приемы обработки фактических обстоятельств дела в желательном направлении могут быть представлены следующим образом:

1. Исключение, сокрытие (умолчание) отдельных элементов описываемого события.

2. Дополнение описываемого события вымышленными деталями или элементами, при помощи которых ему придается нужный характер и окраска.

3. Замена всего события или отдельных его элементов вымышленными или реальными² событиями или элементами³.

Приведенные приемы используются как в чистом виде, так и в различных комбинациях и сочетаниях применительно к интере-

¹ О факторах, порождающих заблуждения и непроизвольные ошибки, см., например, А. Р. Ратинов, Судебная психология¹ для следователей.

² Использование реальных фактов для конструирования ложных сообщений имеет место, например, когда обвиняемому или потерпевшему приписываются действия или поступки, совершенные им значительно раньше и при иных обстоятельствах; довольно часто встречаются также случаи приписывания одному лицу поступков и действий других лиц.

³ Известны и другие схемы, на первый взгляд более детальные, на деле же их авторы рассматривают комбинации из этих трех приемов. Таких комбинаций может быть множество. См., например, Ж-Дюпра, Ложь, Саратов; 1905; К. Мелитан, Психология лжи, М., 1903; А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей, канд. дисс., Свердловск, 1973, сир. 33. В настоящей работе этот вопрос рассматривается более подробно в § 3 гл. II.

сам лгущего, ситуации, в которой ему приходится действовать, и другим важным обстоятельствам. Способ же лжесвидетельства — это «реальный акт преступного поведения...»¹ недобросовестного свидетеля или потерпевшего, который может говорить неправду, т. е. сообщать искаженные факты, неправильные сведения, или не говорить правду, т. е. умышленно умалчивать, скрывать нежелательные детали и факты, а следовательно, искажать этим истину и препятствовать ее установлению. С формально-логической точки зрения, между сообщением ложных сведений и умолчанием правды различий нет, так как и то, и другое ведет к искажению истины, является обманом, дезинформацией.

Более дифференцированно к этим формам лжи подходит этика. Сообщение заведомо ложных сведений с нравственно-этической точки зрения всегда ложь и предосудительно в большинстве случаев, за исключением ситуаций типа «ложь во спасение» (ложь врагу, во имя спасения близкого человека) и немногих других, когда ложь считается нравственно оправданной той целью, на достижение которой она направлена. В то же время умолчание не всегда трактуется как обман. Довольно часто такое поведение рассматривается как скрытность, характерологическая особенность данного человека.

В нашем случае эти способы введения в заблуждение собеседника, возможные пути обмана представляют интерес в ином плане. Речь идет о том, что некоторые авторы, занимавшиеся уголовно-правовым аспектом проблемы лжесвидетельства, не считают умолчание свидетелем на допросе известных ему сведений, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, лжесвидетельством, предлагая квалифицировать такие действия, как уклонение от дачи показаний (ст. 182 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик)².

В связи с этим небезынтересно ознакомиться с решением данного вопроса в русском дореволюционном уголовном праве: «Действие (т. е. лжесвидетельство. — Авт.) должно заключаться в сокрытии истины и при этом во вред правосудию. Скрыть истину можно двояко: исказить ее (т. е. выдумать не существующее или извратить действительное событие или обстоятельство) или умолчать о ней. Кто искажает истину, тот говорит ложь, а кто говорит ложь, тот скрывает истину; умалчивающий же об истине, очевидно, скрывает ее; эта форма может иметь место, когда свидетель (или потерпевший. — Авт.), будучи приглашен к изложению своего показания, намеренно пропустил в нем те или иные обстоя-

¹ В. Н. Кудрявцев, *Причинность в криминологии*, М., 1968, стр. 86.

² См. И. М. Тяжкова, И. С. Власов, *Ответственность за преступления против правосудия*, М., 1968, стр. 87—88; И. М. Черных (Тяжкова), *Преступления против социалистического правосудия*, автореферат канд. дисс. М. 1962, стр. 18—19.

тельства. Вопрос о том, преследует ли наше законодательство эту форму лжесвидетельства (разрядка наша. - Авт.), должен быть решен в безусловно утвердительном смысле, так как закон обязывает свидетеля рассказать все, что ему известно...»¹.

Видимо, это безусловно верный подход. Умышленное умолчание допрашиваемым отдельных обстоятельств дела зачастую может серьезно исказить картину исследуемого события, препятствует воссозданию в ходе расследования всех обстоятельств дела и обнаружению новых доказательств. Имея в виду это свойство-умолчания, В. И. Ленин в своих предложениях к проекту «Декрета о борьбе с ложными доносами» писал, что уклонение от ответа на поставленный вопрос при известных обстоятельствах следует рассматривать как лжесвидетельство². Сказанное дает основания считать, что умолчание является одной из форм лжесвидетельства. Разделяя высказанную здесь точку зрения, А. А. Шмидт отмечает, что если свидетель на допросе умышленно умалчивает о существенных фактах, скрывает их, не говорит правды, то он по существу дает неполные и неверные показания и тем самым вводит органы правосудия в заблуждение, действует во вред им³. К этому выводу приходят и другие авторы⁴.

Нередко лжесвидетельство выражается в ложных сообщениях свидетелей или потерпевших о своей неосведомленности, когда эти лица на допросе заявляют, что им ничего не известно по данному делу. Такие действия допрашиваемых лиц также образуют состав преступления дачи заведомо ложных показаний и не могут рассматриваться как отказ или уклонение от показаний.

Отказ от дачи показаний образуют действия лиц, которые не хотят давать показания и прямо заявляют об этом следователю или составу суда. Обоснование отказа от дачи показаний заведомо ложными ссылками на неосведомленность об обстоятельствах дела следует рассматривать уже как лжесвидетельство.

Необходимо иметь в виду, что далеко не каждое заведомо ложное сообщение свидетеля или потерпевшего образует состав преступления дачи заведомо ложных показаний. Ложное сообщение должно представлять собой показания свидетеля или потерпевшего, т. е. сообщения этих лиц на допросе, очной ставке, при опознании в органах дознания, предварительного следствия или в суде по уголовному делу, полученные и зафиксированные в соответствии с установленными законом правилами. Не образуют состава

¹ А. А. Неклюдов, Руководство к Особенной части Русского уголовного права, СПб, 1880, т. IV, стр. 114.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 244.

³ См. А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний; и изблечения лжесвидетелей, канд. диос., стр. 10.

⁴ См. М. Х. Хабибуллин, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание..., автореферат канд. дисс., стр. 83—84; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе.

рассматриваемого преступления сообщения гражданами заведомо ложных сведений в объяснениях, истребуемых в ходе прокурорских проверок первичных материалов и при производстве оперативно-розыскных действий, выполняемых до возбуждения уголовного дела¹. Не могут рассматриваться как показания сообщения свидетелей и потерпевших, полученные с нарушением процессуальных норм, определяющих порядок и условия допроса этих лиц. Закон не случайно детально регламентирует порядок и условия получения показаний свидетелей и потерпевших и их фиксации.

Неуклонное соблюдение этих правил является важной процессуальной гарантией установления объективной истины, соблюдения законных интересов допрашиваемого, обеспечения достоверности и полноты его показаний².

Применительно к допросу свидетеля и потерпевшего в качестве таких требований, подлежащих неуклонному и строго обязательному соблюдению, следует рассматривать разъяснение свидетелю (потерпевшему) его прав и обязанностей, предупреждение допрашиваемого об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний с конкретизацией действий, влекущих эту ответственность, недопустимость постановки наводящих вопросов, ознакомление допрашиваемого с записью в протоколе его показаний и внесение по просьбе допрашиваемого необходимых дополнений, уточнений, поправок в протокол допроса. Нарушение этих требований ставит под сомнение ценность полученной информации, может явиться условием, лишаящим ее доказательственного значения.

В связи с этим представляется несостоятельной точка зрения, согласно которой предупреждение свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний не имеет правового значения³. Упомянутое предостережение является в соответствии с законом обязательным атрибутом допроса этих лиц, назначение которого в совокупности с разъяснением прав и обязанностей свидетелю и потерпевшему состоит в том, чтобы допрашиваемый имел полное представление о правильном поведении в уголовном процессе и о последствиях неисполнения предписанного поведения.

Это тем более важно, что в обыденной жизни, например, умолчание, как уже отмечалось выше, не всегда признается ложью; следовательно, противозаконность сокрытия сведений, имеющих значение для дела, должна быть разъяснена допрашиваемому. В том случае, если допрашиваемый не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, его сообщение, на наш взгляд, не может рассматриваться

¹ См. «Курс советского уголовного права», т. IV, М., 1971, стр. 144.

² См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 337—338.

³ См. «Курс советского уголовного права», т. IV, стр. 145.

как полноценные показания в процессуальном смысле, а следовательно, «уголовная ответственность за невыполнение свидетелем своих обязанностей не может наступить...»¹. Крайне уязвима позиция С. Ш. Рашковской, считающей, что «при отсутствии такого предупреждения уголовная ответственность за дачу ложных показаний не исключается, поскольку показания не теряют своей доказательственной силы...»². Нельзя не согласиться с А. А. Шмидтом, который отмечает, что если свидетель не предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, то эти документы уже не имеют процессуального характера и не имеют доказательственной силы³. Пренебрежение к процессуальной форме доказывания является выражением процессуального нигилизма и должно рассматриваться как грубое нарушение закона. Предупреждение свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний следует считать условием, без которого свидетельские показания не имеют юридической силы и не влекут уголовной ответственности за лжесвидетельство⁴.

Важным условием наказуемости заведомо ложных сообщений свидетелей и потерпевших является то, что эти сообщения должны касаться обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения того уголовного дела, в связи с расследованием которого допрашиваются названные лица⁵. В противном случае уголовное преследование за обман правосудия было бы лишено смысла. Допрос свидетеля всегда направлен на выяснение именно тех обстоятельств, которые способствуют правильному пониманию сущности и характера исследуемого события, поведения его участников, определению степени их участия и разграничению роли каждого в событии криминального содержания.

Ответственность свидетеля и потерпевшего за доброкачественность информации, предоставляемой в распоряжение органов правосудия, ограничена предметом показаний этих лиц по конкретному уголовному делу.

Предмет допроса этих лиц включает «любые подлежащие установлению по данному делу обстоятельства, как входящие в предмет доказывания, так и те, которые необходимы для правильной оценки и собирания доказательств»⁶. Свидетель и потерпевший могут быть допрошены об их взаимоотношениях с обвиняемым, а свидетель — также о взаимоотношениях с потерпевшим, о личности обвиняемого, им могут быть заданы вопросы, направленные

¹ Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 50.

² См. «Курс советского уголовного права», т. VI, стр. 145.

³ См. А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний и избобличения лжесвидетелей, канд. дисс., стр. 12 и иі3.

⁴ См. Р. Д. Рахунов, названная работа, стр. 50.

⁵ См. И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 192.

⁶ «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 567—678.

на выявление причин и источника их осведомленности об обстоятельствах дела, на выяснение способности правильно воспринимать те или иные обстоятельства исследуемого события и давать о них правильные показания. Содержание их показаний могут составлять и данные, относящиеся к порядку и условиям проведения дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства¹ по данному делу, отдельных следственных действий и к поведению лиц, осуществлявших производство по этому делу. Кроме того, свидетели и потерпевшие допрашиваются о характере и размере ущерба, причиненного преступлением, об обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности виновного, указанных в ст.ст. 38 и 39 УК РСФСР и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

Свидетель и потерпевший несут уголовную ответственность за сообщение заведомо ложных сведений о фактических данных только в том случае, если они могут указать источник своей осведомленности, иначе такие показания не имеют доказательственной силы и соответственно не преследуются в уголовном порядке (ст. 74 УПК РСФСР).

Не влечет уголовной ответственности сообщение свидетелем или потерпевшим заведомо ложных сведений автобиографического характера (о профессии, образовании, судимости)², а также об обстоятельствах, выходящих за пределы данного уголовного дела, не имеющих значения для его правильного разрешения. Здесь же представляется необходимым указать на недопустимость постановки перед свидетелем или потерпевшим вопросов, направленных на их изобличение в совершении того преступления, о котором они дают показания, а равно и в любом другом, т. е. по сути дела на превращение их в подозреваемых. Дача заведомо ложных показаний свидетелем или потерпевшим в ответ на такого рода вопросы не является лжесвидетельством, так как допрос об этом несовместим с его процессуальным статусом.

Самой резкой критики заслуживает недавно высказанное в печати мнение о том, что ложное самообвинение свидетеля или потерпевшего в каком-либо преступлении должно квалифицироваться как лжесвидетельство³. Подобная практика противоречит закону и не может использоваться в борьбе с самооговорами⁴.

¹ По делам, возвращавшимся для производства дополнительного расследования или на новое судебное разбирательство, а также и в других случаях, когда, например, свидетель заявляет о принуждении его к даче показаний работником дознания или предварительного следствия.

² См. «Курс советского уголовного права», т. VI, стр. 144; М. Х. Хабибуллин, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание..., автореферат канд. дисс., и др.

³ См. В. С. Фельдблюм, Уголовно-правовые последствия самооговора, «Советская юстиция», 1973, № 13, стр. 19—20.

⁴ Подробнее о самооговоре, его видах и происхождении, а также о борьбе с ним см. А. Р. Ратинов, Т. А. Скотникова, Самооговор, М., 1973.

Если свидетель ложно признает себя виновным в том преступлении, которое инкриминируется обвиняемому (подсудимому), с тем чтобы освободить виновного от заслуженного наказания, то он, видимо, несет ответственность за дачу ложных показаний по поводу действий виновного, его местонахождения в момент криминального события и т. д., а не за то, что обвиняет себя в совершении этого преступления, т. е. приносит ложную явку с повинной. С момента дачи показаний самоуличающего характера такое лицо на период проверки его заявления приобретает статус подозреваемого со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ложное самообвинение, если оно не сопряжено с оговором других лиц, в том числе и подсудимого, уголовной ответственности не влечет.

Субъектом лжесвидетельства может быть только свидетель или потерпевший, т. е. лица, не несущие уголовной ответственности за то преступление, о котором они дают показания, допрашиваемые с предупреждением об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Несмотря на различие в их процессуальном положении¹, свидетели и потерпевшие в равной мере несут ответственность за доброкачественность своих показаний.

Закон предусматривает некоторые исключения, определяя, что не может быть свидетелем лицо, которое в силу присущих ему физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. В каждом конкретном случае вопрос о том, может ли данное лицо быть свидетелем, если оно страдает психическими расстройствами или определенными физическими недостатками, которые могли бы повлиять на качество его показаний, решается судом или следователем на основании заключения соответствующих специалистов². Это ограничение имеет целью оградить правосудие от всякого рода субъективно добросовестных, но объективно неправильных показаний. Однако, если лицо, страдающее, например, расстройством слуха или зрения, поддавшись уговорам заинтересованных лиц, будет ложно утверждать, что оно видело или слышало определенные явления или звуки, имеющие значение для данного дела, оно может быть привлечено к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Не может допрашиваться в качестве свидетеля защитник обвиняемого об обстоятельствах, которые ему стали известны в связи с выпол-

¹ О процессуальном положении потерпевшего см. М. Л. Якуб, Показания свидетелей и потерпевших, М., 1968; В. М. Савицкий, И. И. Потеружа, Потерпевший в советском уголовном процессе; М., 1963; Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе.

² Указанные вопросы в пределах своей компетенции решают Судебно-Психиатрическая и Судебно-психологическая экспертизы. О судебно-психологической экспертизе см. М. М. Коченов, Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних, М., 1971.

пением профессиональных функций по этому делу (ст. 72 УПК РСФСР).

В следственной и судебной практике нередко в качестве свидетелей допрашиваются фактические подозреваемые. Это совершенно неправильно, так как допрос в качестве свидетеля всегда сопряжен с предупреждением об уголовной ответственности за уклонение, отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, т. е. в этом случае названные лица неосновательно лишаются всех процессуальных гарантий, установленных для них законом, в том числе и права на защиту. В дальнейшем изложении будут показаны последствия такой практики

Лицо, совершившее какое-либо преступление, может быть допрошено по делу об этом преступлении в качестве свидетеля, если оно ранее было осуждено за данное преступление или было освобождено от уголовной ответственности за свои противоправные действия надлежащим процессуальным актом дознания, предварительного следствия или суда, вступившим в законную силу, под которым следует понимать приговор суда, постановления о прекращении уголовного дела в отношении данного лица или об отказе в возбуждении уголовного дела. Например, допустим допрос в качестве свидетеля лица, отбывающего уже наказание за данное преступление, если один из его участников скрывался от следствия и суда, а в отношении других дело было закончено и они были осуждены. В этом случае ранее осужденные за данное преступление допрашиваются о действиях соучастника как свидетели¹. Возможен и другой вариант: например, если в отношении одного из участников расследуемого преступления дело прекращено по тем или иным основаниям, то это лицо может допрашиваться как свидетель и несет ответственность за доброкачественность своих показаний. Во всех остальных случаях дача заведомо ложных показаний соучастниками преступления, допрашиваемыми по этому делу в качестве свидетелей, не образует состава преступления дачи заведомо ложных показаний.

В связи с изложенным представляется, что противоречит закону практика предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний сторон по делам частного обвинения, когда подаются встречные заявления. Каждая сторона в такого рода ситуациях выступает одновременно и в роли потерпевшего, и в роли обвиняемого, а, как известно, обвиняемый не несет ответственности за доброкачественность своих показаний.

¹ См. § 2 настоящей главы.

² Иной точки зрения придерживается Р. Д. Рахунов, который считает, что свидетелем может быть только лицо, непричастное к делу. Соучастник же преступления, по его мнению, ни в коем случае не может допрашиваться как свидетель. См. его работу «Свидетельские показания в советском, уголовном процессе».

Видимо, этот вопрос нуждается в более четкой и правильной законодательной регламентации.

Субъективная сторона лжесвидетельства характеризуется тем, что закон понимает под лжесвидетельством только заведомо ложные показания свидетелей или потерпевших. Всякого рода ошибки, заблуждения, неправильные суждения, если их ошибочность не осознается свидетелем или потерпевшим, не влекут за собой уголовную ответственность.

Для привлечения к уголовной ответственности за ложные показания необходимо, чтобы свидетель или потерпевший, сообщая органам правосудия неправильные сведения, понимал их ложность, намеренно дезинформировал, вводил в заблуждение следствие или суд, преследуя такими действиями определенные цели во вред правосудию. Заведомо ложные показания могут иметь оправдательную или обвинительную направленность, а в отдельных случаях могут быть на первый взгляд нейтральными, хотя на самом деле любые заведомо ложные показания всегда срабатывают или в обвинительном, или в оправдательном направлении¹. Умысел лжесвидетеля может быть направлен на достижение различных целей, к которым относятся, например, стремление помочь виновному избежать ответственности или добиться назначения ему неосновательно мягкого наказания; добиться отягощения ответственности или неосновательного осуждения подсудимого; уклониться от дальнейшего участия в расследовании; скрыть от огласки интимные обстоятельства собственной жизни или жизни своих близких и целый ряд других. Главным условием достижения допрашиваемым своекорыстных целей является обман правосудия посредством дачи ложных показаний, дезориентирующих органы дознания, предварительного следствия или суд.

Мотивы недобросовестного поведения свидетеля или потерпевшего в уголовном деле могут быть также самыми различными, начиная с таких побуждений, как стремление выручить близкого родственника, друга, сохранить семью, и вплоть до карьеристских соображений, желания устранить соперника и т. д. Мотивация поведения лжесвидетельства более подробно рассматривается в дальнейшем изложении на основании данных специального исследования.

Закон предусматривает квалифицированный вид рассматриваемого преступления, когда заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего соединены с обвинением в особо опасном государственном или ином тяжком преступлении либо с искусственным созданием доказательств обвинения, а равно совершены с корыстной целью. Квалифицированное лжесвидетельство имеет

¹ См. И/ Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 196—197.

место в тех случаях, когда заведомо ложные показания допрашиваемого лица направлены на неосновательное обвинение кого-либо в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 63—73 УК РСФСР, или тяжких преступлений, которые приведены в примечании к ст. 24 УК РСФСР и соответствующим ей статьям уголовных кодексов других союзных республик. Кроме того, уголовное законодательство Узбекской ССР указывает на квалифицированный вид заведомо ложных показаний, обвиняющих в совершении любого государственного преступления.

Другим квалифицирующим признаком является искусственное создание доказательств обвинения. Под искусственным созданием доказательств обвинения следует понимать подкрепление заведомо ложных показаний предъявлением подложных или фальсифицированных документов, вещественных доказательств, привлечение подставных свидетелей и устранение свидетелей, могущих подтвердить алиби подследственного, уничтожение доказательств, его реабилитирующих (документы и другие вещественные доказательства). В таких случаях лжесвидетель одновременно несет ответственность за изготовление подложных документов по статьям, устанавливающим уголовную ответственность за такие действия, и за дачу заведомо ложных показаний при отягчающих обстоятельствах.

Корыстная цель при лжесвидетельстве предполагает, что допрашиваемое лицо дает заведомо ложные показания в расчете на вознаграждение материального характера или в связи с получением определенных материальных благ. Если в качестве свидетеля или потерпевшего, давшего заведомо ложные показания из корыстных соображений, допрашивалось должностное лицо, его действия квалифицируются по ч. 2 ст. 181 УК РСФСР, а также по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за получение взятки. Действия подстрекателя, организовавшего дачу взятки и склонившего этим допрашиваемого к лжесвидетельству, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 183 УК РСФСР.

Уголовное законодательство других союзных республик устанавливает дополнительные признаки квалифицированного лжесвидетельства. В их числе уголовные кодексы Армянской ССР и Азербайджанской ССР указывают на личные и другие низменные побуждения, под которыми следует понимать дачу заведомо ложных показаний из соображений мести, ревности, в расчете на получение различных благ. Такую редакцию вряд ли можно признать удачной, так как понятие «личные» охватывает все мотивы лжесвидетельства.

Усиленную ответственность за заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего, повлекшие наступление тяжких последствий, устанавливает законодательство Казахской, Латвийской, Литовской и Узбекской союзных республик. К тяжким по-

следствиям, вызванным заведомо ложными показаниями, относятся: осуждение невиновного, неосновательное отягощение ответственности, освобождение от ответственности виновного лица или неосновательное смягчение его участи, неосновательное применение в отношении невиновного лица меры пресечения, связанной с лишением свободы, и содержание его под стражей в течение длительного периода времени и др. При этом подлежит доказыванию наличие причинной связи между дачей заведомо ложных показаний и такими последствиями.

Завершая уголовно-правовой анализ рассматриваемого состава преступления, необходимо отметить, что до настоящего времени понятие лжесвидетельства не определилось. Между тем необходимость в этом есть. На основании всего сказанного выше под лжесвидетельством, видимо, следует понимать умышленное сообщение свидетелем или потерпевшим на допросе, очной ставке или при опознании органам дознания, предварительного следствия или суду заведомо для этого лица неполных или не соответствующих подлинным фактам сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по данному уголовному делу или имеющих значение для собирания и правильной оценки доказательств.

Одновременно представляется целесообразным определить понятие заведомо ложных показаний свидетеля или потерпевшего¹, так как до настоящего времени в понимании этого термина применительно к рассматриваемому составу преступления отмечается разночтение. Это тем более полезно, что возникающие на практике вопросы квалификации действий лжесвидетеля зачастую связаны с недостаточно четким определением показаний свидетелей и потерпевших. Спорным остается и вопрос о некоторых признаках процессуального статуса потерпевшего и свидетеля, что, естественно, отражается на следственной и судебной практике по делам о лжесвидетельстве. Под заведомо ложными показаниями свидетелей и потерпевших следует понимать полученное и зафиксированное в соответствии с законом умышленно неполное или заведомо не соответствующее подлинным фактам сообщение лица, не несущего уголовную ответственность за то преступление, в связи с расследованием которого оно дает показания, об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по данному делу или имеющих значение для собирания и правильной оценки доказательств, которое сделано на допросе, очной ставке или при опознании.

¹ Наиболее полным и удачным, хотя и несвободным от недостатков, из всех известных нам определений данного понятия следует признать определение А. А. Шмидта, который включил в него указание на цель дачи ложных показаний, но ограничил предмет свидетельских показаний только обстоятельствами, подлежащими доказыванию по конкретному делу. См. его канд. дисс. «Тактические основы распознавания ложных показаний и избличения лжесвидетелей», стр. 15.

§ 2. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЯ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

Уголовно-правовой анализ состава лжесвидетельства имеет важное значение для правильной квалификации уже совершенного преступления, но не проливает свет на его происхождение. Между тем борьба с преступностью в целом и отдельными видами преступлений не может быть успешной без понимания причин, обуславливающих противоправное поведение. Конечно, весьма сложно выявить и учесть все обстоятельства, порождающие правонарушения, однако главные факторы, детерминирующие поведение правонарушителей при совершении преступлений отдельных категорий, успешно исследуются советскими криминологами¹.

До последнего времени лжесвидетельство, к которому нередко относились как к преступлению «второго сорта» и мирились как с неизбежным злом, оставалось своего рода «белым пятном» в криминологии, не подвергалось специальному изучению. Недопустимость примиренческого отношения к данному виду преступлениям против правосудия, необходимость всемерного усиления борьбы с ними показало проведенное исследование, обнаружившее множественность факторов, определяющих недобросовестное поведение свидетелей и потерпевших в уголовном процессе, позволившее констатировать тесную связь лжесвидетельства с явлениями и процессами социального, правового и нравственно-психологического характера.

Природа заведомой лжи свидетелей и потерпевших издавна привлекает внимание юристов и психологов². Долгое время бытовало мнение, согласно которому лжесвидетельство, как и житейская намеренная ложь, является следствием главным образом лживости допрашиваемого, вытекающей из характерологических особенностей его личности. Несмотря на очевидную уязвимость данной точки зрения, она разделяется некоторыми авторами и ныне. Так, анализируя мотивы поведения лжесвидетелей, В. С. Фельдблюм в качестве одной из субъективных причин лжесвидетельства называет лживость³. Следует иметь в виду, что чаще всего под лживостью понимается привычка лгать по различным поводам и даже без повода. Таким образом, сторонниками приведенной точки зрения ложь возводится в ранг самоцели поведения лгущего. Подобное упрощение мотивации недобросовестных свидетелей и потерпевших не только ошибочно, но «вредно, так как при этом игнорируются потребностный характер и социальная обусловленность человеческого поведения, предельно уп-

¹ См. А. Р. Ратинов, Т. А. Скотникова, Самооговор; А. Д. Берензон, В. Б. Ястребов, Опыт изучения факторов, приводящих к хищениям социалистического имущества на предприятиях, М., 1969.

² См. К. Мелитан, Психология лжи; О. Липпман, Психология лжи, Харьков, 1923; А. Ф. Конн, Память и внимание, Соцп. соч., т. 4.

³ См. В. С. Фельдблюм, Уголовная ответственность за заведомо ложное показание, канд. дисс., М., 1972, стр. 272.

рощается само явление, а главное, остаются вне поля зрения подлинные причины лжесвидетельства.

Сложность мотивационной сферы поведения лжесвидетелей следует из самой природы лжи как способа поведения людей в затруднительных и остроконфликтных ситуациях, инструмента предотвращения и разрешения таких ситуаций, средства, давно известного человечеству и довольно широко практикуемого в повседневной жизни, с помощью которого поддерживается и создается внутренний психологический комфорт.

Лгать — всегда значит ставить на место действительности какой-нибудь предпочтительный для лгущего вымысел и заменять действительно происходившие факты такими, какими их хочется или необходимо представить лжецу. В различных своих формах ложь обычно используется там, где достижение желательного результата иным путем затруднено или невозможно, в зависимости от сферы приложения и решаемых задач, приобретая специфическую мотивационную окраску.

Ложь — многоцелевое средство. Ко лжи прибегают для того, чтобы избежать неприятностей самому и доставить их другому, представить себя в лучшем свете, а другого человека в худшем, разыграть приятеля, переиграть соперника. Основное ее назначение — ввести собеседника, партнера, противника в заблуждение, не дать ему информацию, объективно достоверную, и, наоборот, сообщить неправильные данные с тем, чтобы лишить его возможности составить правильное представление о человеке, явлении, событии, предмете или ситуации, в которой ему придется действовать, помешать выбрать адекватную линию поведения. Можно отметить, что если в целом общение между людьми имеет регулятивный характер, согласует их усилия на достижение конкретных общих целей, является важным фактором социальной организации¹ человеческой деятельности, то ложь в системе общения часто оказывается инструментом дезорганизации усилий соперников, средством негласной переориентации деятельности партнеров с одних целей на другие. Это свойство лжи — возможность с ее помощью оказывать влияние на мнения и представления других людей, управлять их поведением путем передачи им неправильных оснований для принятия решения — и обусловило довольно широкое применение лжи в личных взаимоотношениях людей, в ряде сфер общественной практики.

Чаще всего ложь используется в конфликтных ситуациях как оборонительное и наступательное средство. Именно в условиях конфликта, несовпадения интересов, разногласия сторон ни одна из них, как правило, не склонна представлять в распоряжение

¹ (См. А. А. Брудный, Некоторые философские проблемы общения, в сб. «Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории общения», М., 1972, стр» 4.

другой доброкачественную информацию о себе: своих планах, своих сильных и слабых местах. Дезинформация, обман с давних пор используются в военных и политических целях, в разведывательной деятельности, для нужд пропаганды и во многих других случаях.

Запрещающая ложь в целом, мораль, однако, не считает ложь безнравственной, когда к ней прибегают, чтобы обмануть врага, защитит от чужого вторжения личную жизнь, доброе имя и тем более жизнь близкого человека. В этике ложь рассматривается с позиции добра и зла, понятие «ложь» здесь имеет характер социальной оценки и употребляется только в отрицательном смысле. Сообщение заведомо ложных сведений в морально оправданных ситуациях, как правило, ложью не называют¹.

В орбите уголовно-процессуальной деятельности ложь (лже-свидетельство), сохраняя свое основное значение средства введения в заблуждение и управления поведением других лиц, противопоставляется усилиям работников органов уголовной юстиции по расследованию и доказыванию обстоятельств криминальных событий.

В деятельности органов правосудия доброкачественность информации, на основании которой принимаются решения по уголовным делам, имеет исключительно важное значение для успешной реализации задач правосудия. Поэтому в отличие от обыденной жизни уголовный процесс вообще не терпит лжи со стороны лиц, допрашиваемых в качестве свидетелей и потерпевших.

Если в повседневной жизни человек обычно имеет широкую альтернативу поведения в затруднительной ситуации (например, будучи осведомлен о неблагоприятном поведении сослуживца, он может отказаться давать объяснения по этому поводу, промолчать, оставляя без ответа отдельные вопросы, наконец, солгать, неся за это в лучшем случае моральную ответственность), то свидетель и потерпевший лишены такой возможности.

Защищая интересы правосудия, а следовательно, интересы общества и основных участников расследуемого преступления — подследственного и потерпевшего, закон лишил допрашиваемых лиц альтернативы поведения на допросе, запретив под угрозой уголовного преследования отказ и уклонение от дачи показаний, а также дачу заведомо ложных показаний, о чем каждый свидетель и потерпевший предупреждается перед началом допроса по существу дела.

Такое предупреждение призвано обратить внимание допрашиваемого на различие между обыденной жизненной ситуацией и ситуацией расследования, ознакомить с условиями, в которых будет протекать его деятельность в связи с участием в работе органов правосудия, указывает на обязанность свидетеля дать добро-

¹ См. Ф. А. Селиванов, *Заблуждения и пороки*, Томск, 1965.

совестные, полные показания об известных ему обстоятельствах дела и на уголовно-правовые последствия нарушения этих требований. Таким образом, допрашиваемые лица, решая для себя дилемму: законопослушное поведение (добросовестное свидетельствование) или противоправное (лжесвидетельство), отдают себе отчет в вытекающих отсюда последствиях. Являясь результатом сознательного выбора допрашиваемым линии своего поведения, предпочтения им каких-то ценностей интересам правосудия и собственной безопасности, лжесвидетельство порождается факторами, которые должны быть достаточно весомыми, чтобы преодолеть «угрозу санкций», подавить страх допрашиваемого перед уголовной ответственностью за обман правосудия.

Характерной особенностью лжесвидетельства является то, что оно возникает лишь в связи с расследованием другого преступления и как уголовно наказуемое деяние вне сферы уголовного процесса не существует. Поэтому происхождение лжесвидетельства не может быть правильно понято без учета социально-правового значения свидетельских показаний в деятельности органов социалистического правосудия и факторов, формирующих позицию свидетелей, их отношение к своим правовым обязанностям.

Борьба с преступностью, проводимая органами социалистического правосудия, отвечает интересам всего общества и пользуется поддержкой населения. В повседневной деятельности советские органы дознания, предварительного следствия и суд опираются именно на широкую общественную поддержку. Свидетельствование по уголовным делам из принудительной государственной обязанности, как это было в досоциалистическом обществе, перерастает в наиболее распространенную и ответственную форму участия граждан в борьбе с правонарушителями и укреплении правопорядка в стране. Добровольное содействие и помощь правосудию становятся нормой поведения советских людей. Это находит подтверждение в хорошо известных следственной и судебной практике случаях добровольного обращения в органы милиции, прокуратуры и суд граждан, по своей инициативе сообщаящих важные сведения о готовящихся и совершенных преступлениях, о личности преступника, соучастниках преступлений и другие данные, имеющие существенное значение для правильного разрешения уголовных дел.

В то же время судебная аудитория была и остается ареной острой борьбы, где сталкиваются чуждые нашему обществу взгляды и отношения к правоохраняемым ценностям с требованиями передовой морали, обеспечиваемыми уголовными санкциями. Поэтому свидетельствование по уголовным делам нередко происходит в трудной и конфликтной для свидетеля ситуации, требует от него определенной морально-волевой устойчивости и гражданственности.

В классическом смысле свидетель — это лицо, располагаю-

щее информации, имеющей доказательственное значение, и незаинтересованное в каком-то исходе дела. Но, как известно, на практике «классические» свидетели почти не встречаются, они не остаются безучастными к тем жизненным драмам, которые таят в себе самые ординарные уголовные дела. Гораздо чаще свидетелями и потерпевшими по уголовным делам почти всех категорий оказываются лица, знакомые с подследственным, состоящие с ним в каких-то взаимоотношениях на бытовой или деловой почве и по этим причинам переживающие довольно значительные затруднения при выборе своей позиции на следствии и в суде. Даже самый, казалось бы, «нейтральный» свидетель при ближайшем рассмотрении тоже далеко не нейтрален.

Свидетели и потерпевшие дают собственную оценку опасности посягательства, инкриминированного подследственному, конкретным преступным действиям виновного и их последствиям, определенным образом относятся к личности преступника и правоохраняемым ценностям, нарушенным его действиями или поставленным под угрозу.

Они оценивают полноту и качество расследования, личные и деловые качества лиц, осуществляющих производство по делу, состояние и перспективы расследования, делают собственные выводы о виновности преступников и о наказании, которого они заслуживают, взвешивают справедливость и целесообразность примененной меры пресечения, соответствие ее реальным обстоятельствам дела и общественной опасности личности преступника.

В этих оценках и отношениях отражаются правосознание и правовая культура допрашиваемых лиц, их личный жизненный опыт в целом и опыт участия в правоохранительной деятельности, высказывания и мнения о качестве деятельности органов юстиции и справедливости правосудия, почерпнутые из бесед, литературных и других источников, а они в свою очередь оказывают влияние на поведение свидетеля и потерпевшего в ходе расследования и судебного разбирательства.

Каждый шаг работников правоохранительных органов и, казалось бы, самый несущественный элемент расследования фиксируются и оцениваются участвующими в деле лицами, благоприятно или отрицательно отражаются на их поведении в уголовном процессе. На свидетелей и потерпевших влияют условия, в которых они дают показания, жизненная ситуация, сложившаяся в их микросреде к моменту расследования или допроса, а также в связи с их участием в деле, мера пресечения, примененная к подследственному, нравственно-психологическая атмосфера расследования и судебного разбирательства. Например, допрос в следственном кабинете происходит большей частью с глазу на глаз: допрашиваемый и допрашивающий. В ходе этих допросов у свидетеля формируются определенные взаимоотношения со следователем, и, дав

однажды правдивые показания, свидетель довольно часто не решается изменить их на ложные, понимая, что придется это как-то объяснять, обосновывать, изворачиваться, и заранее переживая чувство стыда и ту неловкость, которые ему пришлось бы испытать, если бы он попытался изменить показания. Когда же дело передается в суд, свидетель как бы утрачивает свои «интимные» обязательства перед следователем, уходит из-под его контроля.

В то же время он оказывается перед необходимостью уличить виновного в его присутствии, а также в присутствии потерпевшего, состава суда и иных лиц, находящихся в судебной аудитории. Здесь допрашиваемые лица испытывают воздействие. Значительно большего числа факторов. Нельзя не признать, что избочить преступника перед лицом довольно обширной аудитории и тем более когда подсудимый находится здесь же, в зале судебного заседания, под стражей, сложнее, чем делать это в его отсутствие.

Кроме того, основные свидетели по делу, т. е. те, которым известны наиболее значимые с доказательственной точки зрения факты уличающего характера, подвергаются прямому давлению со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, использующих угрозы, угрозы и иные формы воздействия на свидетелей и потерпевших, чтобы склонить их к даче желательных показаний.

Впрочем, прямое давление на свидетеля порой вовсе не обязательно. Свидетельствование по уголовным делам — лишь одна из социальных функций граждан, эпизодическая и второстепенная, так как наряду с этим они остаются соседями, сослуживцами, родителями, супругами, друзьями, выполняя множество различных постоянных социальных ролей. И если поведение каждого участника расследования тщательно регламентировано уголовно-процессуальным законодательством и контролируется уголовными санкциями, то это не означает, что автоматически перестают осуществлять свою регулятивную и контролирующую функцию другие виды социальных норм, в частности этические соображения или неформальные эталоны поведения, выражающие требования больших и малых групп, к которым принадлежат или относят себя свидетели и потерпевшие.

Подчас для допрашиваемого оказывается не столь уж важным, одобряется его поведение в общем или нет, рационально оно или нет. Большое значение приобретает для него одобрение со стороны того «микромра», который его окружает, на ожидания которого он ориентируется¹. Новейшие отечественные и зарубежные исследования показывают, что человек «зачастую больше склонен действовать в направлении известных ему ожиданий и требуемого от него поведения, чем собственных предпочтений»².

¹ См. А. М. Яковлев, Преступность и социальная психология, М., 1971, стр. 187.

² А. Р. Ратинов, Т. А. Скотников а, Самоговор, стр. 20.

В социальной психологии такое поведение получило название конформного. Американский социолог М. Шериф считает, что «конформизм проявляется там и тогда, где и когда групповые нормы становятся решающим определителем поведения члена группы»¹.

В отечественной социологии конформизм рассматривается как соответствие некоему признанному или требуемому стандарту; считается, что конформное поведение имеет место там, где в случае расхождения во мнениях между индивидом и группой индивид поддается, уступает групповому мнению². Тонкие психологические замечания о механизме конформного поведения высказывал советский психолог С. Л. Рубинштейн, который писал, что «люди часто поступают так или иначе потому, что так делают «все» (так принято, так общепринято, так поступают). В этом случае я сам как внутренняя контрольная инстанция и моя собственная (внутренняя. — Авт.) ответственность отпадают. С поведением в этом случае обстоит так же, как с одеждой, когда действует власть моды: «так носят» равносильно императивному «носи, как носят»³.

Типичным примером конформного поведения может служить поведение на следствии и в суде несовершеннолетних правонарушителей, которые «не выдают» инициаторов и соучастников своего преступления, берут всю вину на себя, ориентируясь при этом на обычаи преступной среды, следуя им как единственно приемлемым «эталонам» поведения. Так же часто ведут себя и несовершеннолетние свидетели, которые готовы понести ответственность за дачу ложных показаний, лишь бы не нарушить дружеский долг или своего рода солидарность, не прослыть «предателем».

Нередко, на поведении допрашиваемых весьма ощутимо отражается экстремальность ситуации расследования и судебного разбирательства. Любой допрашиваемый сознает, что на основании его показаний виновный может быть подвергнут заключению под стражу на период расследования, а в дальнейшем понести наказание, связанное с лишением свободы. Поэтому свидетель и потерпевший почти никогда не относятся индифферентно к участи подследственного, особенно если дело ведется в отношении близкого человека. Но и посторонние свидетели испытывают значительные переживания в связи с этим. Переживания усиливаются при допросе на очной ставке, во время следственных действий, производимых в помещении следственного изолятора, в результате угроз и других форм воздействия, оказываемого на свидетелей

¹ М. Шериф, *The psychology of Social Norms*, -Harper, 1956.

² См. И. С. Кони, *Социология личности*, М., 1967, сир. 83.

³ С. Л. Рубинштейн, *Проблемы общей психологии*, М., 1973, стр. 367.

и потерпевших. Напряженность ситуации расследования отражается на психическом состоянии свидетелей и потерпевших.

Под психическим состоянием в психологии понимается «целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отображаемых предметов и явлений действительности, предшествующих состояний и психических свойств личности»¹. Отмечается, что в психическом состоянии изначально представлены два компонента: отражаемая ситуация и внутренние свойства, особенности личности. Человек может переживать различные состояния: радость и удовольствие, бодрость, подъем сил, страх, тревогу, подавленность, безысходность, утомление. Одни из них активизируют деятельность человека, повышают ее эффективность; другие, напротив, снижают активность, препятствуют правильному восприятию действительности, адекватному поведению.

Одним из довольно характерных состояний свидетелей и потерпевших является сверхнапряжение — стресс. Специальные работы психологов показывают, что во время экспериментальной вызванного эмоционального стресса наблюдается дезорганизация поведения, выражающаяся в утере цели деятельности, нарушении целесообразной последовательности выполнения действий, в пропуске отдельных действий и увеличении количества ошибок, неправильных решений². В связи с этим необходимо отметить, что нарастание у свидетелей и потерпевших нервно-психического напряжения значительно ухудшает ориентировку в ситуации и может привести допрашиваемое лицо к выбору неадекватного варианта поведения, в частности к лжесвидетельству. Сказанное в значительной мере относится к свидетелям и потерпевшим, допрашиваемым по делу своих родственников, так как установлено, что угроза благополучию человека или его близких, как правило, влечет за собой состояние стресса.

Вот, например, как описывает свое состояние одна из лжесвидетельниц, потерпевшая по делу о хулиганстве ее мужа на бытовой почве: «Когда я давала показания на предварительном следствии, то была полна решимости правдиво рассказать о поведении своего мужа, надеясь, что после наказания он станет другим. Но, оказавшись в зале суда, я увидела, как он похудел и вообще изменился за время следствия и ареста. Мне стало очень его жалко, я забыла обо всех причиненных им мне неприятностях, оскорблениях, побоях. Вспоминалось лишь все хорошее, что было у нас. Я видела перед собой только его лицо, осунувшееся, родное, та-

¹ Н. Д. Левитов, О психических состояниях человека, М., 1964, стр. 20.

² См. В. В. Суворова, Роль охранительного торможения в экспериментальном неврозе и нервном стрессе, «Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов СССР», т. III, М., 1968, стр. 240.

кое измученное и ожидающее, и неожиданно для самой себя, как-то совершенно внезапно отказалась от своего заявления и показаний, которые давала раньше. Придя немного в себя, я решила, что это к лучшему, нужно выручать мужа, ведь он отец моего ребенка, дочь замучила меня, расспрашивая, где папа. Дальше я уже настойчиво и осознанно отрицала факт хулиганства моего мужа и свои первоначальные показания».

К числу особых психических состояний относится фрустрация, под которой в психологии понимается состояние дезорганизации сознания и деятельности, возникающее, когда вследствие каких-либо препятствий и противодействий мотив остается неудовлетворенным или его удовлетворение тормозится¹. Фрустрация чаще всего развивается на фоне общего острого эмоционального перенапряжения, психической истощенности, глубокого нравственно-психологического кризиса. Отмечается, что фрустрация, порождая чувство безысходности, крушения планов, опасна тем, что при этом человек может прибегнуть к любым средствам и путям разрешения конфликта, лишь бы выйти из травмирующей ситуации, из субъективно воспринимаемого тупика. Применительно к свидетелям и потерпевшим фрустрирующее значение имеют ситуации, когда поведение свидетеля, а чаще всего потерпевшего не одобряется окружающими, когда он оказывается в духовной изоляции от того, например, что, вопреки пожеланиям своих родственников продолжает уличать подследственного.

Типично в этом плане положение потерпевшей, изнасилованной кем-либо из членов своей семьи, когда вся семья объединяется в намерении скрыть этот факт, не предавать его огласке, а заявление уже рассматривается в органах милиции или прокуратуры. На переживания потерпевшей налагаются дополнительные переживания, вызванные отрицательной оценкой ее поведения на следствии родственниками, бойкотом в семье. Выход из этой ситуации нередко видится лишь в отказе от уличающих показаний, в даче ложных оправдательных показаний.

Исходя из сказанного выше, следует признать, что дача свидетельских показаний не просто реализация абстрактных прав и обязанностей, а психологически сложный и неодномоментный акт выбора поведения и его реализации, имеющий важное социальное значение, так как выражает отношение свидетеля к расследуемому преступлению и его участникам, взгляды допрашиваемого на правосудие, состояние правопорядка и т. д. Тот факт, что его показания способствуют принятию решения по делу, т. е. осуждению подследственного или его оправданию, довольно часто еще более усугубляет переживания при выборе свидетелем позиции по делу.

¹ См. В.-С. Мерлин, Лекции по психологии мотивов, Пермь, 1971, стр. 100.

Таким образом, обнаруживается значительное число факторов, способных влиять на поведение свидетелей и потерпевших в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Однако не все они равноценны. Лишь значимые переживания и ценности, видимо, могут оказаться причиной возникновения тех конфликтных ситуаций, выход из которых свидетели и потерпевшие, пренебрегая грозящей им ответственностью за заведомо ложные показания, ищут в лжесвидетельстве.

Правильному пониманию происхождения лжесвидетельства, выявлению главных факторов, его порождающих, способствуют данные, характеризующие личность и поведение лжесвидетелей, полученные в ходе нашего исследования.

Социально-демографические сведения о личности лжесвидетелей имеют некоторые особенности, отличающие эту группу преступников от иных групп осужденных. Среди лжесвидетелей мужчины составляют 64,6%, женщины — 35,4%. Преобладание мужчин, как известно, характерно для преступности в целом, связано с более высокой социальной активностью мужской части населения. При этом под большей социальной активностью мужчин следует понимать более широкий круг их социальных ролей, т. е. форм участия в общественной жизни, что, естественно, сказывается и на доле мужчин-преступников. Женщины, уделяя значительно больше времени семье (воспитанию детей, поддержанию оптимальных бытовых условий), несравненно реже оказываются в роли виновных в происшествии криминального характера. В то же время женская группа среди лжесвидетелей втрое превышает обычную долю женской преступности, которая за последние годы составляет 12—13%. Сравнительная многочисленность женщин здесь вызывается наличием среди осужденных за лжесвидетельство потерпевших, которыми по делам о большинстве преступлений, совершаемых на бытовой почве, являются женщины.

По возрастному признаку особенно выделяется группа лжесвидетелей от 18 до 40 лет (последние исследования социологов показывают, что на эту возрастную группу падает наибольшая социальная активность), составляющая 72% всех осужденных. В целом лжесвидетели по возрастному составу не дают значимого отклонения от возрастного состава всех иных преступников. Некоторое исключение представляет лишь преступность несовершеннолетних по делам о лжесвидетельстве, так как удельный вес лиц, не достигших 18 лет, в общей массе лжесвидетелей довольно небольшой — менее 7% осужденных. Видимо, это в основном объясняется сравнительно невысокой долей несовершеннолетних среди свидетелей по уголовным делам и более осторожным подходом следственных и судебных работников к их лжесвидетельству.

По образовательному уровню лжесвидетели также не обнаруживают заметных отклонений от уровня образования населения в

целом и даже несколько превосходят его. Так, если в РСФСР имеет неполное среднее и среднее образование около 61% населения, то уровень образования у лжесвидетелей несколько выше — лица с такого рода образованием среди осужденных за заведомо ложные показания составляют 72,5%.

Значительно более культивированными оказались лжесвидетели по сравнению со всеми остальными осужденными преступниками. Начальное образование имеют около четверти лжесвидетелей, тогда как в общем числе осужденных таковых насчитывается от трети до половины. В целом среди преступников удельный вес лиц, имеющих неполное среднее и среднее образование, не превышает 40%, а среди лжесвидетелей они составляют 72,5%.

Поэтому нельзя согласиться с выводом М. Х. Хабибуллина о том, что, «как и большинство преступлений, эти деяния (лжесвидетельство и ложные доносы. Авт.) совершаются лицами, имеющими низкий общеобразовательный уровень».

По социальному положению исследуемая группа почти не отличается от социальной структуры населения. Лжесвидетели — это большей частью лица, работающие в разных сферах народного хозяйства (84,5%), учащиеся или студенты (3,7%)». К числу работающих относятся преимущественно домашние хозяйки и пенсионеры. Ранее судимых в этой группе оказалось около одной десятой. Подавляющее большинство характеризовалось положительно. Значительно число членов КПСС (5,4%) и членов ВЛКСМ (13,1%), осужденных за лжесвидетельство.

Все эти данные позволяют утверждать, что дача заведомо ложных показаний — преступление, обычно совершаемое лицами, которые не характеризуются устойчивой противоправной установкой и антиобщественным поведением, оно в значительной мере ситуативно, обусловлено вовлечением их в сферу уголовного процесса.

Справедливость такого вывода подтверждается данными о причинах пренебрежения ответственностью за дачу ложных показаний². Оказалось, что подавляющее большинство лжесвидетелей оставили без внимания предупреждение об уголовной ответственности по трем основным причинам: наибольшая часть лжесвидетелей рассчитывала на неразоблачение и недоказуемость лжи; другие надеялись, что даже в случае разоблачения они не будут привлечены к уголовной ответственности; наконец, третьи не задумывались о возможности наказания за лжесвидетельство. Только незначительное число лжесвидетелей (5%) были готовы понести уголовную ответственность, лишь бы не давать правдивые показания.

¹ «Личность преступника», Казань, 1972, стр. 126.

² Сведения такого рода оказались лишь в 6% уголовных дел, но они были дополнены опросами «экспертов» и интервью лжесвидетелей.

Однако при этом нужно напомнить, что лжесвидетельство имеет место в связи с производством по другому делу, нередко в конфликтной и критической для допрашиваемого ситуации, требующей определенной морально-волевой устойчивости и гражданственности. Не обладая необходимыми для этого качествами, лжесвидетели вместе с тем, как правило, и не отличаются ярко выраженной антиобщественной направленностью.

При анализе состава лжесвидетелей заслуживает внимания характер их участия в исследуемом событии, по поводу которого они привлекались для дачи показаний, предшествующие отношения с обвиняемым и потерпевшим по основному делу, источник и содержание их осведомленности об обстоятельствах этого преступления.

По отношению к исследуемому событию осужденные за лжесвидетельство на две трети состоят либо из потерпевших (32%), либо из лиц, в той или иной форме причастных к этому событию, но не привлекавшихся к ответственности (31%). Не имевшими никакого касательства к исследуемому преступлению было 37% осужденных.

В зависимости от предшествующих отношений с обвиняемым и потерпевшим каждая из названных групп лжесвидетелей разделяется следующим образом:

лжесвидетели из числа потерпевших от преступления (родственники обвиняемого — 19%, знакомые обвиняемого — 4%, незнакомые с обвиняемым — 9%);

лжесвидетели из числа причастных к событию преступления (родственники обвиняемого — 5%, знакомые обвиняемого — 23%, знакомые и с потерпевшим, и с обвиняемым — 3%);

лжесвидетели из числа лиц, не участвовавших в этом событии (родственники обвиняемого — 3%, знакомые обвиняемого — 17%, знакомые и с обвиняемым, и с потерпевшим — 7%, знакомые потерпевшего — 4%, посторонние, незнакомые — 6%).

Таким образом, выделяется несколько основных групп лжесвидетелей (в %):

родственники обвиняемого (потерпевшие, причастные и просто свидетели)	27
причастные к преступлению (исключая родственников обвиняемого)	26
знакомые обвиняемого (весь интервал категории знакомства от друзей до просто знакомых)	21
общие знакомые обвиняемого и потерпевшего (исключая причастных)	7

знакомые потерпевшего (незнакомые с обвиняемым)	4
потерпевшие, незнакомые с обвиняемым	9
посторонние свидетели	6

Отсюда следует, что так или иначе заинтересованными в определенном исходе дела были 94% лжесвидетелей. Среди них резко преобладают родственники и другие лица из непосредственного окружения обвиняемого (свыше 80%). В частности, ближайшие родственники, члены семьи обвиняемого составляют 27%, причем более половины родственников — это потерпевшие по делу об основном преступлении. Объясняется это тем, что ложные показания чаще всего даются по делам о тех преступлениях, случайная осведомленность о которых маловероятна или редка.

Обычно же лжесвидетеля характеризует определенная заинтересованность в исходе дела, порожденная устойчивыми отношениями с обвиняемым или потерпевшим либо какой-то причастностью к событию и собственным неблагоприятным поведением.

Наблюдается известная специфика состава лжесвидетелей применительно к разным категориям преступлений. Так, если по делам о преступлениях, совершаемых на бытовой почве, ложные показания большей частью даются родственниками обвиняемого или лицами из его ближайшего бытового окружения (друзьями, соседями), то по делам о хищениях социалистической собственности, должностных и хозяйственных преступлениях — сотрудниками, сослуживцами, лицами, связанными профессиональными функциями, нередко прикосновенными к преступлению. Преобладание причастных среди лжесвидетелей характерно также для насильственных (телесные повреждения, изнасилования и др.) и корыстно-насильственных (грабежи, разбойные нападения) преступлений, совершаемых в отношении ранее незнакомых преступнику граждан.

Изучение показало, что наиболее часто лжесвидетельство имеет место по делам о телесных повреждениях и хулиганстве, совершаемых на бытовой почве, изнасилованиях, хищениях социалистической собственности и должностных злоупотреблениях.

Выявленная закономерность в распределении лжесвидетельства по разным категориям дел, как было установлено, отчасти связана с характером доказательств, имеющих и используемых по таким делам. Доказательственный материал здесь бывает весьма ограничен, так как названные преступления, как правило, совер-

¹ Здесь и далее прикосновенными считаются свидетели, имеющие основания отвечать уголовной ответственности за собственное неблагоприятное поведение.

шаются в обстановке, исключая случайную осведомленность и наличие незаинтересованных свидетелей.

Ограниченность доказательственного материала придает особое значение показаниям свидетелей и потерпевших, в связи с чем изменение показаний хотя бы одним из них зачастую существенно влияет на судьбу дела и коренным образом меняет его перспективу. В то же время обязательства, вытекающие из предшествующих отношений между свидетелями, потерпевшими и обвиняемыми, обуславливают неустойчивость позиции этих свидетелей; подверженность их колебаниям при выборе позиции по делу. Вообще чем слабей и уязвимей имеющиеся доказательства и чем в большей степени исход дела зависит от позиции того или иного свидетеля, тем, по общему правилу, менее надежными и устойчивыми оказываются такие уникальные показания. И, напротив, установлено, что исключительно редко лжесвидетельство имеет место при достоверной и безупречной доказанности всех обстоятельств дела.

Данные об источниках и характере осведомленности лиц, давших ложные показания, говорят о том, что среди лжесвидетелей преобладают лица, располагающие ценной доказательственной информацией. В числе лжесвидетелей очевидцы составляют 82%. Содержание их осведомленности характеризуется тем, что 88% лжесвидетелей были известны все или почти все основные обстоятельства исследуемого события, чем определяются способы и последствия их недобросовестного поведения в уголовном процессе¹.

Анализ человеческого поведения предполагает раскрытие подтекста этого поведения, выявление того, что человек имел в виду своим поступком², в связи с чем важное значение имеет уяснение направленности ложных показаний. Проведенное исследование показало, что в абсолютном большинстве случаев лжесвидетельство предпринимается для того, чтобы оградить действительного преступника от заслуженного наказания или необоснованно смягчить его ответственность ни 85% ложных показаний имели оправдательную направленность.

Лишь 10% осуждено за то, что неосновательно обвиняли кого-либо в совершении мнимого преступления или ложными показаниями отягощали его ответственность³. Однако специальное изучение уголовных дел, составляющих эту группу, установило, что и здесь действительная позиция лжесвидетелей имела большей частью не обвинительную, а оправдательную направленность. Ложными признаны первоначальные показания потерпевших и очевидцев, которые, сообщив о совершении какого-либо преступ-

¹ См. об этом § 3 настоящей главы.

² См. С. Л. Рубинштейн, Проблемы общей психологии, стр. 336.

³ Преимущественно оправдательная направленность ложных показаний свидетелей и потерпевших констатируется и другими исследователями. См., например, «Личность преступника», стр. 125; А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличение лжесвидетелей, канд. дисс.

ления, затем стали выгораживать обвиняемого. Дефицит доказательств вынуждал прекращать такого рода дела (чаще всего об изнасиловании и «домашнем» хулиганстве) с привлечением к ответственности свидетелей якобы за ложный донос и ложные обвинительные показания.

Случаи клеветнических показаний обвинительного характера во всем изученном массиве насчитываются единицами. Что же касается оставшихся 5% осужденных, позиция которых по основному делу была как бы нейтральной, то содержание их показаний сводилось к отрицанию своей осведомленности об обстоятельствах дела с целью уклонения от дачи показаний по существу дела. В основном подобная позиция также носит оправдательный характер, так как по изученным делам она «срабатывала» чаще всего в этом направлении. Говоря о преобладающей направленности ложных показаний, необходимо отметить, что, по нашим данным, не заинтересованные в облегчении участи подсудимых (т. е. не связанные с ними отношениями родства или знакомства) потерпевшие по основным делам и лица из ближайшего окружения этих потерпевших, осужденные за лжесвидетельство, вопреки обычному суждению о потерпевших, как свидетелях с преимущественно обвинительным уклоном, давали ложные показания, в пользу лиц, привлекавшихся к ответственности

Как известно, извращение подлинных фактов в показаниях допрашиваемого достигается или путем умолчания (сокрытия), отрицания тех или иных обстоятельств исследуемого события - пассивная ложь, или же «творческой» обработкой действительности за счет сообщения вымышленных сведений — активная ложь. Установлено, что обвинительная позиция почти всегда порождает активную ложь (95%). Напротив, оправдательная направленность ложных показаний обычно сопряжена с умолчанием, отрицанием. Вместе с тем отмечается, что изменение первоначальных добросовестных показаний на ложные, направленные на реабилитацию виновного, связано с использованием активной лжи, с помощью которой лжесвидетель стремится подорвать доверие к ранее данным показаниям.

Чаще всего лжесвидетельство объективно выражается в изменении первоначальных правдивых показаний на ложные. По нашим подсчетам первоначальные показания около 80% лжесвидетелей были правдивы.

В ходе изучения способов лжесвидетельства получены данные, позволяющие судить как об устойчивости позиции лжесвидетелей, так и о временном интервале, на который приходится наибольшее число случаев изменения показаний. Основная масса лжесвидетелей изменяет показания один раз — 73%, неоднократное измене-

¹ См., например, В. Куликов, Оценка показаний потерпевшего, «Советская юстиция», 1958, № 1, стр. 52.

ние показаний — два раза и более зафиксировано в 17% случаев, еще реже — только 10% — наблюдается устойчивая, последовательная ложь на следствии и в суде, не сопровождающаяся коренным изменением показаний. Относительная устойчивость противодействия правосудию у большинства лжесвидетелей нуждается в объяснении. Основной причиной, побуждающей их придерживаться однажды данных показаний, является опасение уголовной ответственности, которой свидетель пренебрег, давая в первый раз ложные показания. Изменив показания, он на последующих допросах вынужден следовать своей версии, так как сам оказывается под угрозой уголовного преследования, в связи с чем все его дальнейшее поведение приобретает одновременно характер самозащиты.

Исследованием установлено, что основная масса случаев изменения показаний приходится на определенный временной интервал. Полученные данные отражены в таблице, где в графе «А» показано распределение случаев лжесвидетельства в зависимости от времени, прошедшего от момента возбуждения дела до первого допроса, а в графе «Б» — частота случаев лжесвидетельства в зависимости от интервала между допросами, на которых даны взаимоисключающие показания.

Временные интервалы	«А»	«Б»-
До 10 дней	71%	7%
До 1 мес.	16%	28%
До 2 мес.	6,5%	37%
Свыше 2 мес.	6,5%	28%

Эти сведения весьма существенны для уяснения того критического периода, когда позиция свидетеля или потерпевшего становится наиболее «уязвимой». Как видно, большая часть свидетелей 71%, впоследствии давших ложные показания, допрошен на в первые дни расследования, когда давались преимущественно добросовестные показания. По мере увеличения разрыва между допросами число случаев изменения показания заметно возрастает. Наиболее критическим сроком в смысле устойчивости показаний свидетелей и потерпевших оказывается период после истечения одного месяца с момента предыдущего допроса и начала расследования вообще, когда Происходит изменение показаний у 65% свидетелей. К этому времени определяются основные свидетели по делу, выясняется значимость их показаний с доказательственной точки зрения и направление следствия, острота пережи-

ваний, вызванных преступлением, утрачивается, уступая место сочувствию и жалости к обвиняемому и членам его семьи. Вызовы на допросы становятся все более обременительными и нежелательными, в то время как окружение преступника с приближением даты рассмотрения дела судом активизируется, оказывая давление на уже известных свидетелей обвинения и готовя подставных свидетелей.

Представляется, что эти данные служат показателем не только устойчивости свидетельских показаний во времени и опасности волокиты, но и отражают угасание общественного интереса к преступлению и остроты его осуждения окружающими, тем самым показывая, как по мере отдаления момента рассмотрения дела судом снижается воспитательный эффект правосудия. Сказанное подтверждается еще и тем, что наибольшая частота изменения показаний и лжесвидетельства приходится на судебную стадию процесса. В суде впервые дали ложные показания три четверти всех лжесвидетелей, остальные давали такие показания еще в период предварительного следствия, как правило, повторяя их в суде.

Так мать Р., совершившего ограбление, пыталась выгородить своего единственного сына, ложно утверждая его алиби. Другая лжесвидетельница, жена М., который по ее заявлению привлекался к ответственности за злостное систематическое хулиганство на бытовой почве, сопровождавшееся избиениями жены, дала в суде ложные показания в пользу мужа, чтобы не разрушать семью, не лишать детей отца. Свидетель по этому же делу К., сосед семьи М., изменил в суде показания по тем соображениям, что если потерпевшая «прощает» мужа, то почему же он должен его уличать, вмешиваться в их «семейную» жизнь. Соучастник уличного хулиганства Ф., незаконно проходивший по делу в качестве свидетеля, неоднократно изменял свои показания, опасаясь, что если он будет уличать обвиняемых, то они в свою очередь разоблачат его. Свидетель изнасилования, совершенного в квартире, где проживала его любовница, ложно отрицал факт своего пребывания в этой квартире и осведомленность о преступлении, так как хотел избежать огласки своей связи. Пенсионер В., страдающий тяжелым сердечным заболеванием, также отрицал свою осведомленность об этом преступлении, чтобы избежать волнений, связанных с дачей свидетельских показаний, которые могли бы вызвать новый приступ болезни, значительно обострить ее. Студентка О., 19 лет, которая часто возвращалась с занятий домой в позднее время, ложно отрицала свою осведомленность о хулиганских действиях подростков, ее соседей по подъезду и дому, опасаясь мести преступников или их приятелей. Сослуживец обвиняемого У. по просьбе последнего ложно утверждал его алиби, так как ему было «неудобно» отказать У. в этой «просьбе». Друзья семьи старого педагога Ш. дали ложные показания в пользу ее сына, опасаясь,

что его осуждение, в принципе заслуженное, по их мнению, окончательно подорвет здоровье матери. Жена А. ложными показаниями усугубляла вину своего мужа для того, чтобы избавить себя и детей от бесконечных скандалов, побоев, издевательств, так как развода он ей не давал.

Приведенными не исчерпываются все возможные мотивы лжесвидетельства.

Сведения о личности и поведении лжесвидетеля, распространенности и направленности ложных показаний позволили вплотную подойти к решению наиболее существенного в криминологическом отношении вопроса о том, почему встречаются случаи недобросовестного поведения свидетелей и потерпевших в советском уголовном процессе. Обычно для получения ответа на этот вопрос обращаются к мотивам, побудившим допрашиваемого лжесвидетельствовать, пренебрегая своим долгом и грозящей ответственностью. Это типичный недостаток правовых исследований, имеющих целью выяснение причин противоправного поведения. Являясь непосредственным побуждением к действию, мотив сам по себе не может быть антисоциальным¹. Мотив как осознанное побуждение для определенного действия формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых он находится, и осознает 'встающую перед ним цель; из отношения к ним и рождается мотив в его конкретной содержательности, необходимой для реального жизненного действия. Мотив как побуждение - это источник действия, его порождающий, но чтобы стать таковым, он должен сам сформироваться².

Мотив — это только сигнал о необходимости удовлетворить определенную потребность, ее отражение, достижение же цели, вытекающей из данной потребности, возможно как правомерным, так и неправомерным поведением. Установлено, что наиболее распространенными мотивами при лжесвидетельстве являются такие, как «стремление выручить родственника, друга, помочь ему избежать наказания», «желание сохранить семью», «опасение ответственности за собственное неправомерное поведение», «жалость, сочувствие к преступнику и членам его семьи», «нежелание быть свидетелем, чтобы избежать волнений, связанных с участием в расследовании», «боязнь мести преступников»³. Однако ни один из этих мотивов нельзя признать антисоциальным. По своему происхождению и содержанию — это самые естественные, жизненные человеческие побуждения.

В связи с этим совершенно справедливой представляется позиция В. Н. Кудрявцева, который утверждает, что неверно трак-

¹ См. В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, стр. 134.

² См. С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1946, стр. 564.

³ Аналогичные данные приводят и другие исследователи. См. М. Х. Хабибуллин, Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание..., автореферат канд. дисс.

товать мотив (как и потребность) в качестве причины преступности вообще и конкретного акта противоправного поведения в частности. Противоправен не мотив, а способ его удовлетворения.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что поведение недобросовестного свидетеля и потерпевшего имеет сложную нравственно-психологическую основу, порождается действием значительного числа факторов. Вес и значение каждого из них в конкретном акте лжесвидетельства бывают различны. Одни причины при этом доминируют, являются ведущими, другие «подкрепляют» их, имеют характер «фона», благодаря которому облегчается принятие решения о даче заведомо ложных показаний, а некоторые и вовсе бездействуют. Отдельные факторы действуют постоянно, другие более ситуативны. В качестве основных факторов, порождающих лжесвидетельство, рассмотрим следующие.

Связь лжесвидетеля с участвующими в деле лицами

Наиболее ощутимо в происхождении лжесвидетельства сказываются обязательства, вытекающие из предшествующих отношений между участвующими в деле лицами. В структуре лжесвидетельства эти отношения определяются тем, что менее 19% осужденных лжесвидетелей не были прежде знакомы с обвиняемым по основному делу, а вообще посторонние представлены крайне незначительно — 6%. Не велика и доля лиц, знакомых только с потерпевшим, их число не превышает 4%. Таким образом, решительно преобладают лжесвидетели из ближайшего окружения обвиняемого, его микросреды.

В лжесвидетельстве родственников и друзей обвиняемого явно сказывается предпочтение предписаний общепринятой морали, требующей защищать интересы своей семьи и людей своего круга, велению закона о добросовестном выполнении свидетельских обязанностей (под угрозой уголовного преследования), даже если учаемые в преступлении — это родители, дети, супруги, друзья и т. д. О довольно широкой распространенности такого понимания нравственного долга убедительно свидетельствуют результаты изучения правосознания населения². В этом исследовании для выявления отношения к родственному лжесвидетельству на разрешение опрошенных в виде конкретного казуса предлагалась ситуация, содержащая острый конфликт между общественным и личным интересом: отцу предстояло быть свидетелем по делу сына. Опрашиваемым предлагалось на выбор шесть вариантов ответов на вопрос о том, какое поведение отца они одобрили бы в подобной ситуации:

¹ См. В. Н. Кудрявцев, *Причинность в криминологии*, стр. 134.

² Исследование выполнено во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А. Р. Рапинова.

- 1) отказаться от явки в суд;
- 2) отказаться от дачи показаний;
- 3) дать показания, оправдывающие сына;
- 4) дать правдивые показания, изобличающие сына;
- 5) дать показания, что ничего не знает по делу;
- 6) не знаю.

Выяснилось, что более четверти (26%) опрошенных полагают предосудительным изобличать родственника, варьируя лишь способ реализации этой позиции: 5% избрали путь дачи ложных оправдательных показаний и 4% - отрицания своей осведомленности об обстоятельствах расследуемого преступления, что полностью подпадает под признаки лжесвидетельства. Другая часть предпочла уклонение от дачи показаний вообще — 17%, в том числе: отказ от дачи показаний — 12,5%, неявка на допрос — 4,5%. С учетом того, что на практике отказ от дачи показаний встречается редко, а неявившихся свидетелей при необходимости доставляют приводом, очевидно, следует признать, что в лице всей этой группы опрошенных (26%), даже в априорной оценке, отдавшей предпочтение моральным соображениям перед правовыми обязанностями, мы имеем потенциальных лжесвидетелей. Можно полагать, что в реальной жизненной ситуации выгородить близкого попыталось бы большее число, лиц, чем при абстрактном решении криминального сюжета.

Выявленное предпочтение, отражая недостаточный престиж интересов правосудия при столкновении их с жизненными интересами личности, вместе с тем ставит вопрос о моральной обоснованности нынешних правовых обязанностей членов семьи свидетельствовать против своих близких, о чем более подробно будет сказано позже.

Изучение показало, что родственники и знакомые лица, привлекаемого к уголовной ответственности, дают ложные показания практически по делам всех категорий, где они допрашиваются. Оказываясь в роли потерпевших, родственники обвиняемого самое позднее к моменту рассмотрения дела в суде кардинально меняют прежние показания уличающего характера и, пренебрегая грозящей им ответственностью, выгораживают виновного даже ценой самообвинения во лжи, объявляют ложными заявление о преступлении и первоначальные показания. Они же осуществляют давление на иных свидетелей, используют все формы воздействия, чтобы склонить их к даче оправдывающих показаний.

Явное преобладание среди лжесвидетелей родственников и знакомых обвиняемого (около 80%) обусловило преимущественно оправдательную направленность ложных показаний. В интервью лжесвидетелей одна из потерпевших по делу ее мужа (хулиганство на бытовой почве) сообщила, что считала своей нравственной обязанностью помочь мужу избежать уголовной ответственности, чтобы сохранить для их дочери отца, избежать упреков за

то, что «посадила» мужа. Это не случайно: свидетель и потерпевший такого рода оказываются в весьма критической ситуации. Лучшему пониманию мотивации их поведения способствует социально-психологическая концепция «социальной роли» где под «социальной ролью» понимаются многочисленные социальные функции, выполняемые людьми в повседневной жизни. В понятие «социальная роль» включены стереотипные требования (ожидания — экспектации)², предъявляемые к поведению исполнителя данной роли со стороны общества или отдельных коллективов (формальных и неформальных) людей, к которым он принадлежит или относит себя. Одновременно в «содержании социальной роли отражены также представления человека, выполняющего соответствующую роль, о том, как именно в той или иной ситуации следует себя вести»³.

В нашем случае речь идет о свидетеле¹, требования к поведению которого со стороны общества воплощены в нормах уголовно-процессуального закона, определяющего, что свидетель должен правдиво сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы, а также в уголовно-правовых нормах, указывающих на последствия (санкции) невыполнения предписанного поведения. Криминогенное значение имеют ситуации, когда происходит «конфликт» ролей⁴, как это имеет место при свидетельствовании по делу близкого человека. Действительно, с одной стороны, свидетель обязан реализовать поведение, соответствующее роли «свидетель», но в то же время как носитель социальной роли «родственник», «друг» он должен защитить подсудимого, помочь облегчению его участи. Не имея возможности уклониться от выполнения роли «свидетель» и связанных с ней обязанностей (каждый свидетель и потерпевший несет ответственность за отказ от дачи показаний и за уклонение от свидетельствования) и дать правдивые показания, не вступая при этом в противоречие с родственным или дружеским долгом, допрашиваемые лица в ряде случаев решают подобную дилемму противоправным поведением — дачей заведомо ложных показаний. Причем если за дачу ложных показаний им грозят уголовные санкции, то добросовестное поведение на следствии и в суде по делу родственника или друга ведет к разрушению общности: «мы» — свидетель+подследственный = родственники, друзья и т. д. — и чревато для свидетеля не-

¹ См. А. М. Яковлев, Преступность и социальная психология; Т. Шибутани, Социальная психология, М., 1969.

² См. Т. Шибутани, названная работа, стр. 378.

³ См. А. М. Яковлев, названная работа, стр. 173; Ю.О. Блужштейн, Конфликт ролей и противоправное поведение, в сб. «Проблемы социологии права», вып. 1, Вильнюс, 1970, стр. 125—1132.

⁴ См. А. М. Яковлев, названная работа, стр. 174.

формальными санкциями¹ - отлучением от микросреды, разрушением социального статуса «мать», «жена», «сын», «друг» и т. п.

И довольно часто в этом конфликте ценностей родственник долг оказывается гораздо более значимым, чем интересы правосудия и грозящее наказание за лжесвидетельство. Противопоставление жизненно значимых ценностей личности предписаниям закона ведет к глубокому нравственно-психологическому конфликту. Отмечая специфичность такой ситуации, английский юрист Д. Стифен еще в начале прошлого века писал, что общественное мнение было бы шокировано обычаем вызывать к ответу жен против мужей и оно едва ли осудит жену, сделавшую лживую присягу для спасения мужа². Нельзя забывать об исключительной сложности жизненной ситуации для тех лиц, чьи родственники привлекаются к уголовной ответственности. Ситуация расследования, особенно если дело возбуждено по инициативе члена семьи подследственного, крайне осложняет взаимоотношения в семье заявителя, возникает отчужденность, резко изменяется привычный ритм жизни. Трудно сказать, когда заявители переживают больше: когда подследственный арестован или когда он на период расследования остается на свободе. Но по результатам изучения отмечается, что если подследственный арестовывается, то спустя не более одной-двух недель от заявителя поступает заявление с просьбой прекратить уголовное дело и освободить из-под стражи обвиняемого.

Экстремальность этой ситуации способствует возникновению у родственников подследственных особых психических состояний, порождающих неадекватные решения: во многих случаях такие потерпевшие и свидетели оговаривают себя в ложном доносе и ложных обвинительных показаниях, объявляя заведомо ложными заявление о преступлении и первоначальные показания.

В ряде случаев недобросовестное поведение допрашиваемых лиц, включенных в один «микроколлектив» с подследственным, может быть объяснено и однотипным отношением к тем правоохраняемым ценностям, которым был причинен ущерб действиями привлекаемого к ответственности лица³, а также проявлениями конформизма.

Причастность свидетеля к преступлению

Причастность к расследуемому преступлению в равной мере определяет позицию свидетелей по всем категориям преступле-

¹ См. Я. Шепаянский, *Элементарные понятия социологии*, М., 1969, стр. 112.

² См. Д. Стифен, *Уголовное право Англии в кратком очерчении*, СПб, 1865, стр. 368.

³ См., например, А. М. Яковлев, *Преступность и социальная-психология*, стр. 188.

ний¹. Распространенность этой причины лжесвидетельства связана в значительной мере с тем, что в ходе уголовного процесса не принимается какое-либо решение в отношении лиц, в той или иной форме причастных к преступлению, по поводу которого ведется дело. По нашим данным, лишь одна пятая свидетелей этого рода освобождалась от уголовного преследования соответствующим процессуальным актом органов дознания, предварительного следствия и суда. Остальные оставались под угрозой привлечения к уголовной ответственности за соучастие в основном преступлении вплоть до постановления приговора по этому делу. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что недопустимо допрашивать в качестве свидетелей фактических подозреваемых и требовать от свидетелей показаний самоуличающего характера². Однако на практике такие случаи встречаются довольно часто.

Двусмысленность и полная неопределенность положения таких «свидетелей», которые по существу остаются подозреваемыми в течение всего производства по делу, но при этом без всяких правовых гарантий, ставят вопрос о нормативном закреплении иммунитета против самообвинения³. С психологической стороны поведение такого допрашиваемого вполне объяснимо, так как оно имеет характер самозащиты. Подобным «свидетелям» приходится лавировать между следователем и подследственным, судом и подсудимым, между угрозой ответственности за то преступление, о котором он обязан давать правдивые показания, и ответственностью за нарушение или уклонение от этой обязанности, зачастую выбирая последнее. Опасаясь оказаться в роли подсудимого по основному делу, такой свидетель вынужден давать показания уличающего характера в отношении подследственного, но при этом, во-первых, избегать освещения тех деталей, которые могут изобличить его самого, а во-вторых, не «переусердствовать» и не вызвать лицо, привлекаемое к ответственности, на ответную откровенность, т. е. исключить возможность встречных разоблачений.

Изучением выявлено немало дел, по которым осуждены за лжесвидетельство непосредственные, но второстепенные участники таких преступлений, как хулиганство и служебные злоупотребления, а также некоторые менее значительные правонарушения. Учитывая, что почти каждый третий осужденный за лжесвидетельство так или иначе причастен к событию, относительно которого им давались ложные показания, можно полагать, что позиция таких лиц по основному делу порождается также негативным или безразличным отношением к правоохраняемым ценностям и терпимостью к их нарушению.

¹ Фактические, но не изобличенные преступники или сознательно оставленные без внимания составили 31% — одну треть всех лжесвидетелей.

² См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 568.

³ Вопрос об этом неоднократно поднимался в юридической литературе. См. § 1 гл. II данной работы.

Воздействие заинтересованных лиц

Если первоначальные показания были правдивы, то их изменение на ложные обычно связано с внешними воздействиями на свидетелей и потерпевших. Это обстоятельство как причину лжесвидетельства лиц, ранее незнакомых с обвиняемым, назвали при опросе практические работники органов уголовной юстиции, законопослушные граждане и правонарушители об этом же говорят результаты изучения уголовных дел и интервью лжесвидетелей.

Только по материалам уголовных дел зафиксировано, что склонение или понуждение к даче заведомо ложных показаний имело место более чем в одной пятой всех случаев лжесвидетельства. Но есть все основания полагать, что эти данные не отражают реальной распространенности подстрекательства к даче ложных показаний. При интервьюировании лиц, отбывших наказание за лжесвидетельство, добросовестных свидетелей и потерпевших, а также научных и практических работников органов уголовной юстиции отмечалось, что редкий свидетель, чьи показания имеют существенное значение для дела, избегает давления со стороны подследственных и их ближайшего окружения. «Обработка» происходит дома, в пути следования на допрос и в помещении органов правосудия. Одна из допрошенных рассказала, как ее встречали перед допросами неподалеку от помещения следственного отдела УВД обвиняемая и ее муж, беспокоили визитами и телефонными звонками на работе и дома, хотя, чтобы избежать общения с ними, члены семьи свидетельницы никому не открывали дверь квартиры, а телефонный аппарат закрывали подушкой.

Подстрекательство и понуждение к даче заведомо ложных показаний имеют место именно по тем делам, где доказывание строится преимущественно на свидетельских показаниях и в отношении основных свидетелей по делу, уличающих преступника, прежде всего потерпевших и очевидцев преступления.

Формы воздействия на свидетелей и потерпевших различны, начиная от уговоров и кончая насилием. Главным образом давление осуществляется путем уговоров. Значительно реже встречаются прямые угрозы свидетелю, еще реже подкуп и обещание нематериальных благ. Насилие как способ получения желательных показаний, судя по данным уголовных дел, почти не используется. Однако при этом следует иметь в виду, что материалы уголовных дел и иные доступные нам источники не вскрывают наиболее

¹ См. также данные исследования, выполненного во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Г. Х. Ефремовой («Криминологическая характеристика правосознания молодых правонарушителей», канд. дис., М., 1973).

опасные и наказуемые формы склонения и принуждения к даче заведомо ложных показаний.

Вместе с тем действенность уговоров, очевидно, объясняется сравнительно невысоким уровнем правосознания значительной части граждан, примиренческим отношением к правонарушениям.

Отношение к органам правосудия

Довольно распространенной причиной лжесвидетельства лиц, незнакомых с участниками расследуемого преступления, не имеющих отношения к этому преступлению и избежавших прямого подстрекательства к даче заведомо ложных показаний, является нежелание содействовать органам правосудия.

Зачастую эта позиция обуславливается неверием в эффективность своего участия в деле, в то, что виновные понесут ответственность, недостаточно высоким престижем следственных и судебных органов. Так, изучение правосознания вызвало скептическую оценку гражданами раскрываемости преступлений. Две пятых опрошенных полагают, что значительная часть преступлений остается безнаказанной, а 5% считают, что вообще большинство преступлений не раскрывается. Еще более низко оценивают результативность деятельности органов правосудия осужденные преступники и несудимые правонарушители. Подобные отношения и взгляды служат причиной уклонения от свидетельских обязанностей чаще всего путем дачи заведомо ложных показаний, отрицания осведомленности. По принципу: «не знаю», «не видел», «не помню» и т. п. Следует заметить, что упомянутый «скептицизм» граждан объективно обусловлен еще имеющими место случаями неосновательного освобождения виновных от ответственности, прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям или назначения неоправданно мягкого наказания. Если свидетель многократно допрашивался, уличал преступника, а виновный все-таки избежал заслуженной ответственности, то в следующий раз граждане, имеющие такого рода опыт участия в расследовании, нередко пытаются уклониться от свидетельских обязанностей.

В происхождении «недоверия» к следственным и судебным органам известная роль принадлежит осведомленности населения о действительных или мнимых судебных ошибках, отсутствию солидарности с карательной практикой, признанию ее некоторыми гражданами несправедливой. Так, 4% опрошенных считают применяемые наказания чрезмерно суровыми, а 8% указывают на излишний либерализм правосудия.

В ряде случаев лжесвидетельство из-за нежелания участвовать в деле связано с тем, что свидетель стремится избежать отрицательных последствий, сопряженных со свидетельскими обязанностями, к которым относятся потеря времени из-за неоднократных вызовов на допросы и другие следственные действия в не

всегда удобное для свидетеля время, переживание свидетелем дискомфорт в связи с необходимостью отвлекаться от обычных занятий, волноваться на допросах, изобличая преступника, опасение возможной мести со стороны виновного или его окружения, боязнь огласки обстоятельств интимной жизни допрашиваемого или сведений, компрометирующих его лично или близких ему людей.

Последнее обстоятельство, т. е. боязнь контактов с властями в связи с собственным неблагоприятным поведением, довольно ощутимо сказывается на поведении свидетелей из числа несудимых правонарушителей, которые при опросе о причинах недобросовестного поведения свидетелей в уголовном процессе на первое место поставили боязнь допрашиваемых быть запутанными в деле¹. Изучение подтвердило, что действительно некоторые допрашиваемые стремятся избежать свидетельских обязанностей, ложно отрицают свою осведомленность из опасения оказаться в каком бы то ни было качестве участником уголовного судопроизводства, так как довольно живуче еще и Такое представление о незапятнанности гражданской репутации, что человек «никогда даже свидетелем не был». Характерно, что при опросе молодежи эту причину лжесвидетельств вынесли на первые места не только осужденные преступники и несудимые правонарушители, но и законопослушные граждане².

Отчужденному отношению к правоохранительным органам способствуют тактически неоправданное и некорректное обращение со свидетелями и потерпевшими некоторыми следственных и судебных работников: многократные вызовы без действительной необходимости, длительное и томительное ожидание допроса, приглашение в неудобное для свидетеля время, пренебрежение к его служебным и семейным обязанностям, неуважительный тон и т.п. Отрицательный опыт такого рода формирует стойкий иммунитет против участия в судопроизводстве, побуждает свидетеля к отказу от дальнейшего сотрудничества, способствует возникновению особых психических состояний, развивающихся вследствие неправомерного поведения допрашивающего, в связи с чем возможно появление заведомо ложных показаний как реакции на неправомерные или некорректные действия следственного или судебного работника.

Алешкина была привлечена к ответственности по ст. 182 УК РСФСР и приговорена народным судом к штрафу в размере 15 руб. (образование у нее пять классов, имеет троих детей). Выступая свидетелем по делу Молчина, обвинявшегося в злом хулиганстве, Алешкина в суде уточнила свои показания, сказав,

¹ См. Г. Х. Ефремова, Криминологическая характеристика правосознания молодых правонарушителей, канд. дисс.

² Там же.

что она слышала ругань Молчина, но в коридор не выходила. Председательствующий в судебном заседании спросил Алешкину, почему она изменяет показания, не была ли она сама пьяной. После этого свидетельница перестала отвечать на вопросы суда. Тогда судом было возбуждено уголовное дело в отношении Алешкиной по признакам ч. 1 ст. 181 УК РСФСР. При рассмотрении этого дела обвинение ее по ст. 181 УК РСФСР было снято. Отметив в приговоре тот факт, что отказ Алешкиной от дачи показаний был обусловлен бестактным поведением председательствующего, суд признал ее виновной в преступлении, предусмотренном ст. 182 УК РСФСР.

В ряде случаев формирование позиции лжесвидетеля происходит под влиянием и давлением профессионального окружения, неформальных предписаний микросреды, обязывающих воздерживаться от дачи избобличающих показаний, что в свою очередь связано с дефектами нравственного и правового сознания некоторых групп населения.

Сказанное может быть конкретизировано, если учесть, что лица, ранее судимые, крайне неохотно выступают в роли свидетелей, соблюдая неписанные законы преступного мира о «взаимовыручке» и «преступной солидарности». Эта же закономерность наблюдается в других микрогруппах, в частности в среде торговых работников, где бытует негативное отношение к органам правосудия и существует своего рода «табу» на участие в их работе.

Отношение к правоохраняемым ценностям

Каждая из рассматриваемых здесь причин лжесвидетельства так или иначе связана с другими и в свою очередь порождается системой базовых отношений граждан к нравственным и правовым ценностям, в том числе и к тем, что нарушены преступлением, по поводу которого ведется судопроизводство и даются ложные показания. Отношение к этим ценностям опосредуется субъективной оценкой совершенного преступления, т. е. его порицанием или одобрением.

Высказанное положение подтверждается уже тем, что основная масса лжесвидетелей объективно действовала в пользу преступника. В выборе этой позиции неизбежно сказалась степень осуждения правонарушения, личности виновного и его действий. Тем самым ложные показания оказываются необходимым, с точки зрения лжесвидетеля, способом корректировки уголовного закона и его применения в данном случае.

О том же свидетельствует направленность ложных показаний на первых и последующих допросах. Поскольку ложное обвинение служит средством достижения каких-то личных целей и по своему происхождению не имеет касательства к тому преступлению, о котором идет речь (чаще всего оно мнимо), то определяющим

для обвинительной позиции является отношение лжесвидетеля к участникам дела. Напротив, защищая действительного преступника, лжесвидетель не может полностью отвлечься от оценки совершенного преступления. Вместе с тем он в большей мере подвержен сторонним влияниям, чем доносчик-обвинитель, преследующий своекорыстные цели, использующий для их достижения правоохранительные органы. В генезисе оправдательной позиции взаимодействует большее число факторов, и поэтому позиция таких лжесвидетелей не всегда изначально, более изменчива, чем обвинительная.

Какие показания были заведомо ложными	В обвинительной позиции	оправдательной позиции
Первоначальные	96,6%	20,2%
Повторные	3,4%	79,8%

Здесь ярко выражен менее устойчивый и более ситуативный характер лжесвидетельства в пользу обвиняемого, сказывается влияние других рассмотренных выше факторов, но все они, как оказалось, действуют на «фоне» определенных отношений лжесвидетелей к правоохраняемым ценностям и посягательствам на них.

Подтверждением этого тезиса служит сопоставление структуры преступности (судимости) в целом со структурой судимости за лжесвидетельство по различным категориям дел. Отношение соответствующей доли лжесвидетелей к удельному весу осужденных за соответствующие преступления дает коэффициент отношения лжесвидетелей к различным видам преступных посягательств.

Наибольший коэффициент оказался по делам об изнасиловании — 4,0; телесных повреждениях — 3,5; хищениях и должностных преступлениях — 1,8; хулиганстве — 1,5. Меньше коэффициента по делам о грабежах и разбоях — 0,2; кражах личного имущества — 0,5; убийствах — 1,4.

Эти данные означают, что чем выше коэффициент, тем сравнительно больше удельный вес лжесвидетельства по соответствующей категории дел и тем, стало быть, более терпимо к этому виду преступлений отношение граждан, дающих заведомо ложные показания. Выходит, что наиболее порицаемы кражи личного имущества, грабежи, разбои, убийства, а менее нетерпимы изнасилования, телесные повреждения, хулиганство.

Необходимо, конечно, учитывать, что на приведенных данных сказывается позиция лиц, осуществляющих производство по делу, — значимость лжесвидетельства с доказательственной точки

зрения по таким делам, как, например, хулиганство в публичном месте при обилии свидетелей, частью которых, разрешая дело, можно пренебречь. Другое дело — изнасилование, телесное повреждение и хулиганство на бытовой почве, убийство, взяточничество, где от устойчивости показаний свидетелей и потерпевших зависит судьба дела. Здесь лжесвидетельство более нетерпимо, и соответственно недобросовестные допрашиваемые рискуют больше. Видимо, поэтому частота привлечения к ответственности за заведомо ложные показания, а следовательно, и коэффициент сравнительно выше. Однако и при этом в группе преступлений против личности лжесвидетельство по делу об убийстве менее терпимо, чем по делу о телесных повреждениях, и еще менее, чем по делу об изнасиловании. Тенденция все же дает о себе знать. Она просматривается и при анализе данных, характеризующих последствия тех преступлений, по поводу которых давались заведомо ложные показания. Преступления, не повлекшие за собой тяжкие, с точки зрения свидетеля, последствия, расцениваются как менее значительные и менее опасные, чем и определяется позиция лжесвидетелей.

Основная доля осужденных за лжесвидетельство приходится на преступления, повлекшие за собой моральный ущерб гражданам и государству, — 38%, легкие телесные повреждения — 34%, и материальный ущерб государству — 20%. Здесь отражается оценка лжесвидетелями нарушенного блага и, в частности, более примиренческое отношение к посягательствам на социалистическую собственность, общественный порядок, неприкосновенность и достоинство личности.

Приведенные данные полностью соответствуют результатам уже упоминавшихся исследований правосознания различных групп населения и различных категорий правонарушителей. Там также были выявлены наибольшая распространенность в обыденном сознании противоправных установок по отношению к государственному имуществу и общественному порядку и максимальная нетерпимость в отношении убийств, краж личного имущества и т. п.

Если оправдательную позицию трактовать в качестве показателя негативного отношения к охраняемым законом объектам, то заслуживает внимания вес и распространенность этой позиции применительно к различным видам преступлений, по делам о которых давались заведомо ложные показания. На первых местах по удельному весу оправдательной позиции, а тем самым и наименее упречными оказались преступления против социалистической собственности, против общественного порядка и против личности. Как видно, эти данные соответствуют фактической распространенности хищений и краж социалистического имущества, хулиганст-

¹ Речь идет об исследованиях, выполненных во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

ва, телесных повреждений и изнасилований; значит, можно полагать, что хищение и лжесвидетельство по делу о хищении или хулиганство и лжесвидетельство по делу о хулиганстве порождаются однотипными ценностными ориентациями.

Выделяя рассмотренные выше факторы в качестве ведущих причин лжесвидетельства, мы уже отмечали в предыдущем изложении, что на поведение свидетеля и потерпевшего влияют и многие другие факторы, к которым относятся, в частности, и индивидуально-психологические особенности личности допрашиваемого и его психики. Однако, учитывая, что основное условие возникновения и реализации недобросовестного поведения допрашиваемого — это наличие конкретного уголовного дела, в связи с которым свидетель и потерпевший занимают определенную позицию и принимают решение о даче тех или иных показаний, именно названные выше факторы можно считать основными причинами лжесвидетельства.

Все иные факторы могут оказаться сиюминутной причиной конкретного акта недобросовестного отношения к свидетельским обязанностям, но не способны породить лжесвидетельство как социально-правовое явление. Видимо, и те ведущие факторы, которые взаимодействуют в основе недобросовестного поведения свидетеля или потерпевшего, в их чистом виде в реальной ситуации расследования и судебного разбирательства уголовных дел встречаются нечасто. Скорее всего они выступают в определенных сочетаниях, взаимодополняя и подкрепляя друг друга. Выделение их в данной работе носит условный характер, предпринято в научно-методических целях.

Таким образом, данные о личности и поведении лжесвидетелей, о распространенности лжесвидетельства и преобладающих позициях, а также причины недобросовестного поведения свидетелей и потерпевших в уголовном процессе показывают, что социальная сущность лжесвидетельства имеет сложную структуру.

Являясь результатом выбора, сознательного предпочтения одних ценностей другим, лжесвидетельство отражает низкий престиж отдельных видов правоохраняемых ценностей у населения, что находит свое выражение в распространенности лжесвидетельства по различным категориям дел. Одновременно оно служит показателем явно недостаточного престижа интересов права и правосудия при столкновении их с личными интересами допрашиваемого, интересами его близких или родственниками и членов семьи обвиняемого (подсудимого) указывает на конфликт норм, являющийся источником их противоправного поведения, и ставит вопрос о введении свидетельского иммунитета¹. Наличие значительного числа заведомо ложных показаний отражает недостаточно высо-

¹ См. об этом § 1 гл. II данной работы/

кий качественный уровень деятельности органов правосудия, содержит определенную оценку их работы, характеризует состояние правопорядка в стране и в свою очередь оказывает отрицательное влияние на состояние борьбы, с преступностью. Вместе с тем лжесвидетельство в большинстве случаев не носит антагонистического характера по отношению к закону и правосудию, вытекает из частных дефектов правосознания некоторых граждан и недостаточной правовой культуры населения, обусловлено недостатками в деятельности правоохранительных органов.

С психологической стороны лжесвидетельство характеризуется как сознательное поведение личности в уголовном процессе, один из вариантов выхода из конфликтных ситуаций, складывающихся в орбите уголовно-процессуальной деятельности/ Часть лжесвидетелей принимает решение о даче заведомо ложных показаний в результате только внутренней оценки значимости интересов правосудия в сопоставлении с собственными интересами и интересами других лиц, когда интересы правосудия оказываются у допрашиваемого на более низкой ступени его внутренней иерархии ценностей по сравнению с иными. Других к даче заведомо ложных показаний подталкивают внешние воздействия, постороннее влияние: неблагоприятная обстановка допроса, неправильное и некорректное поведение допрашивающего, воздействие заинтересованных в деле лиц — уговоры, угрозы и т. д. Наиболее значительными психологическими и социально-психологическими факторами, лежащими в основе недобросовестного поведения свидетелей и готерпевших, очевидно, можно считать конфликт ролей, конформизм и особые психические состояния.

§ 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО

Общественная опасность лжесвидетельства как действия, посягающего на нормальную деятельность органов правосудия по реализации возложенных на них задач, совершаемых в сфере уголовно-процессуальной деятельности в связи с расследованием преступлений, получила свое законченное выражение и оценку в законе, установившем уголовную ответственность за это деяние.

Впервые в нашей стране указание на наказуемость лжесвидетельства в уголовном порядке было зафиксировано в ст. 2 Декрета Совнаркома от 24 ноября 1921 г. «О наказаниях за ложные доносы». В последующие годы в законодательстве неизменно сохранялись положения, предусматривающие ответственность свидетелей и потерпевших за дачу заведомо ложных показаний.

Проведенное исследование подтвердило высокую степень общественной опасности рассматриваемого преступления. Опасность этого деяния заключается не только в том, что лжесвидетельство влечет за собой крайне нежелательные правовые последствия для

тех дел, при разрешении которых оно происходит, но прежде всего в том, что лжесвидетели посягают на авторитет закона и правосудия, принцип неотвратимости наказания в отношении преступников, препятствуют полному и всестороннему расследованию обстоятельств уголовных дел, применению к виновным справедливого, соразмерного наказания.

Лжесвидетельство чрезвычайно затрудняет расследование и судебное разбирательство уголовных дел, что неизбежно сказывается на сроках следствия и судебного рассмотрения этих дел, препятствует проведению в жизнь принципа оперативности и быстроты расследования. Свыше четверти дел, по которым зафиксировано лжесвидетельство, расследовались с нарушением установленных сроков предварительного следствия, а разрешение судами немногим менее половины всех дел этого рода (42%) состоялось спустя более трех-четырёх месяцев с момента их возбуждения. По делам, относящимся к этой группе, лжесвидетельство осложнило расследование, потребовалось произвести дополнительные следственные действия, многократно допрашивать свидетелей и потерпевших, откладывать судебное рассмотрение дел на более поздние сроки.

Кроме того, отмечены конкретные правовые последствия заведомо ложных показаний. В том числе: неосновательное возбуждение уголовного дела, привлечение к уголовной ответственности, арест или предание суду - 7%; неосновательное осуждение невиновного и отягощение ответственности, назначение несоизмеренно строгого наказания — 4%; неосновательное смягчение вины, назначение несоизмеренно мягкого наказания — 5%; оправдание виновного - 6%; возвращение дела на доследование или новое судебное разбирательство — 4%.

Таким образом, выяснилось, что лишь менее чем в одной трети дел, где было лжесвидетельство, не усматриваются явные последствия ложных показаний. Но лжесвидетельство имеет еще и побочные «эффекты». Достаточно упомянуть о «цепной реакции» допрашиваемых в связи с ложными показаниями недобросовестного свидетеля или потерпевшего. Речь идет о том, что дача ложных показаний одним из допрашиваемых, как правило, сопровождается изменением показаний обвиняемыми, использующими эту возможность для облегчения своего положения в деле, а также иными свидетелями и потерпевшими, которые изменяют, свои показания, начиная сомневаться под влиянием лжесвидетеля в правильности своих наблюдений и точности ранее сообщенных ими сведений или же используют лжесвидетельство других лиц как предлог для отказа от прежних, уличающих преступника показаний. По изученным делам таких случаев зафиксировано: у обвиняемых 76%, у свидетелей — 31%, у потерпевших — 11%. Повальное «сползание» свидетелей с прежних показаний, если один из них начинает лжесвидетельствовать, наиболее характерно для

дел о преступлениях, совершаемых на бытовой почве, должностных злоупотреблениях, хищениях и преступлениях против общественного порядка.

Опасность лжесвидетельства объясняется прежде всего компетентностью лжесвидетелей. Основная масса лжесвидетелей - это очевидцы и основные свидетели преступления, среди которых, как уже говорилось выше, большую группу образуют потерпевшие — 32% и лица, достаточно хорошо осведомленные обо всех обстоятельствах расследуемого преступления. — 31%. Особенно вредит правосудию лжесвидетельство потерпевших. Изменение показаний этими лицами, казалось бы, наиболее заинтересованными в полном изобличении и наказании виновного, самым отрицательным образом сказывается на поведении подследственного и других свидетелей, преимущественно по тем соображениям, что если лицо, непосредственно пострадавшее от действия преступника, отказывается его уличать, то свидетель тем менее в этом заинтересован.

Немаловажно и то, что, по нашим данным, свыше 96% ложных показаний касаются наиболее существенных моментов обвинения. коренным образом подрывают его. А так как лжесвидетельство большей частью происходит в суде, то нередко, во избежание направления дела на дополнительное расследование, суды исключают из обвинения отдельные эпизоды, меняют квалификацию действий подсудимых. Правда, довольно часто в этом затруднительном положении «выручает» сам лжесвидетель, принося «признание» во лжи на предварительном следствии и тем самым создавая видимость благополучного разрешения конфликтной ситуации, добивается решения в пользу подсудимого даже ценой самообвинения в лжесвидетельстве.

Опасность лжесвидетельства существенно возрастает по делам о тех преступлениях, где в распоряжении следствия и суда имеется ограниченный доказательственный материал, а получение новых доказательств маловероятно или невозможно, как, например, это бывает по делам об убийствах и изнасилованиях. Круг свидетелей по таким делам невелик, каждый из них незаменим и уникален, в связи с чем лжесвидетельство одного из немногих допрашиваемых весьма пагубно отражается на исходе дела. По нашим данным, наиболее часто лжесвидетельство приходится на дела о преступлениях против личности, бытовом хулиганстве, хищениях и должностных злоупотреблениях, т. е. именно на те категории, по которым отказ свидетеля или потерпевшего от уличающих показаний довольно часто заводит расследование в тупик.

Сказанному полностью соответствуют данные ранее проведенных исследований причин неполной раскрываемости особо опасных преступлений и возвращения на дополнительное расследова-

ние дел об убийствах и хищениях социалистической собственности¹

Усугубляет вредные последствия заведомо ложных показаний и совершение этого преступления группой лиц. Групповое лжесвидетельство распространено относительно широко и встречается примерно в четверти изученных дел.

Заслуживает внимания с точки зрения вредных последствий форма лжи и ее результаты. Если данные о форме лжи соотносить с ее вредными последствиями, то выявляется различный характер влияния на эффективность правосудия активного и пассивного лжесвидетельства. Более чем половина случаев активной лжи повлекла за собой ошибочные решения правоохранительных органов, наносящие непосредственный вред личности: неосновательное уголовное преследование, арест, предание суду, осуждение невиновного или неза заслуженное смягчение ответственности виновного. Преобладающим же результатом пассивного лжесвидетельства оказывается просто существенное затруднение судопроизводства и установления истины, не повлекшее за собой ошибочных решений по делу в ту или иную сторону.

Вот почему среди осужденных за лжесвидетельство преобладают лица, прибегшие к активной форме лжи, последствия которой более очевидны и более ощутимы в конкретном уголовном деле, тогда как лжесвидетели, использовавшие пассивную форму лжи, изобличаются в лжесвидетельстве и привлекаются к ответственности за это преступление втрое реже.

Наконец, характеризуя опасность лжесвидетельства, нельзя не упомянуть о том, какой вред причиняют правосудию случаи дачи ложных показаний при рассмотрении дела на выездной сессии суда, составляющие около 16% всех изученных дел. Несомненно, лжесвидетельство в этих условиях наносит весьма значительный ущерб престижу права и правосудия, так как происходит в присутствии многочисленной аудитории, и если лжесвидетель хоть в какой-то мере достигает желаемого результата, эти факты получают широкую огласку, порождая уверенность в том, что преступник может избежать наказания или облегчить свою участь, если сумеет «обработать» свидетелей. Например, при рассмотрении на выездной сессии суда дела по обвинению Н. в преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 212 и ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, свыше трех свидетелей изменили показания об обстоятельствах угона автомашины, вследствие чего суд был вынужден оправдать подсудимого по этому эпизоду.

Таким образом, исследованием установлена высокая степень общественной опасности лжесвидетельства, обусловленная тем,

¹ См., например, Ф. Ю. Бердичевский, Г. И. Кочаров, С. С. Степичев, Почему некоторые дела об убийствах возвращаются на дополнительное расследование, М., 1968.

что это преступление снижает эффективность борьбы с преступностью, затрудняет раскрываемость преступлений, препятствует быстрому, справедливому и неотвратимому наказанию виновных, осложняет судопроизводство, порождает неправосудные решения, подрывает авторитет закона и правоохранительных органов, снижает успех воспитательной функции уголовного процесса, разъедает нравственно-правовое сознание граждан и способствует их деморализации.

Учитывая опасность лжесвидетельства, закон устанавливает достаточно строгое наказание за это преступление. Так, ст. 181 УК РСФСР предусматривает за дачу заведомо ложных показаний свидетелем или потерпевшим наказание до одного года лишения свободы (ч. 1 ст. 181), а за совершение этого преступления при отягчающих обстоятельствах может быть назначено наказание в виде лишения свободы до семи лет.

Признание законом повышенной общественной опасности рассматриваемого преступления усматривается и в том, что закон для наступления ответственности за лжесвидетельство не требует, чтобы действия виновных были причинены реальный вред интересам правосудия и охраняемым законом правам и интересам граждан. По этому признаку лжесвидетельство относится к так называемым формальным преступлениям¹. Однако, как правильно отмечалось в литературе, было бы серьезной ошибкой не учитывать вредные последствия «формальных» преступлений, пренебрегать ими, решая судьбу виновных². Так, если заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего повлекли неосновательный арест подследственного, неосновательное возбуждение уголовного дела и привлечение к ответственности невиновного лица, потребовали выполнения целого ряда дополнительных следственных действий только для опровержения ложных утверждений лжесвидетеля, вызвали перенос судебного заседания на более поздние сроки, обусловили другие последствия, то все это суд должен учесть при назначении наказания в отношении лжесвидетеля.

Конечно, здесь возникают определенные трудности при доказывании причинной связи между такими последствиями и недобросовестным поведением свидетеля или потерпевшего в уголовном процессе, но пренебрегать ими неправомерно. Указание на ущерб, причиненный преступлением, как на обстоятельство, в обязательном порядке подлежащее выяснению и доказыванию по уголовным делам, прямо закреплено в законе³. Поэтому органам следствия и суду при расследовании и рассмотрении дел о лжесвидетельстве

¹ Авторы разделяют сомнения в правомерности данного термина, высказанные Н. Ф. Кузнецовой в работе «Значение преступных последствий», М., 1958.

² См. там же.

³ См. ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также ст. 68 УПК РСФСР.

необходимо принимать все предусмотренные законом меры к установлению и доказыванию преступных последствий заведомо ложных показаний, учитывать их при избрании меры пресечения и назначении наказания лжесвидетелям.

Лжесвидетельство является окончанным преступлением на предварительном следствии и при производстве дознания с момента подписания свидетелем или потерпевшим протокола допроса, очной ставки или опознания с заведомо ложными показаниями, а в суде — с момента фиксации таких показаний в протоколе судебного заседания. Некоторые авторы, правда, полагают, что состав этого преступления в судебной стадии процесса следует считать окончанным после завершения судебного допроса свидетеля или потерпевшего — однако эта точка зрения представляется не вполне правильной. Известно, что закон прямо обязывает секретаря судебного заседания подробно протоколировать показания допрашиваемых лиц. Поэтому, видимо, правильнее было бы считать, что в суде лжесвидетельство можно признать окончанным преступлением после занесения показаний свидетеля или потерпевшего в протокол судебного заседания.

В связи с вопросом о моменте окончания дачи заведомо ложных показаний в следственной и судебной практике нередко возникают сомнения в том, исключается ли уголовная ответственность за лжесвидетельство, если свидетель или потерпевший, давший заведомо ложные показания при производстве дознания или на предварительном следствии, в суде дает правдивые показания.

С учетом сказанного выше следует признать, что изменение свидетелем или потерпевшим своих первоначальных ложных показаний на правдивые, если только это не происходит в пределах одного следственного действия, не устраняет ответственности за лжесвидетельство. Однако органы следствия и суд, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела, по которому даны эти ложные показания, и личности допрашиваемого, вправе учесть дачу впоследствии правдивых показаний как обстоятельство, смягчающее вину лжесвидетеля, или отказать в возбуждении уголовного преследования против него, например в порядке ст. 7 УК РСФСР.

Существенный интерес представляет вопрос об ответственности за соучастие в лжесвидетельстве. По ст. 181 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик могут и должны привлекаться к ответственности организаторы дачи заведомо ложных показаний и подстрекатели к этому преступлению. Закон выделил в самостоятельный состав преступления наиболее опасные формы воздействия на свидетелей и потерпевших, имеющего целью склонение или понуждение их к даче заведомо ложных показаний: понуждение свидетеля или потерпев-

¹ См., например, «Курс советского уголовного права», т. VI, стр. 145.

шего к даче судебно-следственным органам ложных показаний, совершенное путем угрозы убийством, насилием, истреблением имущества этих лиц или их близких, а также подкуп этих лиц (ст. 183 УК РСФСР). Другие формы склонения или понуждения к лжесвидетельству, не подпадающие под признаки ст. 183 УК РСФСР, например: уговоры, обещание вознаграждения нематериального характера, т. е. продвижения по службе, устройства на работу или учебу, предложение потерпевшей по делу об изнасиловании вступить в брак с виновным, исходящее от родственников или знакомых подследственного и имеющее целью склонить ее к даче ложных показаний в его пользу, угрозы огласки позорящих и иных сведений компрометирующего характера и тому подобные действия, должны квалифицироваться по ст.ст. 17 и 181 УК РСФСР, а в случае, если подстрекательство к лжесвидетельству фактически не повлекло за собой дачу заведомо ложных показаний, ответственность наступает по ст.ст. 15, 17 и 181 УК РСФСР¹. Если подстрекательство имело место в отношении несовершеннолетнего, подстрекателю необходимо дополнительно инкриминировать обвинение по ст. 210 УК РСФСР.

Следует иметь в виду, что действия лица, привлекаемого к ответственности по тому делу, в связи с которым допрашиваются свидетели и потерпевшие, направленные на склонение или понуждение их к даче желательных ложных показаний, также необходимо квалифицировать по ст. 183 УК РСФСР, ст.ст. 17 и 181 УК РСФСР или ст.ст. 15, 17, 181 УК РСФСР.

Подстрекательство к лжесвидетельству считается оконченным преступлением с момента обращения с такого рода требованиями к свидетелю или потерпевшему, независимо от того, какие показания даст это лицо². Расследование дел о подстрекателях может быть начато немедленно по обнаружении таких фактов. Поэтому при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел против лжесвидетелей органы следствия и суд должны выявить и привлечь к ответственности не только самих лжесвидетелей, но и всех тех, кто стоит за ними, — организаторов и подстрекателей к даче заведомо ложных показаний.

Таким образом, закон строго охраняет интересы социалистического правосудия, обеспечивая его нерушимость суровыми уголовными санкциями. Реальная же защита правосудия от преступных посягательств входит в прямые обязанности представителей этих органов — судей, прокуроров, следователей.

¹ См., например, «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», М., 1971, стр. 393.

² См. там же, стр. 393—394; «Курс советского уголовного права», т. VI, стр. 157.

Глава II

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

Значение проблемы лжесвидательства, как показало проведенное изучение, выходит за рамки интересов борьбы с преступлениями против правосудия. Затрудняя, а иногда и препятствуя установлению истины по делу, лжесвидательство непосредственно и самым отрицательным образом отражается на деятельности правоохранительных органов, дезорганизует ее и снижает эффективность борьбы с иными, в том числе и наиболее опасными видами преступлений. Самая тесная взаимосвязь лжесвидательства с преступностью в целом заключается еще и в том, что в нем проявляется известная терпимость к правонарушениям, по поводу которых ведется судопроизводство и допрашиваются свидетели и потерпевшие. Являясь показателем определенного уровня правовой культуры и правосознания граждан, лжесвидательство оказывает и обратное влияние на состояние правопорядка и борьбы с преступностью. Заведомо ложные показания свидетелей и потерпевших, а также вредные последствия недобросовестного поведения граждан в уголовном процессе пагубно отражаются на нравственно-правовом сознании граждан, умаляют авторитет закона и дискредитируют идею его нерушимости, что неизбежно сказывается на иных сферах общественных отношений и социального поведения людей. Таким образом, лжесвидательство является весьма значительной социальной и правовой проблемой.

Большой круг причин, порождающих недобросовестное поведение свидетелей и потерпевших, и их сложное взаимодействие в генезисе конкретного акта лжесвидательства обуславливают определенные трудности борьбы с преступлениями данного вида, тем более что лжесвидательство неотделимо от преступности в целом. Однако установленный нашим исследованием факт, что в основной своей массе рассматриваемые преступления связаны с дефек-

тами правосознания граждан, несовершенством правоохранительной деятельности, являются ситуативными и обычно не носят характера прямого противодействия целям и задачам социалистического правосудия, обещает обнадеживающие перспективы борьбы с лжесвидетельством.

Изучение показало, что недостаточная эффективность борьбы с этим видом преступлений против правосудия обусловлена дефектами следственной и судебной работы по делам о лжесвидетельстве, недооценкой работниками юстиции общественной опасности и вредных последствий этих преступлений, пробелами воспитательной работы, некоторым несовершенством законодательной регламентации отдельных уголовно-правовых и процессуальных вопросов, относящихся к положению свидетеля в уголовном процессе.

Главной задачей, видимо, следует считать ранее предупреждение лжесвидетельства, устранение факторов, порождающих этот вид преступлений против правосудия и способствующих их совершению. В связи с этим необходим широкий комплекс мер, в число которых должны входить как общие мероприятия по повышению правовой культуры граждан, престижа права и правосудия, по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, повышению профессионального мастерства работников юстиции, так и специальные меры законодательного, организационного, тактического и воспитательного характера.

Меры воспитательного характера

Право как система социального контроля и регуляции общественно-правовых отношений осуществляет свою функцию, воздействуя соответствующими запретами, предписаниями и санкциями прежде всего на сознание людей. Законопослушное поведение граждан обеспечивается тем, что они знают закон, усвоили и признали правовые нормы как единственно правильные и приемлемые образцы поведения и неуклонно следуют им. Задача правового воспитания состоит в таком внедрении в сознание граждан норм объективно действующего права, чтобы поведение, соответствующее закону, стало внутренней потребностью людей, чтобы положительное с точки зрения общественных интересов поведение являлось естественным следствием твердых установок человека, а не результатом перебора различных возможных вариантов поведения, когда предпочтение, отданное оптимальному с точки зрения соответствия закону варианту, может оказаться случайным¹. Формирование правосознания как регулятора поведения граждан в

¹ См. В. И. Каминская, И. Б. Михайловская, Н. В. Радунская, Изучение правосознания граждан и вопросы правового воспитания, М., 1972, стр. 21.

правовой сфере и источника правовой активности - важное направление в борьбе с преступностью в целом и с лжесвидетельством как одним из видов противоправного поведения.

В последние годы работа по повышению правовой культуры и правосознания населения значительно интенсифицировалась и приобрела довольно четкие организационные формы: народные университеты правовых знаний с молодежными факультетами, специальные рубрики и разделы в массовых популярных изданиях, лекции и беседы на правовые темы, проводимые с использованием средств массовой информации — прессы, радиовещания и телевидения. Однако следует признать, что и сейчас она проводится недостаточно широко.

Дефицит официальной информации о праве и о работе органов правосудия создает благоприятные условия для восполнения этого пробела сведениями из неформальных источников: разговоры в частной обстановке, при случайных встречах и т. д., причем чаще всего такого рода информация предоставляется лицами из числа родственников и знакомых осужденных или потерпевших, ранее судимыми или неизобличенными преступниками, наконец, просто гражданами, передающими услышанные ими где-то, порой искаженные до неузнаваемости сведения о каком-либо процессе. Освещение в прессе и иными средствами массовой информации, широкое рассмотрение на выездных заседаниях судов уголовных дел о наиболее распространенных и опасных видах преступлений, более широкое привлечение граждан в судебную аудиторию со всей очевидностью объективно свидетельствовали бы о неотвратимости наказания, способствовали формированию у населения правильного представления о фактической эффективности правоохранительной деятельности, повысили бы свидетельскую активность.

Следует сказать, что явно недостаточное внимание уделяется повышению престижа свидетеля в уголовном процессе, разъяснению роли свидетелей в борьбе с преступностью, освещению основных прав, обязанностей и ответственности этих участников правосудия. Больше того, даже граждане, имеющие опыт участия в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел в качестве свидетелей, в основной своей массе не всегда получают при этом полное и правильное представление о своих правах и обязанностях.

По данным нашего исследования отмечается, что в ряде случаев потерпевшие считают своим правом прекратить уголовное преследование виновного в любой момент, на любой стадии процесса, в том числе и путем дачи ложных оправдательных показаний. Это опасное заблуждение разделяют и многие опрошенные нами свидетели по уголовным делам. Между тем полноценное участие в работе органов правосудия немислимо без хорошего знакомства граждан с правовым статусом свидетеля и потерпевшего.

Значительная часть этой работы должна проводиться непосредственно в ходе расследования и судебного разбирательства, а также в форме бесед, лекций и т. д. Необходимо также активизировать в этом направлении правовую пропаганду средствами массовой информации: газетные публикации, теле- и радиопередачи, брошюры, плакаты, стенды и т. п., разъясняющие права, обязанности и ответственность свидетелей.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что зачастую граждане не только не считают лжесвидетельство опасным преступлением, но и не слышали о случаях осуждения за него. Это связано с тем, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о лжесвидетельстве недостаточно реализуются требования закона и руководящие указания о всемерном повышении воспитательной функции правосудия. Об этом говорит тот факт, что государственное обвинение поддерживалось менее чем по одной трети всех изученных дел. Лишь около 5% дел о заведомо ложных показаниях рассматривалось на выездных заседаниях судов по месту жительства и работы лжесвидетелей, тогда как дела о лжесвидетелях и подстрекателях к лжесвидетельству совершенно необходимо выносить именно на выездные заседания судов, имея в виду воспитательное значение и общепредупредительную роль наказания. По делам этого рода следует как можно чаще поддерживать государственное обвинение, обеспечивая широкое привлечение граждан в судебную аудиторию.

Сейчас общественное внимание недостаточно обращено на опасность лжесвидетельства и необходимость усиления борьбы с этого вида преступлениями против правосудия. Об этом можно судить по тому, как выражается участие общественности в уголовных делах о заведомо ложных показаниях; всего общественность участвовала в расследовании и судебном рассмотрении 14% всех дел этого рода, в том числе общественная защита и ходатайства коллективов о передаче лжесвидетелей на поруки составили 10%, а общественное обвинение — 4%. В формировании нетерпимого отношения к посягательствам на интересы правосудия средства массовой информации используются мало.

Меры организационного характера

Важная роль в воспитании у граждан уважения к закону и доверия к правосудию, а следовательно, и в повышении эффективности борьбы с лжесвидетельством принадлежит непосредственно правоохранительным органам. Правильная, основанная на строжайшем соблюдении законов деятельность органов социалистического правосудия по раскрытию преступных посягательств и выявлению всех участников этих преступлений, по расследованию уголовных дел, справедливому наказанию лиц, совершающих преступления,—

главная и надежная гарантия нерушимости закона, авторитета правосудия и органов, его осуществляющих.

Между тем правоохранительная деятельность еще не вполне свободна от недостатков. В ряде случаев остаются нераскрытыми преступления, имеют место факты неосновательного возбуждения уголовного преследования и его прекращения по нереабилитирующим основаниям, допускаются существенные нарушения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, не выполняются требования закона о повышении воспитательной роли судопроизводства. В предыдущем изложении отмечалось, что несовершенство следственной и судебной работы является одним из факторов, непосредственно порождающих лжесвидетельство и способствующих совершению преступлений против правосудия. Этим в известной мере объясняются случаи свидетельской пассивности, податливости свидетелей и потерпевших к склонению и понуждению к даче заведомо ложных показаний.

Положение осложняется тем, что далеко не всегда несут ответственность лжесвидетели, еще реже преследуются в уголовном порядке фактические организаторы этих преступлений — подстрекатели к лжесвидетельству. Безнаказанность поощряет к продолжению преступной деятельности не только подстрекателей, но и тех лиц, в пользу которых даются заведомо ложные показания. Не случайно изучение правосознания выявило, что наиболее скептическое отношение к раскрываемости преступлений отмечается в среде работников торговли. Это, видимо, обусловлено наличием значительного латентного слоя преступлений против социалистической собственности, осведомленность о чем, несомненно, сказалась на оценке результативности работы органов правосудия этой группой опрошенных.

Тесная связь лжесвидетельства с дефектами правоохранительной работы ставит задачу всемерного повышения качественного уровня и усиления воспитательной стороны следственной и судебной работы как одного из важнейших условий предупреждения данного вида преступлений против правосудия. Установленный нашим исследованием факт, что ложные показания чаще всего поражают дела, наиболее уязвимые в доказательственном отношении, делает неразрывными борьбу с лжесвидетельством и улучшение качества расследования и судебного рассмотрения по делам всех иных категорий.

Общее улучшение работы органов суда и следствия по уголовным делам требуется еще и потому, что в настоящее время некоторые недостатки этой работы препятствуют своевременному предупреждению, выявлению и разоблачению заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших. В дальнейшем изложении содержатся рекомендации по предотвращению и разоблачению лжесвидетельства непосредственно при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Поэтому здесь мы укажем лишь не-

сколько условий повышения эффективности борьбы с лжесвидетельством.

Как показало исследование, следственные и судебные работники в ряде случаев слабо владеют тактикой допроса и методами разоблачения недобросовестных свидетелей и потерпевших. Представляется целесообразным предусмотреть в планах и программах повышения квалификации практических работников юстиции проведение специальных занятий и семинаров по вопросам психологии свидетельских показаний, тактики допроса недобросовестных свидетелей, предотвращения и разоблачения лжи.

Важное значение имеют дальнейшее совершенствование техники протоколирования и фиксации свидетельских показаний, внедрение в следственную и судебную практику стенографии, звуко- и видеозаписи, полное отражение в протоколах вопросно-ответной части и всего хода, а не одних лишь конечных результатов допроса. По нашим данным, лишь незначительное количество протоколов допросов свидетелей и потерпевших по изученным делам включали вопросно-ответную часть.

Необходимо существенно повысить требования к процессуальным актам, содержащим оценку доказательств (постановление о прекращении дела, обвинительное заключение, приговор), с тем чтобы в них давались обстоятельный разбор и анализ свидетельских показаний, содержащих противоречия или противоречащих другим доказательствам, и обязательно исследовалась природа этих противоречий: добросовестное заблуждение или заведомая ложь.

Особое внимание следует обратить на принятие необходимых мер по защите свидетелей и ограждению их от неправомерных воздействий со стороны заинтересованных лиц, в том числе оборудование помещений, где свидетели ожидали бы вызова, контроль за их поведением, рациональная организация вызовов на допрос, предотвращение нежелательных контактов, предупреждение о недопустимости преждевременного разглашения свидетельских показаний, специальные предостережения участвующих в деле лиц.

Отмечается, что многие практические работники органов следствия и суда склонны относиться к лжесвидетельству как преступлению менее опасному, чем, допустим, хулиганство, и в ряде случаев оставляют факты лжесвидетельства безнаказанными. В связи с этим необходимо обратить внимание следователей, прокуроров и судей на недопустимость такого подхода к данному виду преступлений против правосудия, на значительную общественную опасность лжесвидетельства и необходимость обязательного реагирования на каждый факт дачи заведомо ложных показаний, повышения качества расследования и судебного разбирательства по делам этой категории.

Важную роль в предупреждении лжесвидетельства играет ра-

бота по повышению культуры уголовного судопроизводства, приданию уголовному процессу определенной ритуальности.

Более частным вопросом является проблема обеспечения полного и детального ознакомления свидетелей и потерпевших с их правами и обязанностями непосредственно перед допросом или судебным заседанием. В этом плане представляется целесообразным внедрение в следственную и судебную практику и использование в рамках существующего процессуального порядка специальной «памятки свидетеля», более широко и доходчиво, чем это делается сейчас, разъясняющей значение свидетельских показаний, содержание прав, обязанностей и ответственности свидетелей и потерпевших, а также развернутой подписки допрашиваемого об ознакомлении с соответствующими предписаниями, запрещениями и санкциями. С одной стороны, это значительно облегчит работу следователя и судьи, одновременно способствуя более полному знакомству допрашиваемого с надлежащими положениями закона, с другой — существенно повысит ответственность свидетелей и потерпевших, позволит устранить ссылки на неосведомленность о тех или иных предписаниях и запретах закона.

Меры законодательного характера

Результаты проведенного изучения позволяют поставить вопрос о некоторых мерах законодательного характера, которые позволили бы повысить эффективность борьбы с лжесвидетельством.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не освобождает близких родственников обвиняемого от дачи показаний, обязывая их свидетельствовать и возлагая на них ответственность за доброкачественность показаний. Обосновывая это законодательное решение, Н. Н. Полянский писал, что «советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам»¹. Но данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что применение репрессии к лжесвидетелям из числа близких родственников обвиняемого зачастую не достигает цели. Обязанность этих лиц давать показания на общих основаниях приводит к тому, что осуждаются целые семьи. Подобные факты наблюдаются по трети изученных дел, фактически же их могло бы быть значительно больше. В этом отношении выделяется дело Молочановых, по которому глава семьи был осужден за квартирное хулиганство, а его жена, дочь и муж дочери понесли уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Представлением в адрес школы вы-

¹ Н. Н. Полянский, Доказательства в иностранном уголовном процессе, М, 1946, стр. 93.

нужден был ограничиться суд в отношении младшей дочери Молочанова, 15-летней школьницы. В интервью родственников обвиняемого, уже отбывших наказание за лжесвидетельство в его пользу, опрошенные заявили о своей готовности вновь дать ложные показания, если придется быть свидетелем по делу близкого им человека. О распространенности среди граждан этого взгляда как на приемлемое поведение можно судить по результатам упоминавшегося изучения правосознания граждан.

Практика нередко идет по пути фактического освобождения близких родственников обвиняемого от ответственности за счет применения наказаний, имеющих символический характер, или же оставляя такие факты вовсе без реагирования. О нецелесообразности привлечения этой категории лиц к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний высказались научные и практические работники органов юстиции, отметившие в ходе опроса необходимость предоставления иного правового режима членам семьи обвиняемого при их допросе. Более рациональным и гуманным представляется наделение таких лиц правом не давать показаний (за исключением тех дел, когда установлена ответственность за недоносительство), но с сохранением ответственности за лжесвидетельство, если они не воспользовались своим правом отказаться от дачи показаний. Так, например, определяется положение ближайших родственников в уголовном процессе большинства зарубежных, в том числе социалистических стран. На необходимость освобождения близких родственников обвиняемого от обязанности давать уличающие показания неоднократно указывалось в отечественной литературе¹.

В советском уголовно-процессуальном законе (п. 9 ст. 34 УПК РСФСР) понятие «близкие родственники» объединяет: родителей, усыновителей, детей, усыновленных, родных братьев и сестер, деда, бабуку, внуков, супругов. Видимо, нет нужды расширять круг лиц, на которых распространялся бы родственный свидетельский иммунитет.

Нуждаются в законодательном разрешении и вопросы, связанные с процессуальным положением лиц, причастных к расследуемому преступлению. Уже упоминались случаи, когда не решается в надлежащем порядке вопрос об ответственности этих лиц за то преступление, о котором они допрашиваются в качестве свидетелей. Очевидно, помимо обязательного принятия следственными и судебными органами специального решения о прекращении уголовного преследования в отношении соучастников преступления не привлекаемых за него к ответственности, следует закрепить в законе право свидетеля не отвечать на вопросы, чреватые самооб-

¹ Ом. Г. Ф. Горский, П. Д. Кокорев, Д. П. Котов, Судебная этика, Воронеж, 1973, стр. 93—94; А. Д. Бойков, Что такое судебная этика, «Советская юстиция», 1971, № 1, стр. 9.

винением. В настоящее время многие авторы в порядке научного толкования указывают, что свидетелю не могут ставиться вопросы, направленные на выяснение его причастности или непричастности к расследуемому преступлению¹.

Однако отсутствие этого положения в законе оставляет решение данного вопроса на усмотрение практических работников, что и ведет к нежелательным тенденциям практики. Учитывая это, законодательство ряда социалистических стран фиксирует право свидетеля не отвечать на вопросы, связанные с самоизобличением.

Представляется, что принятие указанных Законодательных решений способствовало бы более четкой регламентации правового статуса свидетеля, позволило успешней бороться с лжесвидетельством.

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что законодательством ряда стран (ПНР, ВНР, ГДР, СРР) в случае неявки свидетеля по вызову следственных и судебных органов, помимо принудительного привода и наказания штрафом, предусматривается возможность взыскания с виновного издержек, связанных с его неявкой. Видимо, эта мера дисциплинирует вызываемых лиц и способствует формированию более ответственного отношения к свидетельским обязанностям.

Существенный интерес представляют некоторые положения уголовного законодательства зарубежных социалистических стран, устанавливающие уголовную ответственность за лжесвидетельство. В п. 1 ст. 290 УК Болгарии, и. 1 § 161 УК ЧССР, § 1 ст. 217 УК ПНР и п.1 § 230 УК ГДР прямо указывается на наказуемость не только дачи заведомо ложных показаний, но и умышленного сокрытия (умолчания) существенных обстоятельств дела. Например, в п. 1 ст. 290 УК Болгарии прямо сказано: «Кто в качестве свидетеля сознательно устно или письменно перед судом или другим надлежущим органом власти подтвердит ложь или умолчит об истине, наказывается за лжесвидетельство...». Кроме того, в соответствии с законодательством Польши и Венгрии для наступления ответственности за лжесвидетельство необходимо предупредить свидетеля об уголовно-правовых последствиях дачи заведомо ложных показаний. Так, в 2 ст. 217 УК ПНР говорится: «Для наступления ответственности требуется, чтобы лицо, принимающее показания, действуя в рамках своих полномочий, предупредило свидетеля об уголовной ответственности за дачу ложных показаний»².

¹ См. В. И. Смыслов, Свидетель в советском уголовном процессе, М., 1973, стр. 53; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 396-397; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 2-9; Э. Кушова, П. Лупиская, М. Евтеев, Права и интересы свидетеля, «Социалистическая законность», 1974, № 1, стр. 41; «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 568. -

² Уголовный кодекс ПНР 1969 г. На русский язык не переведен.

В связи с этим следует заметить, что наличие данных положений непосредственно в уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за лжесвидетельство, полностью исключает разночтение закона, обеспечивая его единообразное применение.

Изучение показало, что действующая процедура предупреждения об уголовной ответственности за лжесвидетельство психологически недостаточно эффективна. Это отмечено научными и практическими работниками правоохранительных органов, добросовестными свидетелями и потерпевшими, опрошенными лжесвидетелями, причем последние сообщили, что они совершенно не запомнили это предупреждение и оно никак не повлияло на их решение дать заведомо ложные показания. Даже в момент опроса они затруднялись ответить на вопросы об основных правах и обязанностях свидетеля, назвать санкции закона, карающие за дачу заведомо ложных показаний. Это тем более показательно, что к моменту опроса все они уже отбыли наказание за лжесвидетельство.

С психологической стороны недостаточная воздейственность современной процедуры предупреждения объясняется еще и тем, что свидетель дает подписку об ознакомлении с соответствующими положениями закона, а не в том, что он обещает говорить правду.

Торжественное обещание свидетеля, которое дополнило бы собой процедуру, существующую ныне, способно оказать на допрашиваемого эмоциональное воздействие, в большей мере побуждающее человека рассказать правдиво обо всем им виденном и услышанном. Можно полагать, что введение торжественного обещания существенно повысит ритуальность уголовного судопроизводства, придаст более важное гражданское значение акту свидетельствования¹. Возражения, выдвигаемые обычно против этой меры, чаще всего сводятся к ссылкам на ее религиозное происхождение². Возражения такого рода вряд ли могут быть признаны основательными хотя бы потому, что в условиях социалистического общества коренным образом изменяется отношение граждан к деятельности органов правосудия, к борьбе с преступностью. Известно также, что гражданская присяга введена у нас для врачей, работников органов МВД и в ряде других случаев. В последнее время широко ставится вопрос о разработке принципиально новых, советских обрядов, связанных с достижением совершеннолетия, вступлением в брак и т. д., в связи с чем вполне целесообразно и усиление воспитательной стороны уголовного судопроизводства. В ряде зарубежных социалистических стран (ПНР, НРБ, СРР) свидетели перед дачей показаний приносят присягу или дают торже-

¹ См. Г. З. Анашкин, Свидетель и правосудие, «Известия», 27 февраля 1969 г.; В. И. Смыслов, Свидетель в советском уголовном процессе, стр. 62; Л. Черкезия, Воспитательное воздействие судебных процессов, «Советская юстиция», 1971, № 13, стр. 7.

² Н. И. Порубов, Допрос в советском уголовном производстве, Минск, 1973, стр. 306.

ственное обещание говорить правду. Наиболее цолно порядок принесения торжественного обещания регламентирует законодательство ПНР, которое определяет и единый текст торжественного обещания. Обещание говорить правду свидетель выражает следующими словами: «Сознавая значение моих слов и ответственность перед законом, торжественно обещаю говорить правду, ничего не утаивая из того, что мне известно» (ст. 100 УПК ПНР). При повторных допросах по тому же делу свидетелю лишь напоминает о данном им обещании говорить правду, кроме случаев, когда суд сочтет необходимым, чтобы свидетель вновь дал такое обещание (ст. 102 УПК ПНР). Как видно из сказанного, торжественное обещание дается только перед допросом в суде, в стадии предварительного следствия свидетель дает подписку подобно тому, как это установлено у нас уголовно-процессуальным законом.

Представляется, что введение свидетельского иммунитета и присяги сыграло бы положительную роль в повышении эффективности борьбы с преступлениями против правосудия.

§ 2. ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И СУДЕБНОМ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Принятие мер, направленных на раннее предупреждение лжесвидетельства, имеет существенное значение, но не снимает задачу его предотвращения непосредственно в ходе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства. Выше отмечалось, что именно ситуация расследования какого-либо преступления определяет возникновение и актуализацию мотивов дачи заведомо ложных показаний, так как только при наличии конкретного уголовного дела перед допросом или во время следственного действия свидетели и потерпевшие оказываются перед необходимостью избрать определенную позицию по данному делу, принимают решение о даче ложных показаний.

В связи с этим задача предотвращения лжесвидетельства в уголовном деле решается как бы на двух уровнях: предупреждение ситуаций, которые могли бы обусловить появление мотивов дачи ложных показаний, и принятие мер, направленных на то, чтобы свидетель или потерпевший отказался от реализации своего намерения дать ложные показания, если оно по каким-либо причинам сформировалось.

Эта работа должна начинаться задолго до первого вызова свидетеля на допрос и с неослабевающей активностью продолжаться с первых дней расследования до вынесения приговора по делу с учетом того обстоятельства, что процесс формирования позиции по делу у свидетелей и потерпевших не завершается однократной дачей показаний. Каждый новый вызов на допрос, очную ставку, опознание — это и пересмотр допрашиваемым своей позиции с точки зрения ее правильности, соответствия общественным и соб-

ственным интересам, новое испытание его гражданственности и морально-волевой устойчивости множеству факторов, действие которых испытывают на себе лица, вовлеченные в орбиту уголовно-процессуальной деятельности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что успешное решение проблемы предотвращения случаев лжесвидетельства, по конкретным уголовным делам обеспечивается неуклонным следованием принципам уголовного процесса, точным исполнением закона при возбуждении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, реализацией в ходе расследования и при производстве отдельных следственных действий основных положений следственной тактики, конкретных тактических рекомендаций. В связи с тем, что значение ведущих положений советского уголовного процесса и следственной тактики для установления объективной истины по делу, получив достаточное освещение в работах А. Н. Васильева, А. И. Винберга, Т. Н. Добровольской, В. Е. Коноваловой и ряда других авторов, рассматривается вне их связи с проблемой предупреждения лжесвидетельства, представляется целесообразным остановиться на этом вопросе под углом зрения интересов борьбы с преступлениями данного вида.

Одним из важнейших условий предупреждения лжесвидетельства в уголовном процессе является обоснованность возбуждения уголовного дела. В частности, представляется необходимым обращать особое внимание на правильность рассмотрения и разрешения первичных материалов о преступлениях, совершаемых на бытовой почве в отношении родственников, друзей, знакомых и др., с тем чтобы своевременно отличить заявление о действительно совершенном преступлении от обращения в органы правосудия, имеющего целью «попугать» члена семьи, воздействовать на его недостойное поведение. Некритичное отношение к заявлениям о преступлении и необоснованное возбуждение дела в дальнейшем ведут к самым отрицательным последствиям. Решимость вышеупомянутой категории потерпевших продолжать уголовное преследование члена семьи или знакомого в большинстве случаев ограничивается двумя-тремя неделями, а затем они «остывают» и, начиная с заявлений, в которых просят прекратить уголовное дело, заканчивают лжесвидетельством в пользу подсудимого. Означенная «трансформация» позиции жен-заявительниц, а также близких и знакомых виновного значительно ускоряется в случае избрания меры пресечения в виде содержания под стражей. В такого рода ситуациях заявления с просьбами прекратить уголовное преследование поступают к следователю до истечения одной-двух недель с момента ареста подсудимого. В результате же отказа в прекращении уголовного дела появляются заведомо ложные показания реабилитирующего характера, и в конечном итоге ви-

новый осуждается за основное преступление¹, заявитель - за лжесвидетельство в его пользу. Между тем указанных ситуаций можно избежать, проявляя надлежащую объективность и критичность при разрешении материалов об этих преступлениях.

Во всех случаях «акт возбуждения дела должен быть результатом внимательного анализа и синтеза, результатом объективной оценки конкретных фактических данных, имеющихся непосредственно в самом первичном материале о преступлении или полученных в ходе его проверки»².

Существенное значение имеет полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела, отыскание всех имеющихся доказательств. Соблюдение этого принципиального положения советского уголовного процесса, гарантируя установление объективной истины, кроме того, лишает заинтересованных в деле лиц перспективы ощутимого противодействия расследованию.

С одной стороны, это убеждает свидетелей и потерпевших в том, что преступление будет непременно раскрыто, все виновные в нем изобличены и понесут заслуженное наказание и, следовательно, им незачем пытаться корректировать ход расследования, неосновательно смягчать или усиливать роль подследственного, так как следствие и суд, исследовав существо дела и установив все обстоятельства, влияющие на ответственность виновных, учтут их, принимая решение по делу. С другой стороны, это предостерегает свидетелей и потерпевших от бесплодных попыток оказать влияние на ход расследования в связи с тем, что ложность их показаний будет неминуемо разоблачена и они, никак не повлияв на участь обвиняемого, сами окажутся в этой роли, но уже по делу о даче заведомо ложных показаний.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что лжесвидетельство обычно предпринимается тогда, когда расследование ведется поверхностно и односторонне, с острым дефицитом доказательственной информации. Напротив, многие свидетели и потерпевшие, рассчитывавшие дачей заведомо ложных показаний сориентировать расследование в желательном направлении, отказываются от своих планов, видя, как скрупулезно исследуются на следствии и в суде все обстоятельства и доказательства, имеющие значение для данного дела.

Полнота расследования приобретает особо важное значение по тем делам, где доказывание строится преимущественно на показаниях свидетелей и потерпевших из непосредственного бытового или служебного окружения подследственного, позиция которых весьма неустойчива, подвержена неоднократным кардинальным

¹ Имеется в виду то преступление, в связи с расследованием которого допрашиваются свидетель и потерпевший.

² Н. В. Жогини, Ф. Н. Фаткуллия, Возбуждение уголовного дела, М., 1961, стр. 49.

изменениям в ходе расследования. Однако и они часто отказываются от лжесвидетельства, убедившись в наличии у следствия «независимых»¹ доказательств, неоспоримой доказанности обстоятельств дела.

Широкое признание у криминалистов получила мысль о том, что деятельность по расследованию преступлений в качестве обязательного элемента включает задачу преодоления возможного противодействия заинтересованных лиц. Предвидение возможности сопротивления как аксиоматичное положение следственной тактики предполагает создание условий, затрудняющих противодействие расследованию.

Одним из таких условий является сохранение следственной тайны. «Преждевременное разглашение данных предварительного следствия, — отмечают Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, — может парализовать работу следователя, затруднить собирание и проверку доказательств»². В то же время сокрытие действительного состояния расследования и дезинформация предполагаемых и реальных «противников» об объеме доказательств, имеющихся в распоряжении следователя, о дальнейшем направлении следствия обеспечивают внезапность проведения следственных действий и эффективность использования доказательств, лишает заинтересованных лиц возможности заранее подготовиться к допросу, сфабриковать подложные доказательства³.

Намечая версии и составляя планы их проверки, важно также внимательно относиться к будущим свидетелям, правильно определить последовательность их допросов, имея в виду и неизбежную при этом утечку информации. Так, по делам о хищениях и должностных злоупотреблениях на первых этапах расследования есть все основания воздержаться от допросов руководителей учреждения, главного бухгалтера, материально-ответственных лиц и сотрудников из их ближайшего окружения по службе. Предварительные данные об их отношении к расследуемому преступлению, их связях и взаимоотношениях могут быть получены в ходе допросов рядовых работников учреждения оперативным путем. Это правило может быть реализовано и при расследовании других видов преступлений. Важно допросить в первую очередь свидетелей, от которых можно ожидать правдивых показаний, правильно определив «слабое звено» в обороне обвиняемого и отсеяв из числа предполагаемых свидетелей всех тех лиц, которые в самом начале расследования, используя дефицит информации, могли бы на-

¹ Независимыми мы считаем доказательства, которые представляются незаинтересованными лицами, например вещественные доказательства, показания посторонних свидетелей и пр.

² Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Предварительное следствие, М., 1965, стр. 90—91.

³ См. «Руководство для следователей», М., 1971, стр. 325; А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 49—50.

править следствие по неправильному пути, проинформировать заинтересованных лиц о ходе расследования, его направлении и имеющихся доказательствах¹.

Существенное значение имеют оперативное и быстрое расследование и судебное рассмотрение уголовных дел. Н. А. Якубович справедливо указывает, что сохранение доказательств всегда угрожает и объективный фактор — время, и противодействие лиц, заинтересованных в определенном исходе дела. Активность и быстрота, внезапность и параллельность основных следственных действий позволяют предвосхитить события, определить и найти виновных до того, как они успеют уничтожить следы или сфальсифицировать доказательства либо вступить в сговор о даче ложных показаний².

Волокита по делам создает ряд трудностей при их разрешении, так как с течением времени происходит естественная «усушка» той информации, которая известна свидетелю, многое забывается и в первую очередь те «мелкие» детали и подробности исследуемых событий, что так важны для правильной оценки достоверности показаний допрашиваемого. Многократные передпросы этих лиц в процессе расследования приводят к тому, что допрашиваемый воспроизводит уже не само событие, а свои прежние показания о нем.

Кроме того, исследованием установлено, что чем, больше времени проходит со дня совершения преступления до рассмотрения в суде уголовного дела о нем, тем ниже активность свидетелей и потерпевших. Это объясняется тем, что новизна и острота впечатлений, воспоминаний о преступлениях утрачиваются, оно кажется не столь опасным, а судьба виновного вызывает сочувствие. Свидетели и потерпевшие заняты повседневными заботами, им недосуг принимать активное участие в расследовании. В то же время окружение преступника с приближением дня судебного разбирательства все более активизируется, занимается «обработкой» свидетелей и потерпевших, не брезгуя никакими средствами, тем более что к концу расследования уже известны позиция каждого свидетеля и ценность его показаний с доказательственной точки зрения, определяется направление следствия. Исследованием обнаружен факт, когда косвенным организатором лжесвидетельства вольно или невольно оказался адвокат. Как было установлено впоследствии, защитник обвиняемого посоветовал его престарелой родственнице «поискать», кто бы мог засвидетельствовать алиби подсудимого. В результате такое лицо было найдено. Лишь наличие в регистрационном журнале кинотеатра отметки о дне

¹ См. А. Н. Васильев, Л. М. Карнев, Тактика допроса, М., 1961, стр. 94.

² См. Н. А. Якубович, Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 88—89; А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, стр. 45—47.

дежурства «подставного» свидетеля позволило документально опровергнуть его утверждение о том, что в день, когда было совершено преступление, подсудимый находился в кинотеатре на просмотре фильма.

Отмечается, что при производстве расследования недостаточно учитывается то, что свидетели и потерпевшие подвергаются весьма интенсивному воздействию со стороны лиц, заинтересованных в определенном исходе дела, к которым в первую очередь относятся все те, кто входит в ближайшее окружение подсудимого и значительно реже — потерпевшего.

Пренебрежение безопасностью свидетелей и потерпевших, непринятие мер к предотвращению нежелательных контактов между вызываемыми на допрос лицами являются, как показало изучение, одним из условий, способствующих появлению заведомо ложных показаний. При этом упускается из виду то, что, выйдя из помещения органов милиции, прокуратуры, суда, свидетели и потерпевший оказываются вне поля зрения работников этих органов и нередко остаются один на один с тем, кто хотел бы кардинально изменить положение подсудимого. Дома, на работе, по дороге на допрос, подвергаясь подстрекательству или понуждению к даче заведомо ложных показаний, свидетель или потерпевший, решая, как ему быть, учитывает, что охрана ему предоставлена не будет и, следовательно, он сам или его близкие могут оказаться всецело во власти лиц, осуществляющих на него «давление». Конечно, случаи физической расправы со свидетелями нечасты. Однако обывательские толки о таких расправах живучи, и при возникновении перед свидетелем или потерпевшим дилеммы — как отнестись к угрозам подстрекателя, к его услугам — всегда оказываются одна-две трагические истории, о которых известно его домашним, сослуживцам, знакомым, а то и подставным «доброжелателям». Как это ни парадоксально, но некоторые граждане, считая, что сообщить о подстрекательстве следователю и просить его о помощи «неудобно», нередко уступают домогательствам заинтересованных лиц и дают ложные показания, перестают являться по вызовам, ссылаясь на болезнь, занятость и т. д.

В связи с тем, что склонение и понуждение свидетелей и потерпевших к даче заведомо ложных показаний имеют место по делам о преступлениях всех категорий, борьба с неправомерным воздействием на этих лиц должна рассматриваться как неотъемлемая и существенная часть мероприятий по предотвращению лжесвидетельства. Как известно, закон обязывает работников органов дознания, следствия и суда принимать меры к предотвращению контактов между лицами, вызываемыми на допросы (ст. 158 УПК РСФСР), за счет чего частично решается задача ограждения свидетелей от воздействия обвиняемого, потерпевшего и их окру-

жения. Рекомендации по правильной и рациональной организации вызовов на допрос, содержащиеся во многих работах по тактике допроса (Л. М. Карнеева, Н. И. Порубов и др.), учитывают также и интересы добросовестных свидетелей.

Кроме того, важную роль, видимо, могут сыграть предостережения подследственного, потерпевшего, их родственников и знакомых о том, что подстрекательство ко лжесвидетельству, в какой бы форме оно ни выражалось, преследуется в уголовном порядке. Следует обращать внимание заинтересованных лиц на то, что эти преступления являются оконченными с момента обращения с предложением о даче заведомо ложных показаний к свидетелю или потерпевшему, независимо от того, какие показания он впоследствии даст.

В свою очередь свидетелей и потерпевших также необходимо знакомить с этими положениями закона и разъяснять, что обо всех попытках «давления» им следует незамедлительно сообщать лицу, осуществляющему производство по делу, прокурору. Такие сообщения, очевидно, следует отражать в протоколах допросов свидетелей и потерпевших, подвергшихся подстрекательству, одновременно отбирая у них письменное заявление, на основании которого может быть рассмотрен вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении подстрекателя. Представляется, что имеет значение и тактически оправдано избрание меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении подследственного, если он сам осуществляет и организует «давление» на свидетелей. Изоляция обвиняемого в ряде случаев пресекает воздействие на свидетелей и потерпевших и со стороны ближайшего окружения виновного.

Важной мерой по предотвращению лжесвидетельства является оборудование помещений для вызываемых лиц, где бы осуществлялся контроль за их поведением, с тем чтобы исключить возможность сговора о даче ложные показаний и воздействия на свидетелей и потерпевших непосредственно перед допросом. В этом плане примечателен опыт Военного трибунала и Военной прокуратуры N-ского гарнизона: вызываемые лица, как правило, ожидают допроса в помещении, где неотлучно находится один из технических работников этих органов.

Такая мера не только пресекает нежелательные контакты, но и дисциплинирует свидетелей, способствует преодолению мотивов лжесвидетельства. Думается, что необязательно иметь для этого изолированное помещение. Ожидание допроса может быть организовано в фойе или части коридора, оформленной стендами с разъяснениями прав и обязанностей свидетелей и потерпевших, ответственности за лжесвидетельство, подстрекательство к даче ложных показаний и за разглашение данных предварительного следствия. Там должны находиться стулья, свежие газеты, юридическая литература. Культурные условия имеют немаловажное зна-

чение для создания желательной нравственно-психологической атмосферы.

Решающее значение имеет, конечно, правильное, грамотное в процессуальном и тактико-психологическом отношении проведение допроса, очной ставки и опознания, так как именно в процессе этих следственных действий формируются доказательства и от качественной стороны их выполнения зачастую зависит характер показаний допрашиваемых лиц¹. Закон детально регламентирует условия и порядок проведения названных следственных действий, однако тактика и нравственно-этическая сторона их выполнения во многом определяются профессиональным мастерством допрашивающего. В этой наиболее важной части следственной и судебной работы нет мелочей. Многие упущения и ошибки при проведении этих следственных действий, невосполнимы и могут привести к утрате их доказательственного значения, в связи с чем требуется тщательная подготовка к каждому из них, на что неоднократно указывалось в литературе, относящейся к тактике допроса.

Подготовка к следственному действию, в частности к допросу, включает в себя определение круга обстоятельств, по которым необходимо получить сведения: выявление данных, имеющих по этим обстоятельствам в деле; приобретение знаний по специальным вопросам, если они необходимы для того, чтобы ориентироваться в событии преступления и предмете допроса; выбор момента и места допроса, а также способа вызова на него; создание определенного нравственно-психологического «климата» допроса и некоторые другие моменты.

Советские (А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, Н. И. Порубов, А. Р. Ратинов) и зарубежные (И. Кертэс, Я. Соукуп, В. Диенштейн) криминалисты справедливо указывают на то, что умелая организация и правильная подготовка допросов, компетентность допрашивающего в узкоспециальных вопросах, его корректное поведение и правильно выбранный тон существенно повышают эффективность допроса, способствуют получению доброкачественной информации. Немалую роль играет и тактически верный выбор способа и времени вызова на допрос.

Свидетели или потерпевшие могут быть вызваны повесткой, телеграммой, телефонограммой, нарочным. Повестка может быть направлена на дом свидетелю и к нему на работу, послана по почте или передана через знакомых вызываемого или руководство учреждения, где он работает. В отдельных случаях свидетели и потерпевшие сами указывают наиболее предпочтительный для них способ вызова на следующий допрос, очную ставку, опознание.

¹ Авторы не ставят себе цель дать исчерпывающие рекомендации по тактике проведения допроса и иных следственных действий. Этим вопросам посвящены специальные работы.

Представляется целесообразным, чтобы следователь, когда от этого не могут пострадать интересы дела, учитывал при вызове свидетеля его деловую и бытовую занятость, считался с просьбами о вызове в определенный день и часы. Это помогает избежать осложнений во взаимоотношениях со свидетелями, способствует установлению атмосферы сотрудничества и взаимопонимания. На поведении свидетелей и потерпевших отрицательно сказывается длительное ожидание вызова на допрос в коридоре, проистекающее подчас из личной неорганизованности следственного работника, пренебрежительного отношения к личному и служебному времени свидетелей и потерпевших. При неотложных выездах следует принимать меры к переносу следственного действия на другие часы или дни и своевременно извещать об этом вызванных лиц.

Подготовка к допросу предусматривает изучение личности допрашиваемого, которое осуществляется при помощи как процессуальных, так и непроцессуальных источников. Желательно еще до допроса получить как можно более обширную информацию о свидетеле, определить, какие факты, интересующие следствие, могут быть ему известны, причины и источники его осведомленности.

Своевременное обнаружение данных, указывающих на наличие определенных взаимоотношений между свидетелем и потерпевшим, обвиняемым и т. д., правильная их оценка и тактически верное использование позволяют следователю составить представление о том, как может повести себя этот свидетель или потерпевший на допросе, принять меры к устранению или подавлению мотивов лжи, убедить это лицо отказаться от попытки дачи ложных показаний, предотвратить появление «подставных» свидетелей. Иногда достаточно одного лишь упоминания допрашиваемого о том, что ему хорошо известен характер взаимоотношений данного свидетеля с обвиняемым или потерпевшим, чтобы допрашиваемый убедился в бесплодности попыток обмана.

В ряде случаев следует отложить проведение следственного действия, если следователь не располагает данными, позволяющими уже в ходе допроса как-то оценить и проверить достоверность показаний свидетеля или потерпевшего, помня о том, что, солгав однажды, он будет продолжать упорствовать и настаивать на своих показаниях из-за страха перед наказанием.

Помимо общей подготовки допроса важно правильно осуществить подготовительный этап самого допроса, очной ставки или опознания. Каждое из этих следственных действий условно может быть разделено на подготовительный этап, стадию свободного рассказа, вопросно-ответную часть и стадию фиксации показаний. Указание на это содержится и в законе (ст. 158 УПК РСФСР), который определяет, что в начале допроса следователь удостоверяется в личности свидетеля, разъясняет ему права, обязанности и ответственность за отказ, уклонение от дачи показаний и за

дачу заведомо ложных показаний, отбирая у свидетеля подписку об этом, выясняет характер взаимоотношений между допрашиваемым, подследственным и потерпевшим и лишь после выполнения этих элементов допроса начинает допрос по существу дела.

Период с момента появления свидетеля или потерпевшего в кабинете следователя с успехом может и должен использоваться для знакомства с допрашиваемым, создания надлежащей нравственно-психологической атмосферы допроса. С психологической стороны допрос представляет собой процесс психического взаимодействия следователя и допрашиваемого. Ведущая роль в нем принадлежит следователю, который должен активно направлять допрос, создавать определенную его атмосферу и эмоциональный тон, преодолевать возможное сопротивление с тем, чтобы получить исчерпывающие полные и доброкачественные показания. Одним из условий получения правдивых показаний является установление с допрашиваемым психологического контакта. Криминалисты вкладывают в это понятие самое различное содержание, считая его стадией допроса и приемом получения достоверных сведений, психическим состоянием допрашиваемого и тем особым нравственно-психологическим «климатом» в отношениях между следователем и допрашиваемым, благодаря которому обеспечивается доброкачественность показаний. Правильным было бы понимать психологический контакт как возникновение определенной общности между допрашиваемым и следователем, отношений взаимопонимания и сотрудничества в решении задач, стоящих перед правосудием по данному уголовному делу. Однако при этом психологический контакт нельзя понимать как взаимные уступки, полагая и т. д. К установлению психологического контакта следует стремиться всегда, так как он является хорошей базой для любого следственного действия и расследования в целом. Достигается психологический контакт разными путями, но при этом совершенно недопустимы провокации, обман и иные методы, построенные по принципу «цель оправдывает средства». Известно, что многие буржуазные криминалисты, справедливо отмечая важное значение этого фактора, рекомендуют для установления контакта прибегать к лести, актерской игре, выражать лицемерное сожаление преступнику и одобрение его поведения, обещать свидания родственникам подследственного, если они будут уличать его в своих показаниях, и другие, сходные с приведенными методы. Приемы такого рода находятся в резком противоречии с этическими требованиями и задачами советского уголовного судопроизводства; недопустимы также насилие, использование невежества и предрассудков, игра на низменных побуждениях. Лучший путь к установлению контакта с допрашиваемым — это убедить его в том, что добросовестное поведение в уголовном процессе не только обязанность, нарушение которой влечет уголовную ответственность, но и важное условие установления объективной истины по делу, реабили-

литации невиновных, справедливого и соразмерного наказания лиц, совершивших преступление.

На практике нередко недооценивается значение подготовительного этапа допроса и его элементов, тогда как они имеют неоспоримо важное значение при условии правильного их выполнения. Эта стадия допроса может быть использована для изучения настроения допрашиваемого, его отношения к органам правосудия, свидетельским обязанностям и тому преступлению, в связи с которым ему предстоит давать показания. В рамках этой предварительной беседы происходит «разведка», данные которой нередко имеют существенное значение для уточнения тактики допроса по существу дела. Общее ознакомление с личностью допрашиваемого допускает выяснение его личных интересов и увлечений, способствует снятию отрицательного эмоционального напряжения, вызванного волнением в связи с предстоящим допросом, ожиданием вызова к следователю, опасением мести подследственного и его сообщников, а также другими факторами, может быть использовано для установления контакта с допрашиваемым. Здесь же свидетелю и потерпевшему необходимо подробно, с учетом его личности, образования, культурного уровня и отношения к участникам дела, разъяснить положения закона, относящиеся к его правам, обязанностям и ответственности. Разъяснение прав и обязанностей, а также указание на уголовно-правовые последствия неисполнения предписанного поведения, т. е. рациональное воздействие, здесь сочетаются и с эмоциональным элементом (фактором), каким является «угроза санкцией». Это предостережение наряду с другими целями включает задачу «подавления» мотивов противодействия следствию, актуализации гражданских чувств допрашиваемого, оно призвано способствовать перевесу общественных интересов над личными соображениями свидетеля и потерпевшего.

Форма предупреждения об уголовной ответственности за ложь в уголовном процессе может быть различной и избирается с учетом личности допрашиваемого, отношения к делу и его участникам, процессуально-тактической ситуации и ряда других моментов. Но при этом недопустимо ограничиваться указанием, на статьи закона и грозящее наказание, как это нередко делается на практике. Свидетелю и потерпевшему должны быть разъяснены: право требовать внесения в протокол допроса всех существенных, по их мнению, дополнений, поправок, уточнений и изменений, а также собственноручной записи показаний после фиксации их следователем; обязанность точно и полно сообщить, все, что им известно по делу, и правдиво ответить на поставленные вопросы; уголовная ответственность за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний с обязательным указанием на наказуемость умолчания известных допрашиваемым обстоятельств, имеющих значение для дела; тот факт, что дача заведомо ложных, показаний является окончательным преступлением с момента подписа-

ния ими протокола допроса. Как уже отмечалось, весьма целесообразно предостерегать допрашиваемых о наказуемости всех форм подстрекательства к лжесвидетельству и обязывать их сообщать о таких фактах лицу, осуществляющему производство по делу. Нередко весьма ощутимая потеря времени на эти разъяснения полностью компенсируется их важной ролью в борьбе с лжесвидетельством. Выбор допрашиваемым своей стратегии на допросе чаще всего протекает на фоне борьбы мотивов, и поэтому тактически правильное и в должной мере индивидуализированное разъяснение указанных положений закона обостряет или возобновляет эту борьбу и может привести допрашиваемого к признанию целесообразности отказа от лжесвидетельства.

Следователь с учетом конкретной процессуально-тактической ситуации, сложившейся к моменту допроса данного свидетеля или потерпевшего, вправе, по нашему мнению, со ссылками на доказательства указать допрашиваемому на доказанность обстоятельств дела и бесполезность возможных попыток ввести следствие в заблуждение. В других случаях целесообразно оставлять свидетеля в неведении о состоянии расследования, формировать у него преувеличенное мнение об успехах следствия. Весьма эффективно действует «мышление вслух»: развертывание перед допрашиваемым всех возможных вариантов поведения «неких» заинтересованных лиц, которые могут быть этими лицами использованы для обмана правосудия, с перечислением путей и средств опровержения их показаний и разоблачения лжи. Видя, что допрашивающий превосходит его в «ранге рефлексии» и умозрительно предвосхищает все доступные ему стратегии недобросовестного поведения, свидетель довольно часто отказывается от умысла на лжесвидетельство. Особое внимание должно быть обращено на проведение этой работы до допроса по существу дела с явно заинтересованными свидетелями и потерпевшими, которые в силу тех или иных соображений, приняв решение о даче ложных показаний, обычно более устойчивы и последовательны в своем намерении, чем другие лица. Эта часть допроса имеет важное значение в плане предотвращения лжесвидетельства.

Допрос по существу дела начинается с предложения свидетелю и потерпевшему рассказать все, что ему известно по делу. Целесообразно, не перебивая допрашиваемого, дать ему возможность самому сформулировать и изложить не только те факты, которые интересуют следователя, но и все те данные, которые допрашиваемый приводит в связи с освещением обстоятельств, являющихся предметом допроса. Это помогает уяснить характер и степень осведомленности допрашиваемого, способствует правиль-

¹ Указанный прием должен применяться с большой осторожностью. В начале расследования он, видимо, вообще неприменим. Целесообразно указать свидетелю на то, что все его показания будут проверены в ходе следствия.

бой оценке его показаний, так как, не зная, насколько известны и в какой мере интересуют следствие те или иные обстоятельства дела, он чаще всего рассказывает о них значительно шире, чем это необходимо. Широта осведомленности нередко является свидетельством добросовестности показаний. Кроме того, при свободном рассказе часто происходят проговорки, т. е. утечка объективной информации, которую допрашиваемый хотел бы скрыть. В связи с этим весьма спорным представляется мнение о том, что в качестве приема предотвращения лжесвидетельства на первом же допросе может рассматриваться «деление темы» свободного рассказа¹. Правильнее в процессуальном плане и тактически выгодней предварительно выслушать, что может и что хочет сообщить допрашиваемый, а уже затем в вопросно-ответной части допроса прибегать к упомянутому тактическому приему.

По окончании свободного рассказа свидетелю могут быть заданы вопросы, направленные на детализацию и уточнение его показаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела, восполнение пробелов свободного рассказа, контрольные вопросы. Следует воздерживаться от преждевременных, скороспелых выводов о недобросовестности свидетеля, основываясь лишь на том, что его показание неполны и противоречивы.

В повседневной жизни, в обыденной обстановке многие люди неверно формулируют свои мысли, выражают их порой довольно неудачно. Еще более трудно сделать это на допросе, в непривычной обстановке, в присутствии незнакомых людей. Естественное волнение, которое испытывает любой человек в следственном кабинете и в судебной аудитории, делает его речь несколько отличной от обыкновенно ему присущей, влияет на поведение допрашиваемого в целом, что отмечали еще А. Ф. Кони и П. Сергеич². Поэтому важно не спешить с постановкой вопросов, тщательно проанализировать все сказанное допрашиваемым, уяснить себе особенности его рассказа, «белые пятна» в показаниях.

Устраняя погрешности свободного рассказа с помощью дополнительных вопросов, необходимо формулировать их крайне осторожно, чтобы они не носили характер подсказки. Закон прямо запрещает постановку наводящих вопросов, т. е. вопросов, «содержащих в явной или в скрытой форме желательный для допрашивающего ответ». Во всех случаях вопрос должен быть сформулирован так, чтобы свидетель не мог извлечь из него никакой информации для ответа и вынужден был обращаться только к своей памяти. Весьма опасны вопросы, построенные таким образом, что допрашиваемому остается только подтвердить сказанное

¹ Ом. Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я- Розенблит, Тактика допроса на предварительном следствии, М., 1958, стр. 60.

² См. А. Ф. Ко'иги, Память и внимание, Сообр. сом., т. 4, стр. 156; П. Сергеич; Искусство речи «а суде, М., 1960, стр. 189—190.

следователем. Внушающее действие определенной формы вопросов, а также серий вопросов уже отмечалось в литературе, поэтому следует избегать их постановки.

Кроме того, вопросы должны быть сформулированы и поставлены так, чтобы из них не усматривалось, какой ответ повредит обвиняемому, будет его уличать, а какой пойдет ему на пользу¹. Данное правило имеет важное тактическое значение при допросе заинтересованных в деле лиц. Чтобы предупредить ложь с их стороны, вопросно-ответную часть допроса целесообразно проводить по методу «косвенного допроса», который рассматривается нами в дальнейшем изложении применительно к целям выявления ложных показаний. Прибегая к методу «косвенного допроса», следователь, маскируя интересующие его вопросы, отвлекая от них внимание допрашиваемого, лишает последнего возможности сориентироваться в направленности допроса, подготовить удовлетворительный ложный ответ, благодаря чему нередко удается получить правильные показания даже от лиц, намеревавшихся солгать. Ставя контрольные вопросы, допрашивающий может провести «разведку» относительно причин пробелов в показаниях свидетеля или потерпевшего, еще раз напомнить ему о возможной ответственности за лжесвидетельство, соблюдая при этом тактичность с тем, чтобы не восстановить допрашиваемого против себя или, наоборот, не подтолкнуть его на путь дачи показаний, «удобных» для следствия, но явно ложных. Представляется, что совершенно недопустимо превращать свидетеля и потерпевшего в подозреваемых, ставя перед ними вопросы, направленные на уличение этих лиц в причастности к расследуемому преступлению. Думается, это противоречит закону и несовместимо с их процессуальным положением. Приведенная точка зрения высказывается во многих работах последних лет, посвященных свидетельским показаниям и тактике допроса свидетелей и потерпевших². В связи с этим следует подчеркнуть, что является неправильной практика допросов в качестве свидетелей тех лиц, в отношении которых имеются данные, указывающие на их причастность к исследуемому событию. Как свидетель (со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и ответственностью за лжесвидетельство) такое лицо может быть допрошено только в том случае, если оно уже осуждено за свои противоправные действия или освобождено от уголовной ответственности за них вступившим в законную силу процессуальным актом дознания, предварительного следствия, суда.

¹ См. Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, Тактика допроса на предварительном следствии, стр. 68.

² См. «Теория доказательств ® советском уголовном процессе», стр. 568; Н. И. Порубов, Допрос в советском уголовном судопроизводстве, стр. 162—163; Г. Ф. Горский, П. Д. Кокорев, Д. П. Котов, Судебная этика, стр. 94—96; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 396—397.

Проведенное исследование показало, что такие «свидетели»¹ часто появляются в деле из соображений «тактического» порядка. Допрашивая в качестве свидетелей фактически подозреваемых, следственные работники неосновательно требуют от них дачи показаний в отношении других участников преступления под угрозой уголовного преследования за лжесвидетельство, одновременно рассчитывая, что от дачи ложных показаний их будет удерживать опасение ответственности за соучастие в расследуемом преступлении. Прежде всего это противоречит закону, так как лишает указанных лиц процессуальных гарантий, предусмотренных в законе для подозреваемого. Кроме того, исследование позволяет констатировать шаткость и опрометчивость расчетов на их добросовестное поведение. Лавируя на следствии между следователем и подследственным, они коренным образом меняют показания в суде. Как отмечалось выше, эта порочная практика может быть ликвидирована путем закрепления в законе права свидетеля не отвечать на вопросы, уличающие его в том преступлении, о котором он допрашивается, и запрета задавать такие вопросы.

Важное значение имеет корректность постановки вопросов, недопустимость завуалированных угроз, рекомендуемых некоторыми буржуазными криминалистами, ибо это совершенно недопустимо с точки зрения закона и следственной этики, ведет к созданию «психологического барьера». Считая себя обиженным и вследствие неправомерного поведения допрашивающего свободным от обязательств перед ним и законом, свидетель может дать ложные показания или отказаться от дачи показаний назло данному следователю, вопреки логике и здравому смыслу, как это произошло в приведенном примере с Алешкиной.

Условия расследования и судебного разбирательства резко отличаются от обычных условий жизни и деятельности граждан. Ситуация расследования требует от свидетеля и потерпевшего подчиняться законным распоряжениям следователя, рассказывать на допросе о самом интимном; изобличая преступника, допрашиваемый волнуется за себя и своих близких, чем и определяется его особо чуткое реагирование на внешние воздействия. Сильное волнение мешает допрашиваемому правильно ориентироваться в сложившейся ситуации, учитывать все последствия своих действий, он принимает решения поспешно и необдуманно, а его поступки «не являются в полном смысле волевыми, т. е. глубоко сознательными и всесторонне обоснованными, мотивированными...»². И только безукоризненное, с этической точки зрения, тактичное поведение след-

¹ Некоторые буржуазные криминалисты именуют таких лиц «дружественными» или «доброжелательными» свидетелями. Это соучастники расследуемого преступления, освобожденные от уголовной ответственности с условием дачи уличающих показаний в отношении других обвиняемых. ^

² А. Г. Ковалев, Курс лекций по социальной психологии, т. 1, 1972, стр. 87.

ственного работника в ряде случаев удерживает допрашиваемых от эмоциональных срывов, предотвращает необдуманные решения и действия, способствует получению доброкачественной информации.

При проведении очной ставки, опознания, а также допросов в ходе судебного следствия возникают дополнительные трудности дачи показаний свидетелем и потерпевшим, обусловленные участием в этих следственных действиях иных лиц, присутствием в зале суда публики, среди которой нередко преобладают знакомые и приятели подсудимого. Если допрос представляет собой психическое взаимодействие следователя и свидетеля, то на очной ставке допрашивающий вынужден контролировать и направлять поведение одновременно двух допрашиваемых, предотвращать возможности отрицательного влияния на свидетеля или потерпевшего со стороны недобросовестного лица.

В связи с этим планирование очной ставки и ее проведение должны осуществляться особенно тщательно, включать в себя определение последовательности допроса каждого ее участника, принятие мер по созданию и поддержанию оптимальной нравственно-психологической атмосферы. Часто непосредственно на очной ставке недобросовестный свидетель, потерпевший, подследственный пытаются склонить второго ее участника к даче желательных показаний; поэтому от допрашивающего требуется повышенная бдительность, чтобы своевременно пресечь такие попытки, снять наводящие вопросы и вопросы, чреватые внушением.

Наиболее ответственным является судебный допрос, где свидетелю и потерпевшему иногда впервые за все время расследования приходится давать показания не в доверительной обстановке следственного кабинета, а в присутствии довольно широкой аудитории. С целью обеспечения доброкачественных показаний составу суда следует добиваться самых благоприятных, нейтральных условий допроса, снимать некорректные и наводящие вопросы, строго предупреждать и удалять из зала суда лиц, угрожающих свидетелю или потерпевшему явно или в завуалированной форме.

Весьма важное значение имеет правильная и полная фиксация показаний допрашиваемых лиц. Показания допрашиваемого могут протоколироваться в процессе допроса, после получения показаний по отдельным эпизодам, после получения показаний по всем существенным обстоятельствам дела. Тактика протоколирования определяется следователем. Полагая необходимым самое широкое внедрение технических средств фиксации показаний, в основном снимающих проблему тактики ведения протокола, мы не останавливаемся на этом вопросе, поскольку он рассматривается достаточ-

¹ См. А. Б. Соловьев, Очная ставка на предварительном следствии. М., 3970, стр. 16.

но полно во многих работах¹. Самое существенное, на наш взгляд, это полнота и точность фиксации показаний. Во многих случаях протоколы допросов отражают лишь конечные результаты, а не весь ход следственного действия. Признавая неизбежность определенной избирательности при фиксации следователем и секретарем судебного заседания информации, полученной на допросе, следует вместе с тем отметить, что она не должна осуществляться за счет важных для дела данных и фактов. Необходимо сохранять в протокольной записи все те сопутствующие данные, факты и обстоятельства, которые допрашиваемый освещает попутно с изложением основных фактов, дословно воспроизводить обороты речи, специфические выражения, присущие данному свидетелю. Известный русский юрист А. Ф. Кони придавал важное значение речи свидетелей и потерпевших, указывая, что «способ выражений свидетелей, их стиль, своеобразие в понимании ими тех или других слов могут быть источником недоразумений и неправильной оценки правдивости их показаний... Для суда важно не только то, что показывает свидетель, но и как он показывает, важно не то, что видел или слышал какой-то отвлеченный человек, а нужно свидетельское определение личности, с присущими ей свойствами и своеобразием... Вот почему особенности речи, бытовые названия и самая манера свидетеля выражаться должны останавливать на себе вдумчивое внимание судьи»². Если свидетелю задавались контрольные и дополнительные вопросы, Направленные на конкретизацию, уточнение и детализацию его показаний относительно значимых обстоятельств дела, эти вопросы и ответы на них с исчерпывающей точностью должны быть отражены в протоколе. Обращая внимание на значение полной фиксации вопросов и ответов для правильной оценки показаний, французский психолог А. Бине писал, что «вопрос образует с ответом одно неразрывное целое, сомнительную ценность представляет собой ответ, отделенный от вызвавшего его вопроса»³. Полное и точное протоколирование показаний свидетелей и потерпевших позволяет в дальнейшем отличить добросовестную тенденцию допрашиваемых к уточнению и детализации своих показаний от злонамеренного искажения или сокрытия истины. Особенно детальными должны быть протоколы допросов свидетелей, заинтересованных в определенном исходе дела, и потерпевших. Подробное протоколирование их показаний создает существенные препятствия в случае, если затем они пытаются их изменить. Ценным дополнением к протоколу допроса могут служить различного, рода схематические изображения места происшествия, планы и рисунки иллюстративного и поясняющего харак-

¹ См Л М Карнеева, А. Б. Соловьев, А. А. Чувялев, Допрос подозреваемого и обвиняемого, М, 1969, стр. 93-97, 168-176; Н. И. Пору-бо (В) Допрос в советском уголовном судопроизводстве, стр. 254.

² А. Ф. Кони, Память и внимание, Собр. соч., т. 4, стр. 110.

³ A. Binet, La suggestibilite, Paris, 1900.

тера, выполняемые допрашиваемым в связи с освещением тех или иных обстоятельств дела.

Заверенные подписями допрашиваемого и следователя, снабженные пояснительным текстом и указаниями на то, что они служат дополнением к протоколу допроса данного лица, упомянутые схемы, планы, рисунки, графики способствуют конкретизации и детализации показаний, имеют немаловажное значение для предупреждения и разоблачения лжесвидетельства. Отмечается, что при наличии в деле схем, рисунков и тому подобных документов, собственноручно выполненных свидетелем или потерпевшим, указанные лица сравнительно редко изменяют показания. Это связано с тем, что собственноручная запись показаний, а также изготовление схем, планов и т. д., видимо являются своего рода психологическим барьером, удерживающим допрашиваемого от недобросовестного изменения первоначальных правдивых показаний. После составления протокола допроса и ознакомления с ним допрашиваемого следователь по просьбе этого лица обязательно учитывает все замечания и поправки, заносит их в протокол, а в случае если допрашиваемый настаивает на собственноручной записи показаний, предоставляет ему такую возможность. Протокол допроса должен отражать показания свидетеля такими, как их себе представляет допрашиваемый. Сказанное полностью относится и к фиксации показаний свидетелей и потерпевших в суде. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» от 18 марта 1963 г. отмечено, что основное содержание показаний этих лиц должно быть полностью, дословно отражено в протоколе судебного заседания. Следует поддержать мнение авторов, считающих целесообразным предусмотреть в законе, что свидетели и потерпевшие должны подписывать часть протокола со своими показаниями. Это способствовало бы правильному протоколированию их показаний в суде, исключило бы недоразумения и возможные злоупотребления. Вообще проблема фиксации показаний допрашиваемых лиц заслуживает самого пристального внимания. В литературе еще в 30-е годы отмечалось, что проблема протокола не так проста, как кажется: «...лучше стенограмма допроса свидетеля, еще лучше фонограмма, еще лучше кинофонограмма...»². Это связано с несовершенством обычного следственного и судебного протокола, для которого характерны многие пороки: неполнота фиксации показаний допрашиваемого, нивелировка составителем протокола стиля, интонаций, акцентуаций речи допрашиваемого, утрата экспрессивно-

¹ См. Л. Е. Ароцкер, *Тактика и этика судебного допроса*, М., 1969, стр. 117; Э. Куцова, П. Лупинская, М. Евтеев, *Права и интересы свидетеля*, и др.

² А. Е. Брусиловский, М. С. Строгович, *Свидетельские показания: в качестве судебных доказательств*, в сб. «Методика и техника следственной работы», Киев, 1934, стр. 161.

го компонента показаний свидетеля и потерпевшего и т. д., существенно препятствующие правильной оценке показаний этих лиц. Между тем, как известно, информацию несет не только то, что сказано, но и то, каким тоном и кем, в какой связи с предыдущим сказано.

Современное развитие звукозаписывающей и видеозвукозаписывающей техники предоставляет в распоряжение органов суда и следствия эффективные средства фиксации показаний, использование которых в качестве дополнения к обычному протоколу допроса позволяет восполнить все его пробелы; играет важную роль в повышении качественного уровня уголовного процесса, способствует предупреждению и разоблачению лжесвидетельства. Фиксируя весь ход следственного действия, фонограмма отражает процесс формирования и дачи показаний в динамике, тактику и приёмы их получения, регистрирует нравственно-психологическую атмосферу допроса (очной ставки, опознания) и процессуально-тактическую ситуацию, позволяя судить о правильности и правомерности тактических приемов, применявшихся для получения данных показаний, несёт богатую информацию о личности и поведении допрашиваемого: о его психических состояниях и их изменении в ходе допроса, о реакциях на отдельные вопросы (паузы, темп ответов), особенностях его речи (стиль, грамотность, акцентуации, диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, дефекты речи и пр.). Указанные достоинства звукозаписи приобретают особенно важное значение при коллизии показаний свидетеля или потерпевшего. Следственной и судебной практике известны случаи, когда прослушивание магнитофонной записи показаний допрашиваемого лица способствовало устранению противоречий и выяснению их причин, возвращало допрашиваемого к добросовестному свидетельствованию. Наличие фонограммы показаний открывает перспективу экспертного установления автора показаний в тех случаях, когда свидетель или потерпевший оспаривает их, полностью отрицая факт дачи им тех или иных показаний или утверждая, что показания были даны им под диктовку лица, осуществляющего производство по делу. Фонограммы допросов имеют существенное значение и для проверки основательности заявлений свидетелей и потерпевших о применении к ним на допросе психического или физического насилия, а также в некоторых других случаях. Отечественные и зарубежные криминалисты активно разрабатывают проблему идентификации личности по голосу и речи и добились в этом определенных успехов¹.

Одним из сопутствующих моментов применения звуко- и ви-

¹ См В П Герасимов, Идентификация личности по голосу, «Советская юстиция», 1971, № 20; В. Б. Куприянов, В. А. Снетков, Об экспертной идентификации личности по магнитным фонозаписям, в сб. «Ируды НИИМ» М 1964; П. П. Цветков, Идентификация личности по голосу и особенностям речи путем использования фонограмм, в об., «Вопросы, современного развития советской юридической науки», Л., 1968.

деозвукозаписи в уголовном процессе является отрицательный «психологический эффект». В литературе высказывались опасения, что наличие фонограммы допроса психологически «закрепляет» допрашиваемого на ранее данных им показаниях. Но, как известно, даже обычный протокол допроса имеет определенный «вес» для допрашиваемого и при этом, в отличие от фонограммы, не дает возможности судить о том, как были получены сомнительные показания. Поэтому главным условием предотвращения неправильного использования этих научно-технических средств и нейтрализации их отрицательных «эффектов» является строжайший контроль за соблюдением законности при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, выполнение тактических рекомендаций по применению звукозаписи в уголовном процессе, получивших достаточное освещение в работах советских криминалистов².

Протоколы следственных действий должны быть подписаны их участниками; при этом следователь может еще раз обратить внимание допрашиваемого на то, что подписание им протокола допроса с заведомо ложными показаниями является правовым основанием для уголовного преследования за лжесвидетельство, обсудить с допрашиваемым правильность и полноту протокольной записи его показаний, учесть все замечания и уточнения. Пренебрежение поправками допрашиваемого, неправильное оформление протокола является лазейкой, которая в дальнейшем может быть использована недобросовестным свидетелем или потерпевшим. Так, по данным нашего исследования, одна треть всех лжесвидетелей в суде ссылается на неточное или намеренно неправильное протоколирование их показаний допрашивающим. В связи с этим необходимо отметить, что наличие фонограммы допросов в большинстве случаев закрывает для недобросовестного допрашиваемого эту лазейку.

§ 3. РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

Было бы неоправданным оптимизмом считать, что проведение в жизнь всех мер, рассмотренных выше, позволит в ближайшее время совершенно устранить лжесвидетельство из уголовного процесса. Поэтому важной задачей является повышение эффективности борьбы с ложью.

Проведенное исследование показало, что практические работники органов уголовной юстиции не всегда успешно противостоят

¹ См. И. Л. Петрухин, О значении звукозаписи в уголовном процессе, «Правоведение», 1966, № 2, стр. 137.

² См. Л. М. Каирнеева, А. Р. Ратинов, М. П. Хилобок, Применение звукозаписи в следственной работе, М., 1967; М. П. Хилобок, Теоретические вопросы и практика применения звукозаписи в следственных действиях, «Советское государство и право», 1966, № 2; А. А. Леви, Звукозапись в уголовном процессе, М., 1974.

лжесвидетельству, не используют весь арсенал процессуально-тактических средств и методов изобличения лжесвидетелей. Сказанное подтверждается тем, что по изученным делам девять десятых всех осужденных за лжесвидетельство составляют лица, явно изменявшие показания, тогда как последовательная, устойчивая ложь на следствии и в суде была разоблачена лишь в сравнительно редких случаях. Из всей совокупности следственных действий для выявления противоречий в показаниях и выяснения их природы, как правило, на следствии применяются повторные допросы и несколько реже очные ставки, а в суде — оглашение показаний свидетеля, данных им в разное время. Возможности других процессуально-тактических средств разоблачения лжи используются редко¹.

В связи с этим необходимо, чтобы каждый работник органов дознания, предварительного следствия и суда был готов встретиться с ложью во всеоружии профессионального мастерства, умел ее разоблачить и обеспечить неотвратимое наказание недобросовестных свидетелей и потерпевших. Правильно отмечает А. А. Шмидт, что выявить лжесвидетельство означает раскрыть преступление². Это тем более важно, что раскрытое лжесвидетельство уже не отразится в отрицательном плане на решении по делу, при расследовании или судебном рассмотрении которого даются заведомо ложные показания. Отмечая исключительное значение своевременного и полного раскрытия преступлений, В. И. Ленин указывал: «Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступлений не проходил нераскрытым»³.

Основной проблемной традиционно считается распознавание ложных показаний. Обращаясь к истории борьбы с ложью в уголовном процессе, нетрудно заметить, что со времен глубокой древности до наших дней у некоторых криминалистов и психологов наблюдается тенденция к отысканию некоего универсального индикатора, своего рода «пробного камня» на ложь, средства ее безошибочной экспресс-диагностики. В развитие указанного направления высказано множество идей, которые при их кажущемся разнообразии представляют собой лишь различные течения психодиагностического подхода. В основе данного подхода лежит концепция

¹ По данным А. А. Шмидта, примерно две трети опрошенных им следователей органов прокуратуры и МВД указали, что методами борьбы с ложью владеют слабо. См. А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей, канд. дис., стр. 156.

Опрошенные нами работники юстиции считают, что овладение — методами разоблачения лжи и выявления всех случаев дачи ложных показаний — важнейшие условия эффективной борьбы с ложью.

² См. А. А. Шмидт, — названная работа, стр. 106.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 112.

о диагностическом эффекте различных элементов поведения допрашиваемого.

Утверждалось диагностическое значение наблюдения, регистрации и измерений отдельных психофизиологических реакций, отражающих изменение эмоционального состояния допрашиваемого, — тремора рук, мимики, частоты пульса, состояния дыхания, давления и т. д. Известны попытки диагностировать ложь по некоторым психологическим и семантическим параметрам речевого поведения допрашиваемого — паузам, интонациям, частоте встречаемости отдельных слов и т. п. Определенные надежды возлагались на диагностику и типологизацию личностных качеств и свойств допрашиваемого, обуславливающих «тенденцию ко лжи», лживость.

На основе наблюдения за поведением допрашиваемого и данных различного рода психологических испытаний предлагалось оценивать достоверность показаний свидетелей, а ряд авторов (Ж. Варендок, К. Марбе, В. Штерн, А. С. Тагер, Я. А. Канторович, А. Е. Брусиловский и др.) считали, что решение вопроса о достоверности показаний свидетелей должно быть отнесено к компетенции судебно-психологической экспертизы.

Психодиагностический подход — явление не новое. В одной из наиболее древних памятников права, индийских законах Ману, содержался уже перечень улик поведения, «указывающих» на «недобросовестность» свидетеля: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства»¹.

Указанная тенденция особенно отчетливо прослеживается в работах буржуазных криминалистов, которые придают исключительное значение психофизиологическим реакциям допрашиваемого как симптоматике его добросовестности или лживости (О'Хара, В. Диенштейн и др.); например, испарина рассматривается как признак гнева, смущения; изменение цвета лица, пересыхание рта, нарушение частоты пульса, ритма дыхания, некоторые движения рук, ног предлагается рассматривать как показатели обмана.

В качестве научно-технических средств обнаружения лжи предлагаются хорошо известные лай-детекторы (полиграф), «сыворотки правды», иначе говоря, наркоанализ, «ассоциативный эксперимент», гипноз и некоторые другие средства, которые широко популяризируются и находят практическое применение в деятельности органов уголовной юстиции отдельных буржуазных стран.

Вполне понятно, что если учет психофизиологических реакций

¹Л. Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, кн. 1 (Уголовно-судебная достоверность), Харьков, 1882, стр. 115.

допрашиваемого, доступных визуальному» наблюдению и констатации, имеет определенное тактическое значение, ориентирует следователя и суд на выяснение причин беспокойного поведения допрашиваемого, то применение полиграфа или активное вмешательство в психические процессы и состояния свидетелей, потерпевших и обвиняемых посредством гипноза и наркоанализа совершенно недопустимы с правовой и этической точки зрения, а результаты такого рода психологических, наблюдений и экспериментов не могут иметь доказательственного значения. Волнение, которое проявляется в тех или иных элементах поведения допрашиваемого, может не иметь отношения к делу.

Многозначность, а следовательно, неопределенность результатов регистрации психофизиологических и других реакций допрашиваемого, что признают и сторонники «детекции лжи», оставляют последнее слово за интерпретатором. Видимо, это главным образом и привлекает деятелей буржуазной юстиции, которые хотели бы подменить гласный, контролируемый общественным мнением путь установления и доказывания истины судом заключениями экспертов-специалистов, а свидетельские показания «нелгущими свидетелями» — показаниями приборов и вещественными доказательствами, которые легко могут быть сфальсифицированы и истолкованы в удобную сторону. Вместе с тем использование этих средств в борьбе с ложью отчасти обусловлено идеалистическим отрицанием возможности ее распознания и разоблачения следственным путем. Так, один из исследователей проблемы лжи, французский психолог К. Мелитан утверждал, что есть лжецы, которые «все отгадывают, все предвидят, никогда ни на чем не «срезаются» и настолько хитры, что следят за всеми оттенками сомнения или недоверия слушателя, умеют заранее ответить на все вопросы и разыграть комедию правдивости замечательно естественно»

В нашей литературе рассматриваемый подход подвергся справедливой критике. Ложь и правда - это этические и правовые понятия, никакими приборами их зарегистрировать нельзя. Предпринимаемые в буржуазном уголовном процессе попытки определения виновности и лживости при помощи визуального наблюдения за поведением допрашиваемого, применения тестов и проб или специальной аппаратуры, регистрирующей физиологические параметры организма, признаются неприемлемыми и недопустимыми в советском уголовном процессе.

Отвергая методы психодиагностики, советские криминалисты видят решение проблемы разоблачения лжи в полной, всесторонней и объективной проверке всех обстоятельств дела и доказательств, в умелом использовании основных положений следственной тактики.

¹ К. Мелитан, Психология лжи, стр. 30.

Говоря о проблеме лжи в уголовном процессе, видный советский психолог А. Р. Лурия еще в 30-е годы отмечал: «Обычно принято думать, что нет ничего более случайного, капризного и не подчиняющегося никаким законам, чем ложь. Однако такое представление неверно. Ложь... имеет свои формы, свои правила, свои приемы. Человек, который лжет, прибегает к определенным законам мышления, к определенным законам логики. Вскрыть их означало бы сделать серьезный шаг вперед по пути умения отличать правдивое высказывание от лживого, а это бы дало новые прекрасные приемы в следственном деле»¹.

Исследования, проведенные Т. А. Скотниковой, А. А. Шмидтом, а также наше изучение позволили сделать ряд выводов о природе лжи, основных факторах, влияющих на верифицируемость (выявляемость) лжи. Как известно, умышленная ложь состоит в намеренном искажении истины допрашиваемым, появляется в уголовном процессе в результате волевого решения о даче ложных показаний и служит средством достижения целей, не совпадающих с целями, стоящими перед правосудием.

Различается строгое и нестрогое несовпадение целей у допрашиваемого и правосудия. Иногда допрашиваемый лишь отрицает свою осведомленность об обстоятельствах расследуемого преступления, стремясь избежать участия в расследовании и связанных с этим нежелательных последствий, к которым относятся потеря времени, волнение, отвлечение от обычных занятий и привычного образа жизни, контакты с властями и т. д. В этом случае имеет место нестрогое несовпадение целей (нестрогое соперничество). Гораздо чаще недобросовестное поведение свидетеля или потерпевшего носит характер противодействия правосудию, вызывается намерением выгородить преступника или добиться осуждения невиновного, направлено на неосновательное отягощение ответственности подследственного или смягчение его участи.

Ставя перед собой такие цели, лжесвидетели вступают в борьбу с лицами, осуществляющими производство по делу. При этом взаимоотношения между следствием и судом, с одной стороны, и лжесвидетелем — с другой, приобретают остроконфликтный характер, с более или менее строгим соперничеством сторон. Так, задаче расследования — установить подлинные обстоятельства дела (основания для принятия решения) и правильно его разрешить — препятствует лжесвидетель, который, пытаясь вынудить правосудие принять выгодное для себя решение, скрывает подлинные факты и сообщает ложные данные, чтобы, исходя из ложных посылок, следователь и суд пришли к неверным выводам. Для этого недобросовестный свидетель или потерпевший прогнозирует возможные действия следствия и суда, намечает и реализует контр-

¹ А. Р. Лурия, Экспериментальная психология в следственно-судебном деле, «Советское право», 1927, № 2, стр. 92.

меры, т. е. фактически стремится управлять ходом расследования и судебного разбирательства.

При расчете собственного поведения лгущий в своих рассуждениях всегда должен учитывать то, как его ложные сообщения будут приняты, оценены, использованы допрашивающим. Поэтому его рассуждения строятся по схеме: «Следователь думает, что я поступлю следующим образом, и в связи с этим может поступить, так, а я поступлю иначе, и тогда он...», т. е. включают имитацию к «перехват» мыслей и выводов противника. В психологии осознание собственных рассуждений и выводов обозначается термином «рефлексия». Управление поведением партнера посредством рефлексивных рассуждений именуется «рефлексивным управлением», специфика которого состоит в том, что противнику навязывается не само решение, а основания, из которых он выводит предопределенное другим партнером решение. Средством рефлексивного управления действиями работников органов правосудия при расследовании преступлений и является лжесвидетельство.

Наметив цель, недобросовестный свидетель должен решить, как ее достичь, как исказить истину. Искажение истины достигается различными путями. Иногда лгущему достаточно умолчать о тех или иных обстоятельствах, исключить их из общего описания события. Так часто поступают потерпевшие, скрывая свои неправомерные действия и предосудительные поступки. В других случаях допрашиваемому необходимо внести существенные изменения в картину действительного события, чтобы придать ему желательный характер. Для этого он что-то изменяет, что-то привносит в описываемое событие или полностью заменяет его другим. Обрабатывая истину в определенном направлении, лжесвидетель создает модель события, наиболее отвечающую его замыслу. В систематизированном виде приемы обработки действительности, используемые при конструировании ложных моделей тех событий и фактов, о которых допрашивается свидетель, могут быть сведены к трем основным приемам:

- 1) исключение (умолчание) отдельных элементов События и фактов;
- 2) дополнение (сообщение) события вымышленными элементами;
- 3) замена всего события (сообщение) или отдельных его элементов, фактов другими событиями, элементами, фактами, вымышленными или реальными

На основе приведенных приемов создаются всевозможные комбинации и сочетания из них. В психологической и криминали-

1 Использование реальных фактов при конструировании Ложных сообщения имеет место, например, когда обвиняемому приписываются действия или поступок совершенные им значительно раньше и при иных обстоятельствах. Довольно часто встречаются случаи приписывания одному лицу поступков и действию других ЛИЦ.Н

стической литературе предлагались и другие классификации приемов извращения действительности, на первый взгляд более детальные, однако на деле их авторы рассматривают комбинации из указанных трех приемов, а таких комбинаций может быть множество. Одна из этих классификаций, разработанная А. А. Шмидтом¹ включает такие, по его мнению, приемы: утверждение вымышленных фактов; сокрытие подлинных фактов; отрицание действительных фактов; подмена фактов или их извращение. Как видно из этой схемы, ее автор допустил смешение приемов обработки подлинных фактов (подмена фактов или их извращение) со способами лжи (сокрытие фактов, т. е. умолчание) и речевыми формами реализации ложного сообщения (утверждение одних фактов и отрицание других). В самом деле солгать, исказить истину можно двояко: умолчать о ней или сказать неправду. Прежде чем изложить ложные сведения на допросе, представить ложную картину освещаемого события, это событие необходимо подвергнуть изменениям: что-то добавить, что-то выпустить или заменить.

Сами эти операции протекают латентно (скрыто) от допрашиваемого. Следователь и суд наблюдают лишь «речевое поведение» допрашиваемого. В разговорной и письменной речи лгущий использует обычные формы речевого поведения: умалчивает или сообщает, утверждает или отрицает. Отрицание или утверждение каких-то фактов может быть сопряжено с прямым опровержением других фактов, но это необязательно. Следовательно, речевые формы (варианты) поведения недобросовестного допрашиваемого или собственно формы лжи могут быть классифицированы следующим образом:

- 1) сокрытие (умолчание) подлинных фактов;
- 2) отрицание (сообщение) подлинных фактов;
- 3) утверждение (сообщение) вымышленных фактов;
- 4) сокрытие (умолчание) подлинных и утверждение (сообщение) вымышленных фактов;
- 5) сокрытие (умолчание) одних подлинных и опровержение (сообщение) других подлинных фактов;
- 6) опровержение (сообщение) подлинных и утверждение (сообщение) вымышленных фактов.

Применительно к умышленной лжи иногда используется еще один термин — вид лжи, которым, как правило, обозначается соотношение правды и вымысла в ложном сообщении. В реальной ситуации расследования рассмотренные формы лжи в чистом виде встречаются - редко, чаще они комбинируются, взаимозаменяя и взаимодополняя одна другую по мере надобности. В подтверждение справедливости нашей классификации рассмотрим некоторые варианты поведения лжесвидетеля на допросе, используя для

¹ А. А. Шмидт, *Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей*, канд. дисс., стр. 33.

этого такой пример. Халитов и Петров из хулиганских побуждений избили Градова, при этом Халитов пытался применить нож, но был обезоружен потерпевшим. Все происшедшее с начала и до конца видел лишь один свидетель — приятель виновных Ветров. Рассмотрим, как он может повести себя на допросах, если хочет помочь подследственным избежать ответственности или смягчить их участь:

1. Рассказать следователю, что Халитов и Петров избили Градова, но умолчать о попытке Халитова применить нож — сокрытие подлинного факта.

2. Заявить на допросе, что вообще ничего не видел, ничего не знает по данному делу — отрицание подлинного факта, своего присутствия на месте происшествия.

3. Рассказать на допросе, что потерпевший Градов беспричинно пристал к Халитову, нанес ему несколько ударов, после чего Халитов с помощью появившегося во дворе Петрова избил Градова — утверждение вымышленных фактов.

4. Описывая драку, умолчать о попытке Халитова применить нож и заявить, что Градов пытался ударить ножом Халитова, — сокрытие подлинных и утверждение вымышленных фактов.

5. Рассказывая об ударах, нанесенных Градову Халитовым, умолчать о попытке последнего применить нож и опровергать показания Градова о том, что в драке принимал участие Петров, сокрытие одних подлинных и опровержение других подлинных фактов.

6. Дав на первом допросе правдивые показания, уличающие подследственных, на следующем допросе заявить о ложности своих первоначальных показаний и сообщить, что на самом деле Градов был избит неизвестными лицами, — опровержение подлинных и утверждение вымышленных фактов.

Не являясь исчерпывающим, этот перечень вариантов поведения недобросовестного допрашиваемого показывает приведенные выше формы лжи в действии.

Вопрос о форме лжи далеко не так академичен, как это может показаться на первый взгляд. Правильный выбор формы лжи — образа действий — весьма ощутимо сказывается на верифицируемости ложного сообщения, так как чем большим изменениям лгущий подвергает описываемые события и факты, тем сложнее установить внутреннюю связь между вымыслом и реальностью, обеспечить правдоподобность сообщения.

Характеризуя сущность и психологию лжесвидетельства, мы отмечали выше, что в известной мере условно ложь может быть разграничена на активную и пассивную. При этом указывалось, что активная ложь предполагает переработку действительных событий и сообщение существенно искаженных сведений, а пассивная заключается в умолчании каких-то данных, отрицании подлинных фактов без замены их любыми иными.,

Обнаружено, что пассивная ложь разоблачается значительно реже, чем активная. Как показало специальное изучение, это обусловлено тем, что, активно преобразуя подлинное событие, подгоняя и подправляя его в желательном направлении или вовсе заменяя другим, лжесвидетель не может обеспечить полную и строгую «стыковку» всех событий и фактов, которые входят в него, связаны с ним местом и временем. Так, знакомый Гришина, совершившего ограбление Благовой, по просьбе матери подследственного заявил на следствии, что в день и часы, когда было совершено ограбление, он вместе с Гришиным распивал спиртные напитки на квартире последнего, а следовательно, Гришин не мог совершить инкриминируемые ему действия. Однако, ложно утверждая алиби подследственного, этот свидетель не смог правильно описать одежду Гришина, которая была на нем в день ограбления. Кроме того, ложность показаний «свидетеля» была установлена на допросе его жены, показавшей, что в тот день он был болен и никуда из дома не выходил. Другое дело ложь пассивная, когда допрашиваемый лишь умалчивает отдельные данные или отрицает их, не предлагая ничего взамен. Даже если скрытые им или отрицаемые факты «всплывают» в ходе расследования, с беспорочно устанавливаются, такой лжесвидетель находится в несравненно более выгодном положении потому, что всегда может объяснить пробелы забывчивостью, признать ошибочность своих прежних показаний..

Выбор той или иной формы лжи определяется целью, которую преследует лгущий, его осведомленностью об обстоятельствах дела и заинтересованностью в нем, информированностью о состоянии расследования, процессуально-тактической ситуацией расследования в целом и ситуацией допроса, очной ставки или опознания, интеллектуальными и характерологическими качествами лжесвидетеля.

Наиболее существенное значение при выборе лжесвидетелем тактики поведения на следствии имеет цель лжесвидетельства. Для реабилитации подследственного избирается один путь, а для неосновательного обвинения — другой. Как отмечалось выше, исследованием установлено, что оправдательная позиция, занятая свидетелем с первых дней расследования, в условиях острого дефицита доказательственной информации почти всегда сопряжена с использованием пассивной лжи: умалчиванием данных, уличающих преступника, и их отрицанием. Однако в дальнейшем, с изменением процессуально-тактической ситуации, с поступлением в распоряжение следствия и суда новой информации этот свидетель на последующих допросах почти всегда переходит к активной лжи (или прекращает сопротивление), так как обнаруживаются пробелы в его показаниях, конфликт между показаниями данного лица и других свидетелей, потерпевших, подследственных, при объяснении которых ему приходится прибегать к опровержению, вымыслу и т. д. Несколько иное поведение у тех лжесвидетелей, которые, дав

вначале правдивые, уличающие виновного показания, затем изменяют позицию по делу и пытаются реабилитировать подследственного. Реализуя свой замысел, эти лжесвидетели вынуждены опровергать свои прежние показания, а для этого необходимо признать их ошибочными или ложными, объяснить, как и почему это произошло, т. е. здесь при оправдательной позиции используется уже активная ложь, опровергаются подлинные и утверждаются вымышленные факты. Активная ложь с первых дней расследования наиболее характерна для заведомо ложных показаний обвинительного свойства¹. Так, женщина, добровольно вступившая в интимную связь, а затем обратившаяся в органы правосудия с заявлением об изнасиловании, сразу прибегает к активной лжи в связи с тем, что ей необходимо событию непроступного содержания придать криминальный характер. Для этого она придумывает насильственные действия или использует готовые примеры поведения насильника, заимствуя их из рассказов подруг, литературных произведений и иных источников.

В связи с этим следует заметить, что использование подлинных обстоятельств данного или другого преступления, типичных жизненных ситуаций и вообще фактов, имевших место в действительности, для конструирования ложных сообщений значительно повышает «надежность» лжи, затрудняет ее разоблачение. Если ложь целиком состоит из вымысла, она разоблачается сравнительно легко и быстро. Так, ложный донос, совершенный с целью скрыть растрату, разоблачается, если «потерпевший» не может указать место ограбления или не опознает его или если будет установлено, что деньги им израсходованы. Но если допрашиваемый, умело комбинируя вымысел и действительность, лишь отчасти изменяет, модифицирует подлинные факты, то такие ложные сообщения более правдоподобны и распознать их ложность гораздо труднее. Для достижения этого «эффекта» недобросовестному свидетелю необходимо хорошо знать многие обстоятельства дела. Вот почему так опасна порой ложь потерпевших и основных свидетелей, особенно по делам о преступлениях, расследование и судебное рассмотрение которых всегда происходит при остром дефиците доказательственной информации: о хулиганстве, телесных повреждениях, изнасиловании и убийствах на бытовой почве, должностных преступлениях и некоторых других. Малоосведомленный или подставной свидетель не всегда имеет возможность отталкиваться от подлинных фактов, чаще прибегает к вымыслу.

Вместе с тем весь расчет лжесвидетеля и его тактика строятся

¹ Исключение составляют те ложные показания, в которых допрашиваемый, зная какие-либо реабилитирующие факты, по различным мотивам скрывает их, отягощая этим положение обвиняемого. Так, Е., потерпевшая по делу об изнасиловании знает, что ножом ее ударил Г., однако, прямо не обвиняя в этом несовершеннолетнего Л., не опровергает показания Г., который приписывает удар ножом Л., и показания самого Л., принимающего вину за удар ножом на себя.

на ошибках и недочетах следственной и судебной работы, с одной стороны, и на дефиците доказательственной информации — с другой. Чем меньше обстоятельств дела установлено в ходе расследования и подтверждено «независимыми» доказательствами, тем шире выбор стратегий у недобросовестного допрашиваемого. Напротив, тщательное исследование всех обстоятельств дела, правильная оценка собранных доказательств порознь и в совокупности сводят на нет все усилия лжесвидетеля. В теории игр принято считать, что если о явлении известно много, то противник связав большим числом правил и тем самым располагает меньшим числом стратегий. Исчерпывающе полное знание о явлении оставляет противнику практически лишь одну удовлетворительную стратегию — отказ от дальнейшего сопротивления. Строго говоря, задача следствия и суда как раз и состоит в снятии неопределенности (незнания), мешающей принять правильное решение, максимально полное и всестороннее исследование всех обстоятельств совершенного преступления и доказательств по данному делу, вследствие чего обнаруживается по меньшей мере недостоверность показаний недобросовестного допрашиваемого.

Известно, что заранее подготовленная и тщательно отрепетированная легенда разоблачается с большим трудом, чем та, что сочиняется по ходу допроса. Однако в ходе расследования самый идеальный план поведения и легенда лжесвидетеля так или иначе корректируются, подвергаются изменениям, дополнениям. Бдительность допрашивающего помогает ему своевременно обнаружить и правильно оценить эти поправки. Немаловажно и то, что с психологической стороны «хорошо солгать» в любом случае значительно труднее, чем сказать правду, если даже учитывать только количество мыслительной работы, которую проделывают лжец и добросовестный свидетель. Последнему приходится припоминать происшедшее, облекать его в словесную форму и передавать эту информацию допрашивающему. Тогда как лжесвидетель должен не только припоминать происшедшее, но и изменять его, разработать во всех деталях свою легенду, подготовить «запасные позиции» — несколько вариантов на тот случай, если первый будет опровергнут, придумать надлежащие объяснения на случай полного изобличения во лжи. Ему необходимо заранее умозрительно предвосхитить ход расследования, пути проверки его показаний, предвидеть все возражения, которые могут возникнуть у следствия и суда, продумать свое поведение на очных ставках с другими лицами, выдвинуть веские аргументы, опровергающие и порочащие опасные для него показания. Эта сложнейшая мыслительная работа, включающая имитацию хода рассуждений других лиц, прежде всего работников органов правосудия, участвующих в расследовании данного дела, и рефлексивное управление их поведением, требует от лжесвидетеля незаурядной памяти, отличной осведомленности об обстоятельствах дела и состоянии расследования на

момент дачи показаний, солидного багажа правовых знаний. Кроме того, он должен обладать высокими интеллектуальными качествами, хорошим самообладанием — психологической устойчивостью действию эмоциогенных факторов—стрессоров: темпу допроса, быстрой смене тактических ситуаций, страху разоблачения и наказания за лжесвидетельство и т. д. Основными преимуществами недобросовестного допрашиваемого в многосторонне планируемой борьбе, которую представляет собой расследование, можно считать свободу в выборе средств нападения и защиты, а также то, что он является держателем доказательственной информации, в связи с чем его показания не могут быть исключены из числа доказательств до тех пор, пока они не будут опровергнуты с помощью других доказательств.

В то же время лжесвидетель по ряду причин весьма уязвим. Ложь зачастую носит «цепной» характер. Одна ложь порождает другую, так как, извратив или умолчав одно событие или его часть, необходимо привести в соответствие все другие связанные с ним события и факты. Сделать же это полностью и гладко никогда не удастся, поэтому ложь проявляется в несоответствиях, противоречиях. Так, заявляя, что ему ничего неизвестно об обстоятельствах дела, свидетель должен объяснить, где он был. Опровержение его объяснения рождает новую ложь или ведет к прекращению сопротивления. Дав ложные показания, допрашиваемый стремится воспроизводить их на последующих допросах, отчего такие показания носят характер «застывших», повторяются в одних и тех же словах и выражениях, события излагаются в одной и той же последовательности. Вместе с тем естественное забывание «вымывает» из памяти лжесвидетеля отдельные подробности ложного сообщения и на очередном допросе они заменяются другими. Если показания допрашиваемого тщательно фиксируются, то расхождение или скрупулезное повторение в деталях обычно обнаруживается. Положение лжесвидетеля осложняется тем, что в его сознании всегда соперничают два, а иногда и больше вариантов события: одно из них подлинное, действительно происшедшее, другое — его вымышленный вариант, который он намерен рассказать на допросе. Таким образом, ему приходится при рассказе «блокировать» то, что было на самом деле и, образно говоря, «вертится на языке», а излагать придуманное им. Ему необходимо лавировать между правдой, которую можно говорить, правдой, которую нельзя говорить, и ложью, которой надо заменять утаиваемую правду. Благодаря конкуренции правды и лжи происходят проговорки, т. е. утечка объективно достоверной информации.

Иногда встречаются и оговорки, т. е. высказывания, не соответствующие действительности. Выяснить, что именно представляет собой замечание, вырвавшееся у допрашиваемого, можно путем проверки его в ходе допроса и дальнейшего расследования.

Как всякая ошибка, оговорка должна быть исправлена, а проговорка может и должна быть использована в тактических целях. Проговорки «провоцируются», вызываются специальными тактическими приемами, о которых мы скажем ниже, и выявляют большую информированность допрашиваемого, чем та, которую он демонстрирует на допросе, знание тех обстоятельств, о которых он, по его утверждению, ничего не знает или представленных им на допросе в другом свете. Лжесвидетелей часто «выдает» незнание данных, с которыми, по его словам, он должен быть знаком: сюда можно отнести незнание обстановки на месте происшествия, фактов, взаимосвязанных с криминальным событием, отдельных, но весьма существенных действий потерпевшего или подсудимого, предметов одежды виновного, неумение выполнить определенные действия. Так, по делам о хищениях, совершаемых путем составления подложных ведомостей на якобы выполненную работу, которая требует специальных навыков и умения, можно провести следственный эксперимент для проверки умения свидетеля, чья фамилия значится в списке лиц, выполнить работу, за которую он якобы получил деньги. В ряде случаев просчеты лжесвидетелей обусловлены незнанием процессуально-тактической обстановки, сложившейся к моменту их допроса, в связи с чем они пытаются лгать о тех обстоятельствах дела, которые уже установлены и неопровержимо доказаны.

Как и всякое явление объективной действительности, реальное поведение человека — ложь так или иначе проявляется в ходе расследования, налагает свой отпечаток на поведение лгущего и его показания. Анализ материалов уголовных дел, при расследовании и судебном рассмотрении которых давались заведомо ложные показания, дает возможность говорить о том, что существуют определенные особенности ложных показаний, отличающие их от показаний добросовестных свидетелей.

Как уже отмечалось, ложным показаниям присуща как бы заученность, повторение показаний не только в строго определенной последовательности, но нередко в одних и тех же выражениях. Происходит это из боязни проговориться. Но если речь идет о письменных показаниях допрашиваемого, оцениваемых, например, в суде, то полное совпадение показаний, данных на разных допросах, иногда происходит по вине следователя, который, не желая усложнять себе работу, выясняет у допрашиваемого, подтверждает ли он первоначальные показания (или даже объяснения), а затем просто слово в слово переписывает протокол с прежних показаний свидетеля. Именно в результате такой, совершенно неправильной практики проведения повторных допросов лжесвидетельство часто остается неразоблаченным. Нередко случается, что в показаниях лжесвидетеля встречаются не свойственные его обычной речи слова, выражения, термины, резко выделяющиеся в остальном его описании обстоятельств дела, что часто обусловлено дослов-

ным повторением им предложенной кем-то ложной версии. Одни и те же выражения, встречающиеся в показаниях нескольких допрашиваемых, могут свидетельствовать о наличии предварительного сговора о даче ложных показаний. В литературе указывалось на такую особенность ложных показаний, как их меньшая информативность, по сравнению с правдивыми сообщениями¹. Это подтверждается нашими наблюдениями. Недобросовестные показания бывают многословными, но весьма неточными при освещении основных вопросов, интересующих следствие и суд. Иногда они содержат излишне точное описание второстепенных деталей, но скупо освещают важные факты. Ложные показания часто бедны деталями, включая лишь те, которые необходимы в рамках излагаемой легенды, в отличие от правдивых, которые всегда насыщены сопутствующими данными. Добросовестные показания почти всегда содержат значительное число личностных и эмоциональных элементов (высказываний), относящихся к описываемому событию, тогда как ложные показания эмоционально бледны. Лишенные этих моментов, благодаря которым правдивые показания придают описываемому событию индивидуальность и неповторимость, ложные показания, как правило, схематичны и как бы безлики. Правдивые показания могут выходить за рамки обычной осведомленности данного лица и превосходить его способность к измышлению, между тем ложные показания большей частью ограничены предшествующим криминальному событию опытом и знаниями свидетеля. В то время как объективным критерием достоверности показания являются прежде всего ссылки на факты, которые можно проверить с помощью других доказательств², недобросовестные свидетели, стараясь вызвать доверие к даваемым показаниям, чаще всего очень настойчиво апеллируют к своей «общеизвестной» беспристрастности и незаинтересованности в деле, доброй репутации, в чем и прорывается личностный смысл их поведения. Довольно часто, если показание имеет ту же формально-логическую структуру, что и другие показания этого лица, ложность которых установлена ранее, данное показание может оказаться ложным. Здесь сказывается стереотип поведения, так как, испытав однажды модель события, создав ее при помощи определенных методов, лжесвидетель придерживается уже испытанной схемы, изменяя содержание, действует привычным образом, что следует рассматривать как почерк лжесвидетеля, способ совершения преступления.

Кроме признаков, отражающихся на содержании и форме заведомо ложных показаний, на лжесвидетельство указывают и другие «симптомы». Одним из них является обнаружение в ходе рас-

¹ См. А. Р. Ратинов, Т. А. Скотников, Самооговор.

² См. Л. М. Карнеева, Тактические приемы допроса обвиняемого, в сб. «Труды ВШ МВД СССР», вып. 32, М., 1971, стр. 174—175.

следования явного конфликта между сведениями, исходящими от данного свидетеля, и остальным доказательственным материалом. Должны настораживать изменения свидетелем своих показаний или попытки внесения изменений, особенно относящихся к первоначальному показанию. Возможно и многократное изменение показаний, причем объяснения допрашиваемого по этому поводу, предлагаемые следствию и суду в качестве оснований для «пересмотра» прежних показаний, могут быть самыми различными, начиная от ссылок на их ошибочность, неточную запись или намеренное искажение оспариваемых показаний допрашивающим, вплоть до самообвинения во лжи на предыдущих допросах. Появление в деле новых свидетелей, ранее следствию неизвестных, приходящих в органы правосудия без вызова, а также вызываемых по ходатайствам обвиняемого, его защитника или родственников, может быть сигналом о том, что эти лица — подставные свидетели, особенно в тех случаях, когда они выдают себя за очевидцев, а по данным следствия как будто бы все очевидцы установлены. Исследованием обнаружено, что зачастую свидетели, допрашиваемые по указанию заинтересованных в деле лиц, оказывались лжесвидетелями. Их появление в деле часто инспирируется окружением подследственного¹. Чаще всего это происходит в связи со ссылками на алиби, проверить и подтвердить которое подследственный просит с помощью называемых им лиц. Так, по одному из дел, рассмотренных Верховным Судом Грузинской ССР, десять подставных свидетелей пытались создать алиби подсудимому.

Обязательной проверке и учету подлежат данные о том, что предпринимаются попытки оказать давление на свидетеля или потерпевшего, сведения о его заинтересованности в определенном исходе дела и о его контактах с заинтересованными лицами.

Известное оперативно-тактическое значение имеют и улики поведения, так как в ходе допроса и расследования вообще у следователя формируется определенное впечатление, представление о данном свидетеле, о присущей ему манере держать себя, говорить и т. д., поэтому резкое изменение свидетелем своего обычного поведения, нетипичная реакция на отдельные вопросы и т. п. должны привлекать внимание допрашивающего, требуют установления причины этого.

Однако ни один из вышеперечисленных признаков не может рассматриваться как безошибочный «симптом» лжи. Сказанное полностью относится и к совокупности любых из этих признаков. Они имеют сугубо тактическое значение как сигналы, ориентирующие следствие и суд на исследование причин их появления, требующие повысить бдительность и тщательно проверить показания

¹ Подставные свидетели со стороны потерпевшего, по нашим данным, встречаются довольно редко.

данного лица, но вопреки мнению Я. О. Мотовиловкера, который считает, что «возможность наблюдения за поведением допрашиваемого является одним из условий оценки показаний»¹, не могут учитываться при оценке показаний допрашиваемого, если не установлены вызвавшие их причины.

Поскольку дезинформация, ложь и обман являются основными средствами противодействия расследованию, то крайне необходимо тщательно проверить и правильно оценить поступающую информацию. Проверка и оценка показаний допрашиваемого с точки зрения их доброкачественности составляют неотъемлемую и существеннейшую часть следственной и судебной работы с доказательствами, осуществляются непосредственно в ходе выполнения конкретного следственного действия и в процессе дальнейшего расследования.

Учитывая, что заведомо ложные показания свидетелей и потерпевших исключительно опасны, могут крайне осложнить расследование, надо признать, что весьма важно начинать проверку достоверности сообщений допрашиваемого лица на первом же допросе. Известно, что допрос является не только средством получения информации, но и включает контроль за ее качеством. Целям проверки доброкачественности информации непосредственно на допросе служат сравнение сведений, содержащихся в данных показаниях, с иными данными и доказательствами, имеющимися в распоряжении следствия, и анализ собственно показаний, т. е. сопоставление различных элементов исследуемого сообщения, за счет чего выявляются внутренние (Противоречия, логические разрывы и иные дефекты. Следует заметить, что потенциально перспективный метод сравнения показаний допрашиваемого с иными доказательствами и данными на первых допросах применим не всегда, так как в начальной стадии расследования любых преступлений, а также по делам о преступлениях, расследование которых обычно ведется в условиях острого дефицита доказательственной информации, следователь может не располагать теми данными, с которыми целесообразно сопоставить сообщения свидетелей и потерпевших. Поэтому для своевременного диагностирования недобросовестных показаний особенно важное значение имеет выполнение тактического правила о максимальной детализации показаний допрашиваемого, получение от него развернутых, исчерпывающе полных объяснений по всем обстоятельствам, относящимся к делу, выяснение, «во-первых, откуда ему известны сообщаемые сведения, воспринял ли он сам соответствующие факты (когда, где, при каких обстоятельствах) или узнал от других (от кого именно, когда, где, при каких обстоятельствах), во-вторых, кто может подтвердить сообщаемые сведения и каким образом они

¹ См. Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 69—70.

могут быть проверены»¹. Детализация показаний имеет существенное значение для предупреждения лжесвидетельства и в большинстве случаев позволяет выявить признаки лжи непосредственно в ходе допроса, так как дача подобных показаний неминуемо порождает противоречия между вымышленными и подлинными сведениями в показаниях допрашиваемого лица, требует от свидетеля изложения множества мелких подробностей расследуемого события. Не зная их, лжесвидетель должен их придумать или попытаться уклониться от ответа на поставленный вопрос, последнее же симптоматично, вызывает предположение о недобросовестности допрашиваемого. Детализация показаний создает благоприятные условия для их проверки при дальнейшем расследовании и часто удерживает свидетеля от неосновательного изменения показаний.

В условиях дефицита информации достоверность сообщений свидетелей и потерпевших проверяется также с помощью специальных тактических приемов, которые большинство криминалистов освещают применительно к тактике допроса подозреваемого и обвиняемого, построенных с учетом основных закономерностей поведения допрашиваемых, их «слабых» сторон, вследствие чего эти приемы и комбинации имеют характер «психологических ловушек».

Вопрос о правомерности и допустимости «следственных хитростей», т. е. применения имеющейся суммы фактов с использованием фактора внезапности, неподготовленности допрашиваемого ко лжи, его неосведомленности относительно собранных доказательств и информированности следователя, создания условий, порождающих у свидетеля преувеличенное представление об осведомленности следователя, неоднократно возникал в правовой теории и практике, становился предметом оживленных дискуссий. Основные разногласия вызывает обсуждение приемов, связанных с формированием у допрашиваемого определенных представлений и намерений, приводящих его к тактическим просчетам и уличению во лжи².

Несомненно, принципиально недопустимы в отечественном уголовном процессе прямой обман и ложь, игра на низменных страстях и свойствах, «улавливающие вопросы», психическое и физическое насилие, рекомендуемое отдельными западными учеными.

Критериями допустимости методов и средств, используемых в процессе расследования, являются: а) точное соответствие духу и букве закона; б) познавательная эффективность, направленность

¹ А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, Тактика допроса, стр. 81.

² См. А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, названная работа, стр. 151; Н. И. Поирубов, Допрос в советском уголовном судопроизводстве, стр. 128—132; М. С. Строгович, Судебная этика, ее предмет и сущность, «Советское государство и право», 1971, № 10, стр. 91.

каждого приема к выявлению истины; в) избирательность действия; г) соответствие принципам и нормам судебной морали.

Как известно, следователю нет нужды прибегать к ложным утверждениям, в его распоряжении имеется неограниченный запас таких средств, как прямой отказ в сообщении данных, которые хотят выведать заинтересованные лица, умолчание, реплики и заявления, допускающие многозначное толкование, создание ситуаций, скрывающих действительное положение дела, разнообразные вопросы, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого. Такой образ действий, на наш взгляд, не противоречит указанным выше критериям допустимости тактических приемов. Сущность следственной хитрости, отмечает А. М. Ларин, состоит в умелом маневрировании информацией, и следователю не может быть поставлено в упрек как обман или ложь то обстоятельство, что заинтересованные лица при применении следственных хитростей ошибаются, поскольку исходящая от следователя информация была правдива¹;

Принципиальная допустимость подобных приемов при расследовании представляется очевидной. Конечно, догматически трактуя понятия «неправды», «нечестности», любую маскировку и сокрытие фактов нетрудно свести к обману, объявить о неприемлемости этих средств в следственной работе, поскольку они не отвечают нравственному принципу правдивости, дают основания обвинить следователя в неискренности, могут снизить Воспитательное воздействие предварительного следствия. Но при коллизии различных социальных ценностей предпочтение всегда отдается решению, направленному на защиту наиболее значимой ценности. Ригористическое же следование принципу искренности как нравственной ценности ставит под угрозу более значимые социальные ценности — общественную безопасность, интересы установления истины и т. п. Неверно акцентировать все внимание на воспитательной стороне отдельных тактических приемов, так как в воспитательном плане ведущая роль, несомненно, принадлежит ходу II результатам расследования в целом. И если специальные тактические приемы используются в действительно необходимых случаях, гармонично сочетаются с убеждением и способствуют ему, то применение их допустимо и нравственно оправдано.

Не останавливаясь подробно на такого рода приемах, рассмотренных во многих работах², укажем лишь на некоторые из них. Хороший эффект дает применение тактического приема, который состоит в том, что следователь задает дополнительные, уточняющие и контрольные вопросы в быстром, форсированном темпе. Увеличение темпа допроса создает дефицит времени, ли-

¹ См. А. М. Ларин, *Расследование по уголовному делу. Планирование, организация*, М., 1967, стр. 50.

² См., например, *«Руководство для следователей»*, стр. 322—331.

шает допрашиваемого возможности тщательно обдумывать каждый ответ, усиливает эмоциональное напряжение допрашиваемого, в связи с чем недобросовестные свидетели часто проговариваются, хотя их легенда и была подготовлена заранее. Хорошо зарекомендовал себя и другой прием, заключающийся в том, что часть допроса следователь проводит в форме свободной беседы, во время которой у допрашиваемого создается впечатление хорошей осведомленности следователя об интересах, увлечениях и обстоятельствах личной жизни свидетеля. При этом вопросы, относящиеся к существенным обстоятельствам, вкрапливаются в эту беседу. Правдиво отвечая на вопросы о собственных интересах, увлечениях и незначительных деталях преступления, допрашиваемый не успевает переключить внимание на, казалось бы, неопасный вопрос следователя и по инерции говорит правду, проговаривается. Обычно этот прием именуется косвенным допросом

С его помощью может быть проверена реакция допрашиваемого на отдельные вопросы (недобросовестный допрашиваемый иногда болезненно реагирует на некоторые вопросы, подолгу обдумывает их, тогда как на все остальные отвечает спокойно, уверенно и быстро). Иногда полезно вести допрос в замедленном темпе. Например, если свидетель сам избрал быстрый темп рассказа и ответов, рассчитывая «проскочить» все опасные места в своих показаниях, следует предложить ему подробно и детально описать происшедшее. В ряде случаев успех приносит применение тактики «сомневающегося следователя». Содержание этой линии поведения образует целый комплекс, серию различных демонстративных высказываний и действий следователя, которые он выполняет по ходу допроса, как бы сомневаясь в правдивости свидетеля и готовясь уличить его во лжи. Для этого перед допрашиваемым ставится множество лобовых контрольных вопросов относительно каждого момента его показаний, следователь листает дело, сверяется по ходу ответов с какими-то документами и как бы выражает недоверие свидетелю и его показаниям. Однако использование этого приема должно сочетаться со строжайшей корректностью по отношению к допрашиваемому, чтобы не унизить и не оскорбить его. Следует вести себя таким образом, чтобы добросовестный свидетель не был «задет», а у лжесвидетеля возникли сомнения в правильности избранной им тактики поведения, что может побудить его к попыткам исправить создавшееся положение и восстановить доверие допрашивающего. Не зная, какая именно часть его показаний вызывает сомнение у следователя, допрашиваемый, действуя наугад, делает опрометчивые шаги и выдает себя. Тактика «сомневающегося следователя» побуждает допрашиваемых подробно обосновывать каждое свое заявление,

¹ См. Л. М. Карнеева, А. Б. Соловьев, А. А. Чувилев, Допрос подозреваемого и обвиняемого, стр. 58.

что ведет к насыщению показаний деталями, проверка которых обеспечивает разоблачение лжи. При оценке показаний на допросе и в процессе расследования существенное значение имеют раскрытие и выяснение «личностного смысла» показаний свидетеля и его поведения, их внутреннего содержания — надо понять говорящего, а не только формальный текст показаний. Необходимо за текстом расшифровать его подтекст, выявив не только то, что допрашиваемый формально сказал, а то, что хотел сказать, т. е. мотив и цель показаний, определяющие их внутренний план и «личный смысл», отражаемый в доведении свидетеля и его показаниях. «Так обычно и делают в жизни, отмечал видный советский психолог С. Л. Рубинштейн, — когда бывает нужно расшифровать смысл речи, будь то дипломатический документ или любое высказывание человека, имеющее жизненно важное для нас значение. Эта расшифровка достигается истолкованием сказанного, основанным на соотнесении его с реальным контекстом жизненной ситуации. Так же мы истолковываем подлинный внутренний смысл человеческих переживаний в жизни»¹. Этой цели служит вдумчивый, кропотливый анализ всех элементов поведения допрашиваемого и его показаний с учетом всех акцентов, расставленных самим свидетелем. Например, как уже отмечалось, недобросовестные допрашиваемые довольно часто излишне настойчиво акцентируют внимание следователя на своей беспристрастности, незаинтересованности в деле, пытаясь тем самым завоевать и укрепить доверие допрашиваемого к своим показаниям.

По окончании допроса полученные показания проверяются и оцениваются в ходе дальнейшего расследования. Проверке подлежат способность свидетеля, потерпевшего воспринимать утверждаемые ими факты с учетом условий восприятия, характера события, источники и причины их осведомленности, умение выполнить определенные действия, наличие конкретных знаний и т. д. Это достигается опознанием живых лиц, трупов, вещей, предметов и других объектов, проверкой показаний на месте, следственными экспериментами, очными ставками, дополнительными и повторными допросами данного лица. Проводя повторные допросы, следователь и суд нередко встречаются с явлением «застывшей репродукции» показаний. В этих случаях необходимо прибегать к таким приемам, как изменение последовательности выяснения вопросов, допрос «вразбивку».

Хорошими возможностями выявления лжи обладает такое следственное действие, как проверка показаний на месте. Оно состоит в указании ранее допрошенным лицом места и объектов, связанных с расследуемым событием, описании им этого события, демонстрации отдельных действий, исследовании фактической об-

¹ С. Л. Рубинштейн, *Проблемы общей психологии*, стр. 150.

становки данного места и сопоставлении с ней полученных доказательств.

Это дает возможность сопоставить сообщение с реальной обстановкой, полнее выявить существенные для дела признаки этой обстановки и материальные следы, обнаружить осведомленность или неосведомленность данного лица относительно случившихся в этом месте событий и на этой основе подтвердить или опровергнуть его показания. При проверке показаний на месте следователь, выслушивая соответствующие сообщения, наблюдая за демонстрацией различных действий, воспринимая при этом указанные объекты, глубже вникает в суть происшедшего, лучше уясняет даваемые объяснения, что облегчает оценку истинности или ложности сообщаемой ему информации. Допрашиваемый сообщает, что и как здесь произошло, демонстрирует различные действия участников исследуемого события, а следователь соотносит эти данные с тем, что имеется в действительности.

В результате проверки показаний на месте устанавливается, могло ли произойти здесь интересующее следствие событие, как оно происходило, соответствует или не соответствует показание ранее допрошенного лица реальной обстановке, осведомлен он или не осведомлен относительно обстановки, в которой протекало расследуемое событие, совпадают или не совпадают объяснения нескольких лиц о деталях того места, где происходило это событие, имеются ли в указанных пунктах следы и иные вещественные доказательства. С целью повышения эффективности проверки показаний на месте необходимо при допросе, предшествующем проверке показаний на месте, предлагать допрашиваемому начертить или нарисовать план или схему, отражающую маршрут его движения к месту исследуемого события, взаиморасположение участников этого события и иных объектов. При проверке показаний на месте для выяснения осведомленности и степени знакомства с помещением или местностью целесообразно, чтобы объяснения давались с известным упреждением (о том, что еще не видно с того пункта, где находится допрашиваемый), а затем и на самом этом месте.

Отсутствие значительных расхождений обычно свидетельствует о хорошем знании места. Одним из удачных средств контроля является метод реконструкции, суть которого состоит в том, что при проверке показаний предварительно нарушается обстановка на месте, а затем свидетелю или потерпевшему предлагается восстановить ее первоначальный вид. Правильное воссоздание обстановки лицом, показания которого проверяются, имеет важное значение для оценки их доброкачественности¹. При этом свидетель или

¹ Этот метод предложен Я. Г. Цыпарским в работе «Некоторые приемы (реконструкции на месте происшествия для воспроизведения обстановки и обстоятельств события)» (об. «Криминалистика и судебная экспертиза», № 2, Киев, 1965).

потерпевший имеет возможность лично убедиться, в какой мере его сообщения соответствуют подлинной обстановке, он может продемонстрировать свои знания об этом месте либо обнаруживает незнание, в силу чего проверка показаний на месте служит хорошим средством разоблачения лжи.

По мере поступления новой информации открываются широкие возможности использования метода сравнения исследуемых показаний с показаниями других лиц и иными данными, сопоставления показаний одного и того же лица, данных им на различных допросах, позволяющего обнаружить «симптомы» лжи. Анализ практики борьбы со лжесвидетельством Доказывает, что лишь халатность и невнимательность лица, осуществляющего производство по делу, зачастую мешают ему заметить многочисленные шероховатости в показаниях недобросовестных допрашиваемых и иные данные, указывающие на возможное лжесвидетельство. Иногда причиной этого оказывается плохое знакомство с материалами дела, что пока еще остается слабым местом некоторых судей и представителей государственного обвинения.

После обнаружения недоброкачества показаний свидетелей и потерпевших и установления заведомой ложности этих показаний для уличения недобросовестных свидетелей и потерпевших во лжи, на наш взгляд, могут быть рекомендованы приемы, используемые при допросе подозреваемого и обвиняемого. При этом тактика избличения лжесвидетелей во лжи, так же как и тактика допроса обвиняемого в конфликтной ситуации, определяется объемом доказательств, имеющихся в распоряжении следователя. Отмечается, что наиболее упорно придерживаются ложных показаний лица, коренным образом заинтересованные в деле, прежде всего родственники подследственного. Все их объяснение и ссылки подлежат тщательной проверке. Самого пристального внимания заслуживают признания этих лиц во лжи. Изучение показывает, что довольно часто родственники обвиняемого — потерпевшие и свидетели — объявляют ложными свои первоначальные¹ показания, в которых они уличали виновного. Детальное исследование позволяет утверждать, что в ряде случаев это есть не что иное, как самооговор, совершаемый в Целях улучшить положение подследственного, так как заведомо ложными на самом деле почти всегда оказываются последующие показания этих лиц, направленные на реабилитацию виновного или смягчение его участи. Некритическое отношение к этим признаниям оказывается причиной неосновательной переквалификации действий виновного в сторону смягчения его ответственности, влечет иные отрицательные последствия.

Во всех случаях Недостаточно разоблачить лжесвидетеля в ходе допроса, необходимо установить мотивы дачи им заведомо ложных показаний, проверить все объяснения и признания, зафиксировать показания в протоколе допроса таким образом, чтобы

в дальнейшем суд мог проследить, как трансформировались эти показания, как уличался лжесвидетель, какие его показания и каким путем опровергались. Это важно потому, что, являясь процессуальной формой показаний свидетелей и потерпевших, протокол допроса дает возможность суду ознакомиться не только с содержанием показаний допрашиваемого, но и с его поведением в ходе расследования. Между тем бывает, что, преодолев сопротивление лжесвидетеля и разоблачив его на допросе, следователь никак не отражает в протоколе эту подчас упорную борьбу, обеспечивая тем самым непривлечение недобросовестного свидетеля к ответственности. Вопреки своей задаче раскрыть преступление, каким является дача заведомо ложных показаний, следователь оставляет его безнаказанным. Происходит это, «очевидно, от психологической «размягченности» сознания работников органов расследования, их нежелания заниматься «мелочами»...»¹

Неотвратимая ответственность за лжесвидетельство обеспечивается не только полной фиксацией хода допроса, на котором допрашиваемый уличается во лжи, но и отражением в материалах дела результатов проверки его объяснений, заявлений и т. д. Представляется необходимым заметить, что, изменяя показания в суде, лжесвидетель зачастую дословно повторяет версию, которая уже была опровергнута на предварительном следствии. Однако, не имея возможности установить это по материалам дела, суд бывает вынужден направлять дело на дополнительное расследование, исключать из обвинения отдельные эпизоды².

В соответствии с законом (ст. 205 УПК РСФСР) по делам, направляемым в суд, следователь составляет обвинительное заключение, в котором дает развернутый анализ собранных доказательств. Здесь же необходимо указать основания, по которым отвергаются показания недобросовестного свидетеля или потерпевшего в целом или определенная их часть, обосновывая вывод о недоброкачественности этой информации ссылками на конкретные доказательства, отражая мотивы и направленность ложных показаний, установленные при проверке этих показаний.

На практике же показания лиц, уличенных в лжесвидетельстве, не всегда подвергаются содержательному анализу и оценке, а отвергаются без специального рассмотрения и даже фигурируют среди доброкачественных доказательств, как было с показаниями 21 % лиц, впоследствии осужденных за дачу ложных показаний.

¹ И. И. Карлец, Наказание (Социальные, правовые и криминологические проблемы), М., 1973, стр. 118.

² В связи с этим следует шире применять звукозапись показаний. Зная, что разоблачение его во лжи на предварительном следствии зафиксировано с помощью звукозаписи, лжесвидетель редко рискует возвращаться ко лжи в суде.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВЕ

§ 1. ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВЕ

Закон устанавливает, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и их наказанию (ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Своеобразие лжесвидательства как преступления против правосудия состоит в том, что оно совершается на глазах у представителей этих органов в лице следователя, прокурора, судьи. От их реакции непосредственно зависит эффективность борьбы с данным видом преступлений.

Формами реагирования органов правосудия на преступные посягательства любого вида являются постановления и определения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, а также специфическая форма прокурорского реагирования на преступления, обнаруживаемые в ходе судебного рассмотрения уголовных дел, — ходатайства о направлении рассматриваемого дела для производства дополнительного расследования и привлечения к ответственности новых лиц или о возбуждении в отношении этих лиц уголовного преследования судом. Своевременное реагирование на факт дачи заведомо ложного показания имеет весьма важное воспитательное и предупредительное значение, демонстрирует бдительность правосудия и его нерушимость, наглядно показывает принцип неотвратимости ответственности в действительности. Между тем, как показало изучение, на практике принципы обязательного реагирования и неотвратимой ответственности в отношении лжесвидетелей нарушаются довольно часто.

Значительная часть заведомо ложных показаний остается без надлежащих правовых последствий, образуя солидный слой латентной преступности данного вида. Об этом можно судить, например, по тому, какие признаки чаще всего используются в качестве оснований для возбуждения уголовных дел о заведомо ложных показаниях. Установлено, что более четырех пятых всех дел о лжесвидетельстве возбуждается при наличии взаимоисключающих показаний допрашиваемого лица. Только принципиальное изменение показания, как правило, служит основанием для возбуждения уголовного преследования за это преступление. Ложь устойчивая, последовательная (особенно в форме умолчания, отрицания), даже если она опровергается всеми материалами дела и доказательствами, влечет за собой ответственность лишь в одной десятой случаев лжесвидетельства. В то же время изменение показаний, да еще неоднократно, неизмеримо повышает возможность привлечения к ответственности за лжесвидетельство. Это логично вытекает из данных, характеризующих поведение лиц, осужденных за лжесвидетельство при расследовании и судебном рассмотрении основного дела: почти все они (свыше 90%) изменяли показания на следствии или в суде. Вместе с тем о том, как соблюдается принцип обязательности возбуждения уголовного дела о лжесвидетельстве, можно судить по характеру реагирования прокурорских работников на факты дачи заведомо ложных показаний. Лишь в отношении пбловини лжесвидетелей представители государственного обвинения ставили вопрос о привлечении их к уголовной ответственности. Все остальные случаи лжесвидетельства остались «незамеченными» обвинением. В связи с этим отметим, что речь идет только о тех фактах дачи заведомо ложных показаний, когда свидетель все-таки привлекался к ответственности судом по его инициативе, при пассивной позиции и отсутствии ходатайства о том прокурора, участвовавшего в судебном заседании. Следовательно, эти факты не могли быть латентными для представителей государственного обвинения.

Говоря о характере реагирования правосудия на лжесвидетельство, нельзя не указать на некоторые его особенности. Так, свидетели, давшие вначале ложные показания, а затем отказавшиеся от лжесвидетельства по тем или иным причинам (чаще всего убедившись в бессмысленности дальнейшего заперательства), в основной своей массе вовсе не привлекаются к ответственности. Во всяком случае, дел подобного рода насчитывается немного (менее одной десятой от числа изученных). Больше того, вопрос о привлечении таких лжесвидетелей к ответственности вообще не обсуждается. Между тем вряд ли здесь можно усмотреть добровольный отказ от продолжения преступной деятельности, устраняющий ответственность, да еще без надлежащего обоснования и процессуального оформления. Речь может идти лишь об обстоятельстве смягчающего характера (п.п. 1 и 9 ст. 38 УПК РСФСР)-

Конечно, решая судьбу лжесвидетеля, суд вправе учесть это обстоятельство и освободить лжесвидетеля от ответственности, но при условии, что такое решение будет облечено в форму мотивированного определения суда об отказе в возбуждении уголовного дела или постановления об этом следственного органа¹.

Существенно отличается характер реагирования следственных, прокурорских и судебных работников в случаях, когда свидетель, давший показания, на основании которых было возбуждено уголовное преследование и взят под стражу подследственный, затем изменил позицию (большой частью это происходит в суде) и стал свидетельствовать в пользу лица, привлеченного к ответственности по основному делу. В таких случаях нередко взамен лица, ранее привлекавшегося к ответственности за изнасилование, хулиганство или телесные повреждения, привлекают к ответственности потерпевшего (заявителя), инкриминируя ему ложный донос и ложные показания. Возникает парадоксальная ситуация: действительный, но неизобличенный преступник и его жертва меняются местами. Бывший потерпевший (почти всегда это потерпевшая) осуждается за лжесвидетельство при отягчающих обстоятельствах. Таких случаев насчитывается около 20%. Внимательное изучение этой группы дел показывает, что по ним в редких случаях бывает полностью устранено сомнение в ложности показаний, реабилитирующих подследственного по основному делу².

Видимо, прекращая за недоказанностью основное дело, не всегда можно считать доказанным и лжесвидетельство. Складывается впечатление, что если лжесвидетель и привлекается к ответственности, то это решение зачастую носит характер эмоциональной реакции следственных и судебных работников на нежелательное осложнение дела и ухудшение статистических показателей их работы, что является извращением принципа неотвратимости ответственности и недопустимо. Можно полагать, что усиление прокурорского и судебного надзора за законностью расследования и судебного рассмотрения уголовных дел позволило бы, с одной стороны, исключить тенденциозность при решении вопроса об уголовном преследовании лжесвидетелей и, с другой стороны, обеспечить, чтобы ни один случай дачи заведомо ложных показаний не оставался без надлежащего реагирования со стороны органов правосудия.

Наблюдается разноречивость в формах реагирования на факты лжесвидетельства. Иногда суды вместо определения о возбуждении уголовного дела выносят облеченное в форму определения решение о направлении в следственные органы материала на свидетеля или потерпевшего, показания которого суд признал заведомо ложными. Встречаются случаи отказа в возбуждении уголовного дела

¹ По делам, прекращаемым в стадии предварительного расследования.

² См. об этом следующий параграф настоящей главы.

органами следствия, когда дело уже возбуждено судом и направлено для производства предварительного расследования. Так поступил следователь, получив определение народного суда о возбуждении дела против лжесвидетеля. Спустя два месяца, не произведя никаких следственных действий, он вынес постановление об отказе в возбуждении дела.

Определения судов о возбуждении уголовных дел в отношении лжесвидетелей в большинстве случаев ограничиваются указанием на то, что свидетелем даны ложные или взаимоисключающие показания. В этих определениях отсутствуют конкретные указания на то, какие именно показания данного лица суд считает заведомо ложными, вывод о недостоверности показаний не обосновывается доказательствами, мотивы лжесвидетельства вообще не называются. При таких условиях зачастую нельзя понять, почему суд считает необходимым привлечь к ответственности свидетеля или потерпевшего. Часто определения поступают в следственные органы с существенным запозданием.

В связи с тем, что указанные недостатки, как правило, имеют место при решении вопроса об ответственности лжесвидетелей, представляется целесообразным специально остановиться на процессуальном порядке возбуждения уголовных дел о рассматриваемых преступлениях.

В отличие от процедуры проверки данных о других видах преступлений сведения о недобросовестности свидетеля или потерпевшего чаще всего поступают и проверяются уже непосредственно в ходе расследования и судебного рассмотрения того дела, в связи с которым допрашивается это лицо. Учитывая, что столкновение в ходе следствия интересов многих лиц — ситуация самая обычная для уголовного процесса, особенно по делам о преступлениях, совершаемых на бытовой почве, к возбуждению дела о даче заведомо ложных показаний необходимо относиться весьма осторожно, тщательно проверяя не только основательность заявления о ложности показаний допрашиваемых по делу лиц, но и источник такой информации. Здесь возможны не только оговоры, но и самооговоры. В частности, как мы уже указывали выше, потерпевшие по делам о бытовых преступлениях, изнасилованиях и т. п., изменяя позицию в пользу подсудимого, чаще всего отказываются от прежних показаний, нередко объявляя их ложными. Однако справедливо замечают Г. Н. Мудьюгин и Ю. А. Шубин, «в такой ситуации было бы грубой ошибкой некритически воспринять новые показания заявительницы и, прекратив преследование виновного, ставить вопрос об ответственности потерпевшей за лжесвидетельство»

¹ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, М., 1970, стр. 16.

Нельзя спешить с выводом о недостоверности показаний и в том случае, когда в них обнаруживаются противоречия, пробелы или их явное расхождение с остальным доказательственным материалом. Поспешное признание этих показаний заведомо ложными и исключение их из числа доказательств по делу, неосновательное прекращение основного дела и необоснованное возбуждение уголовного преследования за лжесвидетельство могут крайне отрицательно сказаться на судьбе основного дела, нанести ощутимый урон престижу органов правосудия, особенно если такое решение принимается судом. Отмечается, что в ряде случаев заявление о недобросовестности свидетеля, потерпевшего и его самопризнание во лжи на предыдущих допросах имеют целью подорвать доверие к достоверным показаниям, добиться неправильного прекращения основного дела, возвращения его на дополнительное расследование, чтобы по возможности затянуть разрешение дела. С учетом этого необходимо осмотрительно выносить суждение о доброкачественности тех или иных показаний, принимать решение о возбуждении дела о ложных показаниях.

Возбуждение этих дел имеет существенные процессуальные особенности, обусловленные специфическим характером данного вида преступления. Как известно, любые, в том числе и ложные, показания свидетелей и потерпевших являются доказательствами по делу, а судьба отдельного доказательства может быть решена лишь при окончательной оценке всех доказательств, собранных по этому делу

Изучение показывает, что большей частью дела о лжесвидетельстве возбуждаются судами при постановлении приговора по основному делу. Прокурорские и следственные работники принимали такое решение лишь в немногих случаях (около 17% изученных дел), преимущественно при прекращении основного дела. Такая практика согласуется с весьма распространенной точкой зрения, в соответствии с которой следователь и прокурор вправе возбудить уголовное преследование лжесвидетеля лишь по делам, прекращаемым на стадии предварительного следствия, тогда как решение вопроса об ответственности недобросовестного свидетеля по делам, направляемым в суд, относится к исключительной компетенции суда¹. Вместе с тем в последние годы вопрос о том, какой орган и на какой стадии процесса правомочен начать уголовное преследование за дачу ложных показаний, не раз становился предметом острой полемики в юридической литературе. Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что закон, регламентируя порядок возбуждения дел о ложных показаниях судом, не содержит пря-

¹ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 440.

² См., например, Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, стр. 57; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 106.

мых указаний на то, как надлежит следователю и прокурору реагировать на факты дачи заведомо ложных показаний, обнаруживаемые в ходе предварительного расследования уголовных дел, когда может быть возбуждено уголовное дело о таких случаях лжесвидетельства. Так, ст. 256 УПК РСФСР, которая устанавливает, что возбуждение уголовного дела в отношении свидетеля или потерпевшего за дачу ложных показаний «может иметь место лишь одновременно с постановлением приговора» по основному делу, не дает ответа на этот вопрос. Кроме того, она помещена законодателем в разделе Уголовно-процессуального кодекса, положения которого, определяя общие условия судебного разбирательства, не имеют прямого отношения к предшествующим стадиям уголовного процесса.

Наиболее последовательно и детально вопросы ответственности лжесвидетелей решены в ст. 68 УПК Туркменской ССР и ст. 64 УПК Грузинской ССР. Например, в ст. 64 УПК Грузии говорится, что «привлечение свидетеля к уголовной ответственности за заведомо ложные показания, данные на дознании или предварительном следствии, производится лишь после вступления в законную силу приговора по делу, по которому свидетель давал ложные показания, или после прекращения этого дела; привлечение свидетеля к уголовной ответственности за ложные показания, установленные в суде, может быть произведено определением суда, вынесенным одновременно с приговором; расследование и рассмотрение этого дела судом могут последовать только после вступления в законную силу приговора, вынесенного по делу, по которому свидетель давал показания, или после прекращения этого дела.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и других союзных республик таких положений не содержат¹. Поэтому некоторые авторы считают, что следователь и прокурор, установив факт дачи ложных показаний на предварительном следствии, могут начать уголовное преследование лжесвидетеля на общих основаниях (в порядке ст. 112 УПК РСФСР)², т. е. немедленно по обнаружении признаков этого преступления², и расследовать дело о заведомо

¹ Исключением является ст. 81 УПК Литовской ССР, где говорится, что привлечение свидетеля к уголовной ответственности за ложные показания производится в общем порядке, а в суде применяются правила ст. 282 УПК Литовской ССР (которая аналогична ст. 256 УПК РСФСР). Такую редакцию вряд ли можно признать ясной. Отсутствие четких указаний в законе способно породить множество недоразумений на практике.

² Заслуживает критики позиция В. С. Фельдблома, который утверждает, что привлечение лжесвидетеля к ответственности «может осуществляться любым органом правосудия (в широком смысле слова) не только на любой стадии процесса, но и вне стадии процесса (разрядка наша. — Авт.)». В. С. Фельдблом, Уголовная ответственность за заведомо ложное показание, канд. дисс., стр. 14. Однако, как известно, ложные показания могут быть даны лишь при производстве дознания, при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. Следовательно, речь может идти только о том, на какой стадии уголовного процесса может быть возбуждено уголовное дело о лжесвидетельстве.

ложных показаниях параллельно с расследованием основного дела. «Отсутствие в законе специальных указаний о порядке возбуждения дел рассматриваемой категории в досудебных стадиях, — полагает А. М. Ларин, — позволяет сделать вывод, что вне судебного разбирательства эти дела возбуждаются в общем порядке»¹.

В пользу приведенной точки зрения выдвигаются и другие аргументы, которые сводятся к тому, что такой порядок возбуждения уголовного преследования за дачу заведомо ложных показаний обеспечит неотвратимую и скорую ответственность всех лжесвидетелей, повысит предупредительное значение наказания лжесвидетелей за счет скорости репрессии². Действительно, в среднем дело о лжесвидетельстве рассматривается судом спустя не менее четырех-пяти месяцев с момента совершения этого преступления, а иногда и значительно позже, особенно если показания были даны по сложным, многоэпизодным делам, расследование и судебное рассмотрение которых длятся порой свыше года. Справедливо и указание на то, что суды зачастую вообще не решают вопроса об ответственности лжесвидетелей³.

Однако эта позиция при любом обосновании не может быть признана правильной. Возбудить дело в отношении свидетеля или потерпевшего до рассмотрения основного дела судом означает предвосхитить оценку показаний этого лица судом, тогда как по общему правилу окончательная оценка всех доказательств по делам, направляемым в суд, принадлежит только суду. Поэтому до судебной проверки доказательств было бы преждевременным решать вопрос о привлечении свидетеля или потерпевшего к ответственности за дачу ложных показаний⁴.

В качестве гарантии безусловного привлечения к ответственности в суде лиц, давших ложные показания и уличенных в этом на предварительном следствии, видимо, можно рассматривать детальный анализ и обстоятельное опровержение таких показаний в обвинительном заключении. Следует согласиться с Н. А. Якубович в том, что для этого показания свидетелей и потерпевших, которые признаются следователем недостоверными, должны быть изложены в обвинительном заключении так, чтобы было видно, почему они отвергаются как недоброкачественные, со ссылками на доказательства, опровергающие эти показания, указывающие на

¹ См. А. М. Ларин, Борьба со лжесвидетельством — существенная гарантия истины в уголовном процессе, «Советское государство и право», 1969, № 6, стр. 89.

² См. А. А. Шмидт, Тактические основы распознавания ложных показаний и изблечения лжесвидетелей, канд. дисс., стр. 150.

³ См. там же, стр. 155—156.

⁴ См. И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, стр. 188—189.

заведомую недобросовестность свидетеля и мотивы его противоправного поведения¹.

Таким образом, мы полагаем, что следователь и прокурор вправе возбудить уголовное дело в отношении лжесвидетеля, если основное дело прекращается на стадии предварительного следствия, одновременно с вынесением постановления о прекращении дела, в связи с расследованием которого были даны ложные показания. Это правило применимо и в случае частичного прекращения основного дела в отношении свидетеля или потерпевшего, давшего заведомо ложные показания по этому эпизоду, если его показания не имеют отношения к иным эпизодам и обстоятельствам.

По делам, направляемым в суд, вопрос об ответственности лиц, давших ложные показания при расследовании и судебном рассмотрении этих дел, решается судом по ходатайству прокурора² или по собственной инициативе при постановлении приговора по основному делу или его прекращении, а также кассационной инстанцией, вышестоящим судом и прокурором в порядке надзора. При этом вышестоящий суд и кассационная инстанция должны решить судьбу приговора по основному делу, если он основан на заведомо ложных показаниях.

В тех случаях, когда о факте дачи свидетелем или потерпевшим заведомо ложных показаний становится известно после того, как решение по основному делу вступило в законную силу, решение о возбуждении уголовного преследования за лжесвидетельство, при наличии к тому достаточных оснований, принимается органом правосудия, которому об этом стало известно, в общем порядке.

Постановления и определения о возбуждении уголовных дел в отношении лжесвидетелей должны содержать конкретные указания на то, какие показания свидетеля или потерпевшего признаются судом или органами следствия заведомо ложными, обоснование этого вывода доказательствами по делу, включать данные о мотивах лжесвидетельства.

В частности, если возбуждение этого дела происходит в суде, то грамотное, хорошо обоснованное определение о привлечении лжесвидетеля к ответственности, несомненно, произведет опреде-

¹ См. Н. А. Якубович, Окончание предварительного следствия по делам, направляемым в суд, М., 1970, стр. 81; а также В. А. Лещенко, Ю. В. Манаев, Обвинительное заключение: анализ доказательственных данных, способы и техника составления, в сб. «Труды ВШ МВД СССР», вып. 5, Волгоград, 1971, стр. 97.

² Исходя из того, что окончательное суждение о доброкачественности отдельных показаний, по общему правилу, может быть высказано лишь по завершении судебного следствия, следует признать целесообразным, чтобы ходатайство государственного обвинителя о возбуждении дела в отношении лжесвидетеля имело место после обвинительной речи, логически вытекало из представленного в этой речи анализа доказательств.

ленное впечатление на лиц, присутствующих в зале судебного заседания, будет иметь воспитательное значение.

Закон предусматривает, что суд вправе применить меру пресечения к лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело (ст. 266 УПК РСФСР). Однако на практике реализация этого положения закона в отношении лжесвидетелей сопряжена со значительными трудностями. Как известно, определение суда первой инстанции может быть отменено вышестоящим судом при кассационном рассмотрении основного дела по частной жалобе свидетеля, потерпевшего или по протесту прокурора (ст. 331 УПК РСФСР). Кроме того, в соответствии со ст. 90 УПК РСФСР лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, в течение 10 суток должно быть предъявлено обвинение, в противном случае мера пресечения отменяется. Между тем с момента вынесения судом первой инстанции определения о возбуждении дела против лжесвидетеля и до передачи его в следственные органы проходит обычно не менее 10—15 дней, так как только до вступления в законную силу решения по основному делу проходит семь дней, если не подана кассационная жалоба и не принесен протест. Если подается жалоба, то сроки увеличиваются вдвое и даже втрое в связи с тем, что по закону кассационная инстанция может рассмотреть дело, поступившее по жалобе или протесту в течение 10—20 дней (ст. 333 УПК РСФСР). Дополнительные осложнения возникают при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. В связи с этим следует отметить, что мы не разделяем мнение А. А. Шатрова о том, что определение в отношении лжесвидетеля, к которому применена судом мера пресечения, связанная с лишением свободы, следует направлять в органы следствия, не дожидаясь вступления в законную силу приговора по основному делу и самого определения¹. Расследование дела о даче заведомо ложных показаний может быть начато только после вступления в законную силу приговора по делу, при расследовании и судебном рассмотрении которого были даны ложные показания, а вместе с ним и определения суда о возбуждении дела в отношении свидетеля или потерпевшего. С учетом сказанного представляется целесообразным, чтобы суды при возбуждении дел о лжесвидетельстве воздерживались от применения мер пресечения, тем более что, кроме внешнего эффекта, серьезного практического значения данное решение, как правило, не имеет.

Чтобы лжесвидетель знал об определении и имел возможность его обжаловать, председательствующий в судебном заседании может по окончании судебного следствия предложить всем сви-

¹ См. А. А. Шатров, Некоторые особенности возбуждения уголовного дела за дачу заведомо ложного показания, в сб. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 13, М., 1971, стр. 83.

детелям и потерпевшим остаться в зале судебного заседания до оглашения приговора.

После вступления в законную силу определения о возбуждении дела в отношении лжесвидетеля оно должно незамедлительно направляться прокурору. Желательно, чтобы одновременно с этим определением суд направлял в органы предварительного следствия материалы, необходимые для расследования факта дачи заведомо ложных показаний: копию приговора по основному делу, копии протоколов допросов лжесвидетеля и лиц, уличающих его в недобросовестном поведении, копию протокола судебного заседания по основному делу. Думается, что направление этих материалов вместе с определением позволит ускорить расследование дела о ложных показаниях.

§ 2. ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВЕ

Судя по изученным делам, среди практических работников существует мнение, что расследование дел о лжесвидательстве особой сложности не представляет, так как значительная часть работы по изобличению лжесвидетелей прodelывается в рамках основного уголовного дела. Возбуждение уголовного дела - лишь начальная стадия процесса, в которой уполномоченные на то должностные лица решают вопрос о наличии или отсутствии в поступивших к ним материалах поводов и оснований к началу производства по делу¹. После возбуждения уголовного дела органам следствия и суда еще предстоит выяснить все обстоятельства совершения преступления, собрать доказательства о наличии или отсутствии состава преступления, установить виновность или невиновность конкретных лиц, исследовать причины, способствовавшие совершению данного преступления. Только после этого может быть обоснованно решен вопрос о наказании лжесвидетеля.

Однако изучение следственной и судебной практики по делам о заведомо ложных показаниях свидетелей и потерпевших показывает, что расследование и судебное рассмотрение этих дел зачастую осуществляются не всегда доброкачественно. Нарушается принцип быстроты и оперативности, ибо более одной десятой дел о даче ложных показаний расследовалось в сроки свыше двух месяцев, а в отдельных случаях сроки достигли года и больше. Определением районного народного суда 14 января 1966 г. в отношении свидетеля М. возбуждено уголовное дело по признакам ст. 181 УК РСФСР. Это определение было направлено для проведения предварительного расследования лишь 1 июня 1966 г. Рассмотрение же дела судом состоялось спустя свыше семи месяцев с момента его возбуждения. Дело лжесвидетеля К. расследовалось

¹ См. Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Возбуждение уголовного дела, стр. 7.

с апреля по август 1966 года без продления в законном порядке сроков следствия. Приговор по делу К. последовал через четыре с лишним месяца с момента возбуждения дела. Около двух пятых изученных дел о лжесвидетельстве рассматривалось судами более чем через три-четыре месяца после их возбуждения. В ряде случаев такие дела разрешались значительно позже, хотя объективных причин, которыми можно было бы объяснить такое положение, в этих делах не усматривалось.

По делам о заведомо ложных показаниях прослеживается тенденция к резкому «сгущению» предмета доказывания. В качестве предмета доказывания чаще всего выступает факт дачи ложных показаний, рассматриваемый сугубо формально, в отрыве от мотивов, направленности и последствий совершенного преступления. Расследование подчас ограничивается установлением лишь того обстоятельства, что свидетелем или потерпевшим даны взаимоисключающие показания, одно из которых принимается за ложное. В подтверждение сказанного можно сослаться на приговор по делу свидетеля К.: «Таким образом, свидетель К. дал следствию или суду ложные показания, скрыв от органов правосудия обстоятельства, которые имели важнейшее значение по делу (разрядка наша. — Авт.)». Как видно из этого фрагмента приговора, по существу остался неразрешенным вопрос о том, какое же именно показание свидетеля является заведомо ложным. Вся работа органов следствия и суда сведена к констатации факта дачи свидетелем взаимоисключающих показаний, без указания на то, какие показания подсудимого послужили основанием его осуждения за лжесвидетельство, за что он несет уголовную ответственность.

Более чем по одной трети дел отсутствуют данные о мотивах лжесвидетельства. Так, в приговоре по делу лжесвидетеля Т. сказано: «В судебном заседании Т. виновным себя признал, показав, что на следствии он говорил неправду. Суд считает, что вина подсудимого, кроме его признания, подтверждается материалами дела и доказана полностью, а его действия правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 178 УК УССР». Аналогичное положение отмечается и по остальным делам, входящим в эту группу. В обвинительных заключениях и приговорах не анализируются мотивы недобросовестного поведения лжесвидетелей, цели и направленность их действий.

Выпадают из поля зрения следствия и суда последствия лжесвидетельства. В 67% дел, при расследовании и судебном рассмотрении которых были даны ложные показания, усматриваются отрицательные последствия исследуемых преступлений. Однако при решении судьбы лжесвидетеля эти последствия не устанавлива-

лись, не оценивались и не учитывались, что отражает неполноту расследования, создает иллюзию одного лишь формального нарушения закона и отсутствия реальной опасности данного преступления. Если же учесть, что в большинстве случаев (90%) лжесвидетели стремились оградить виновных от заслуженной ответственности (лишь в немногих случаях ложные показания имели обвинительную направленность), то становится очевидным, что основная масса рассматриваемых преступлений получила весьма формальное освещение на следствии и в суде.

Остаются без всяких последствий случаи склонения и понуждения к даче ложных показаний. Несмотря на то что непосредственно в материалах 21% дел о лжесвидетельстве содержались данные о подстрекательстве, виновные в этом к ответственности не привлекались, какие бы формы воздействий они ни использовали. Так, в приговоре народного суда по делу В. констатируется, что «В. дал заведомо ложные показания в судебном заседании по делу Ч., так как ему угрожали товарищи подсудимого». Таких примеров можно было бы привести много, и во всех случаях подстрекательство и понуждение к даче ложных показаний не получили надлежащей оценки со стороны органов правосудия, оставлены безнаказанными.

Вопреки процессуальным требованиям и руководящим указаниям об обязательности изучения личности обвиняемого сведения, характеризующие лжесвидетелей, во многих делах отсутствуют, что препятствует правильной оценке личности, индивидуализации наказания и приводит к вынесению неправосудных приговоров. Приводимые сведения ограничиваются в основном социально-демографическими данными, тоже далеко не полными. По четвертой части уголовных дел нет сведений о наличии или отсутствии детей у обвиняемого. Зафиксировано такое же количество случаев полного отсутствия в делах сведений, характеризующих отношение лжесвидетеля к труду, около 80% дел не содержат материалов, освещающих его поведение в быту.

Последнее обстоятельство весьма существенно, ибо подавляющее большинство дел, где давались ложные показания, связано с бытовыми отношениями людей, и указанный пробел исключает возможность всесторонней оценки личности лжесвидетеля, правильного понимания причин дачи ложных показаний, их направленности, что может привести к неправильной квалификации действий и даже повлечь судебную ошибку. Не выясняется характер взаимоотношений между лжесвидетелем, потерпевшим и обвиняемым по основному делу, хотя значение этих данных для уяснения мотивации лжесвидетельства очевидно. Тем не менее в 20% дел этих сведений нет.

Формальный характер расследования по ряду дел о лжесвидетельстве сказывается и на «ассортименте» используемых доказа-

тельств. Среди доказательств по этим делам доминирует признание во лжи самого лжесвидетеля, которое легло в основу обвинительного приговора в 50% дел, не подвергаясь критической оценке и всесторонней проверке. Иные виды доказательств используются много реже. Так, по одной трети всех дел не допрашивался ни один свидетель, по сравнительно немногим делам доказывание основывалось на показаниях двух свидетелей, и в единичных случаях использовались уличающие показания трех и более свидетелей. При этом, как правило, основные свидетели обвинения по делам о заведомо ложных показаниях — это лица, обвинявшиеся по основному делу, объективность показаний которых вызывает самые серьезные сомнения. Таким образом, за внушительной фразой приговора «вина подсудимого помимо его признания подтверждается материалами дела» порой нет ничего, кроме самоуличающих показаний подсудимого и приобщенных к делу копий протоколов с его взаимоисключающими показаниями, которые были даны на допросах по основному делу.

Последствия такой практики самые отрицательные. В ходе интервью одна из осужденных за лжесвидетельство В., потерпевшая по делу о бытовом хулиганстве мужа, рассказала, что оговорила себя в лжесвидетельстве, объявив ложными свои первоначальные показания, в которых уличала мужа в совершении злостных хулиганских действий. Сделала она это, чтобы избежать упреков со стороны родственников мужа в том, что «посадила» его. Изменив показания на реабилитирующие, она последовательно повторяла их в суде, при производстве дополнительного расследования и в следующем судебном заседании, в результате чего действия ее мужа были переквалифицированы с ч. 3 ст. 206 УК РСФСР на ст. 112 УК РСФСР, а в отношении потерпевшей возбуждено дело о лжесвидетельстве. Как выяснилось, при расследовании и судебном рассмотрении дела о даче заведомо ложных показаний следствие и суд, некритически следуя версии В. и ее признанию во лжи на первых допросах, именно первоначальные, добросовестные показания В. признали ложными. В итоге она была осуждена к одному году исправительных работ по месту работы с удержанием 20% заработной платы. В другом случае З., потерпевшая по делу о групповом изнасиловании, вначале уличавшая пятерых насильников, молодых людей из деревни, где она проживала, затем изменила показания и стала утверждать, что вступила с ними в половую связь добровольно. На несостоятельность ее новых показаний указывали, с одной стороны, наличие признаков насилия (по-

¹ По понятным соображениям здесь не называются фамилии потерпевших и суды, рассматривавшие эти дела. До проведения интервью были изучены основные дела и дела о лжесвидетельстве, что позволило судить об искренности опрашиваемых и правдивости их сообщений.

бои, причиненные потерпевшей, в связи с чем она продолжительное время находилась в больнице, разорванная одежда) и, с другой стороны, отсутствие у З. мотивов для оговора подследственных. Кроме того, в деле усматривались данные о склонении ее к даче ложных оправдательных показаний путем уговоров и подкупа родственниками насильников. Об этом же свидетельствовали перехваченные администрацией следственного изолятора и адресованные З. записки от обвиняемых, в которых они просили потерпевшую дать ложные оправдательные показания, обещая, что любой из них по ее выбору женится на ней. Несмотря на это, дело об изнасиловании было прекращено органами следствия при производстве дополнительного расследования. Потерпевшая З. была привлечена к уголовной ответственности и осуждена за дачу заведомо ложных показаний обвинительного свойства (при отягчающих обстоятельствах) к двум годам лишения свободы с реальным отбыванием наказания. Бывшие подсудимые, освобожденные из-под стражи, допрашивались в качестве потерпевших. Урон, причиненный престижу правосудия таким решением, не поддается измерению.

Расследование лжесвидетельства, совершенного двумя и более лицами по одному и тому же делу, как правило, ведется раздельно. Практика необоснованного выделения в самостоятельное производство случаев группового лжесвидетельства приводит к тому, что утрачивается связь между этими эпизодами, не выявляются причины одновременного лжесвидетельства нескольких лиц, не разоблачаются лжесвидетельство по предварительному сговору, подстрекательство и понуждение к нему. Раздельное расследование и рассмотрение судами уголовных дел в отношении лиц, давших ложные показания в одном деле, отмечено в двух третях случаев группового лжесвидетельства (всего таких случаев по изученным делам оказалось 22%).

Исследование показало, что очень часто материалы дела о лжесвидетельстве в урезанном виде дублируют материалы основного дела и в доказательственном отношении не содержат никаких новых данных. Иногда, напротив, существенные обстоятельства, зафиксированные в основном деле, не попадают в дело о заведомо ложных показаниях. Вся работа следователя порой сводится к приобщению копий противоречащих друг другу показаний лжесвидетеля, его допросу по существу предъявленного обвинения и выполнению действий по окончании расследования.

Около одной пятой приговоров по этим делам вообще не содержали обоснования наказания, назначенного лжесвидетелям. Например, не мотивирован приговор по делу свидетеля Н.: «Рассмотрев материалы дела, заслушав объяснения подсудимого, суд считает, что вина Н. доказана полностью, ее признал подсудимый, она подтверждена протоколами его допросов по делу М. Поэтому

суд считает, что Н. совершил уголовное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК УССР, квалификация дана правильно и, руководствуясь ст.ст....».

При определении наказания за лжесвидетельство не всегда учитываются вредные последствия ложных показаний. Указание на это обстоятельство как на основание вида и меры наказания отмечается только в 4% дел, тогда как лишь существенное затруднение судопроизводства имело место по трети дел, в которых давались ложные показания. Не принимается во внимание и отягчающее значение предварительного сговора о даче заведомо ложных показаний (п. 2 ст. 39 УК РСФСР). В частности, по делу Х. десять лжесвидетелей пытались освободить его от заслуженного наказания путем создания ложного алиби. Приговором народного суда все лжесвидетели были осуждены к наказанию, не связанному с лишением свободы (трое скрылись от следствия и суда).

Как показало изучение кассационной практики, приговоры по делам этого рода обжалуются несравненно реже, чем по делам о преступлениях других категорий. Видимо, в большинстве случаев осужденных за лжесвидетельство «устраивает» неполнота расследования, тем более что 87% лжесвидетелей были приговорены к исправительным работам и иным видам наказания, не связанным с лишением свободы.

Представляется, что указанные дефекты следственной и судебной работы по делам о преступлениях рассматриваемого вида в значительной мере обусловлены отношением к лжесвидетельству как преступлению «второго сорта», связаны с превратным толкованием формального характера этого состава преступления. Известно, что для привлечения к уголовной ответственности и осуждения за лжесвидетельство необязательно наступление вредных последствий. Исходя из этого, не осложняя работу доказыванием причинной связи между фактом дачи ложных показаний и, например, неосновательным арестом подследственного, некоторые практические работники ограничивают свою задачу установлением факта дачи ложных показаний, оставляя за пределами дела направленность и мотивы ложных показаний, вредные последствия этого преступления, дачу ложных показаний по предварительному Сговору, подстрекательство и понуждение к лжесвидетельству.

Не вызывает сомнений, что требования закона о полноте, всесторонности и объективности исследования всех обстоятельств расследуемых преступлений в полном объеме относятся и к делам о лжесвидетельстве. Думается, что при расследовании и судебном разбирательстве по делам о даче заведомо ложных «оказаний, необходимо исходить из того, что решение органов предварительного следствия и суда по основному делу о признании показаний свидетеля или потерпевшего ложными и о возбуждении на этом

основании уголовного преследования в отношении свидетеля не имеет преюдициального (обязательного, предрешающего) значения для дела о лжесвидетельстве. Отсутствие преюдиции в данном случае связано с тем, что обвиняемый по делу о лжесвидетельстве не участвовал в этом качестве при рассмотрении основного дела¹, а следовательно, он был лишен надлежащих процессуальных гарантий и реальной возможности активно участвовать в исследовании обстоятельств и доказательств, указывающих на недоброкачественность его показаний, оспаривать и опровергать их, представляя доказательства своей искренности и правдивости. Если допустить, что решение по основному делу имеет преюдициальное значение для дела о лжесвидетельстве, то обвиняемый по этому делу был бы лишен возможности участвовать в проверке «относящихся к его обвинению обстоятельств под тем предлогом, что эти обстоятельства уже установлены судом по тому делу, где этот обвиняемый выступал как свидетель»².

Поэтому мы разделяем мнение о том, что следственные и судебные органы, расследующие и рассматривающие дело о заведомо ложных показаниях, должны исследовать все обстоятельства, в том числе и установленные вступившим в законную силу приговором суда по основному делу, от которых зависит обвинение по ст. 181 УК РСФСР, и свободно оценивать все доказательства. Они совершенно не связаны состоявшимся ранее решением о привлечении свидетеля или потерпевшего к ответственности за лжесвидетельство при установлении вины свидетеля, т. е. заведомой лжестности его показаний.

определяющей обстоятельства, подлежащие доказыванию по любому уголовному делу, расследование и судебное разбирательство дел о лжесвидетельстве включают установление и доказывание:

1) события преступления — времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления;

2) виновности обвиняемого в совершении преступления;

3) обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого (указанных в ст.ст. 38—39 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, а также иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого);

4) характера и размера ущерба, причиненного преступлением.

Отсюда следует, что наряду с другими версиями по делу о лжесвидетельстве обязательно выдвижению и проверке подлежит версия о невиновности свидетеля или потерпевшего в даче заведомо ложных показаний. Необходимость проверки данной вер-

¹ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 362—363.

² Тезисы ИПАН СССР и ВЮОН СССР от 25 января 1940 г. «Уголовная ответственность за лжесвидетельство и ложный донос», «Советская юстиция», 1940, № 3, стр. 12—13.

сия прямо вытекает из закона и не подрывает общую презумпцию о добросовестности с довавших основное дело и принимавших по нему решение.

По делам о лжесвидетельстве необходимо выдвигать и проверять следующие основные версии:

- а) показания свидетеля или потерпевшего вполне достоверны, но неправильно оценены и неосновательно признаны ложными;
- б) свидетель или потерпевший дал объективно недостоверные, показания под влиянием добросовестного заблуждения;
- в) свидетель или потерпевший умышленно дал заведомо ложные показания.

Работа по первой версии направлена главным образом на исследование объективной стороны рассматриваемого преступления — действительно ли показания лица, привлекаемого ответственности за лжесвидетельство, были ложными, не соответствовали подлинным обстоятельствам того преступления, в связи с расследованием которого это лицо допрашивалось. Проверка данной версии в значительной мере осуществляется путем изучения материалов основного уголовного дела, вдумчивого, кропотливого анализа всех показаний лжесвидетеля, а также показаний других лиц и иных доказательств, имеющих в этом деле. Анализ материалов и доказательств, собранных по основному делу, имеющий целью установление объективной достоверности или недостоверности показаний лица, в отношении которого возбуждено дело о лжесвидетельстве, должен включать в себя:

- а) сопоставление определенных элементов описываемого события друг с другом с целью выявления внутренних противоречий в данных показаниях;
- б) сопоставление «одноименных» или связанных и производных элементов описываемого события по показаниям этого лица, данным в разное время, на разных допросах;
- в) сопоставление одноименных элементов описываемого события по показаниям данного лица и других лиц, допрашивавшихся по этому делу;
- г) сопоставление отдельных элементов события по описанию данного лица с иными данными, относящимися к тем же самым элементам события.

Успешному проведению этого сравнительного анализа способствует изготовление сопоставительных таблиц, с помощью которых достигается и обеспечивается наглядность результатов исследования показаний лица, подвергшегося уголовному преследованию за дачу ложных показаний. Например, изучая в плане объективной достоверности показания лжесвидетеля, данные им на разных допросах, целесообразно составить таблицу 1.

Таблица 1

Обстоятельства дела, относительно которых проверяются показания К.	Наименование процессуальных действий, дата их проведения и содержание показаний К.		
	допрос на предварительном следствии 10 января	допрос на предварительном следствии 3 февраля	допрос в суде 25 марта
Действия обвиняемого С.	«...Я видел, как С. ударом кулака правой руки сбил с ног потерпевшего М., а затем ударил его ногой, обувой в сапог, по правой передней части головы...» (л. д. 12—13)	«...По-моему, С. ударял потерпевшего рукой по лицу, но точно утверждать, как был нанесен удар — кулаком или раскрытой ладонью руки — я не могу, так как не обратил на это внимания. Также не могу утверждать, бил С. ногой потерпевшего или нет, так как видел лишь, что С. топтался около внезапно упавшего М. ...» (л. д. 57)	«...С. разговаривал с М., размахивая руками. Толкнул он потерпевшего или ударил, я не видел. Почему потерпевший упал, сказать не могу, возможно, он поскользнулся. Может быть, С. и ударял потерпевшего М. ногой, но я этого не видел...» (л. д. 101)

Подобная систематизация показаний позволяет легко проследить, как трансформировались показания свидетеля или потерпевшего в ходе расследования и судебного рассмотрения дела, наглядно обнаруживает «дрейф» показаний, выявляет их направленность: в данном случае усматривается, что показания К. явно облегчают положение обвиняемого С. Таким же образом могут анализироваться показания свидетелей и потерпевших, относящиеся к любым обстоятельствам дела. Аналогичные таблицы рекомендуется составлять для исследования показаний лжесвидетеля в сравнении с показаниями других лиц: свидетелей, потерпевших, подследственных, допрашивавшихся о тех же обстоятельствах дела, а также для соотнесения их с иными доказательствами и данными: результатами осмотра места происшествия, следственного эксперимента, заключениями экспертизы и т. д. В подтверждение сказанного приведем таблицу 2, где показания лица, привлекаемого к ответственности за лжесвидетельство, сопоставляются с иными доказательствами, имеющимися по основному делу.

Обстоятельства дела от-носительно которых проверяются показания Б.	Наименование источников доказательств и содержащиеся в них данные			
	показания Б. на следствии 25 января	протокол осмотра места происшествия 2 января	протокол следственного эксперимента 26 января	справка начальника районного жил управления
Нахождение свидетеля Б. на месте происшествия, откуда он, по его словам, наблюдал расследуемое событие	«...2 января 1972 г., около 21 часа, я находился на перекрестке ул. Ленина и Малого проезда у магазина «Гастроном». При-мерно на рас-стоянии 50 мет-ров от этого перекрестка, в глубине Мало-го проезда, шли навстречу друг другу по-терпевший Н. и обвиняемый Д. Когда они по-равнялись, по-терпевший Н. внезапно уда-рил Д. по ли-цу. Между ни-ми завязалась драка...» (л. д. 19)	«..Место, где работник а м и «Скорой помо-щи» подобран в бессознатель-ном состоянии потерпевши й и представля-ет собой проез-жую часть Мало-го проезда у д. 25. Здесь у дощатого забора высотой 2 метра, кото-рым огороже-на 40-метровая часть Малого проезда, при-мыкающая к ул. Ленина от д. № 4 до д. № 24, в трех метрах от сте-ны дома № 25 был обнаружен потерпевший Н. ...» (л. д. 4—5)	«...Участвую-щий в экспери-менте Р., заняв место, указан-ное свидетелем Б., у дома № 1 по Малому про-езду, где на перекрестке ул. Ленина и Мало-го проезда расположен магази-н «Гастро-ном», заявил, что не видит ничего, кро-ме находящего-ся перед ним дощатого забора высотой 2 метра, соору-женного попе-рек Малого пройма, кото-рый полностью закрывает об-зор в глубь Ма-лого проезда...» (л. д. 30)	«...Огражде-ние, установ-ленное в Ма-лом проезде в связи с работа-ми по сносу д. № 1—20, сооружено 10 декабря 1971 г. и в период с 10 декабря 1971 г. по 2 января 1972 г. не снималось...» (л. д. 37)

Как видно из приведенной таблицы, содержащиеся в ней дан-ные убедительно свидетельствуют об объективной недостоверности показаний Б., обнаруживают, что, давая такие показания, он стре-мился представить действия Д. естественным следствием неправи-рного поведения потерпевшего.

Однако далеко не всегда в материалах основного дела содер-жатся достаточные данные, на основании которых можно было бы считать показания лица, привлеченного к ответственности за лжесвидетельство, бесспорно недостоверными. Поэтому при рас-следовании дела о заведомо ложных показаниях важная роль принадлежит таким следственным действиям, как проверка пока-заний на месте, следственный эксперимент, очные ставки с лица-ми, допрошенными по основному делу, и другим, направ-ленным на исследование и доказывание объективной досто-

верности показаний лжесвидетеля. Кроме того, в некоторых случаях, например, если обвиняемый по делу о лжесвидетельстве утверждает, что его показания неправильно отражены в протоколах следственного действия или судебного заседания, для установления объективной стороны расследуемого преступления могут быть допрошены следственные и судебные работники, осуществлявшие производство по основному делу или составлявшие протоколы следственных действий, судебных заседаний. В связи с незаменимостью их Для проверки обстоятельств такого рода не следует поручать расследование и судебное рассмотрение дел о заведомо ложных показаниях следователям и судьям, расследовавшим основное дело.

Серьезную помощь в расследовании фактов дачи заведомо ложных показаний оказывает составление временных графиков, различных планов и схем, в том числе и топографических. Они помогают проверить доброкачественность показаний обвиняемого в лжесвидетельстве, если они относились к маршруту следования преступника и его жертвы, к месту их встречи и совершения преступления, служат хорошим иллюстративным материалом к выводу о достоверности показаний лжесвидетеля, касающихся временных, пространственных и некоторых других обстоятельств (данных). В частности, при анализе показаний, касающихся времени прибытия свидетеля на место происшествия, исследуются все его показания, относящиеся к этому обстоятельству, составляются планы маршрутов и соответствующие им графики движения, экспериментальным путем производятся замеры времени, необходимого для того, чтобы попасть на это место, следуя различными маршрутами. Полученные сведения сопоставляются с показаниями свидетеля или потерпевшего, с иными данными, позволяя судить о правдивости проверяемых показаний.

Исследование объективной стороны лжесвидетельства включает задачу установления всех участников этого преступления, выявления направленности ложных показаний и способа лжесвидетельства, его последствий. Если данное лицо допрашивалось несколько раз, необходимо определить, какие именно из его показаний являются заведомо ложными. Вопрос о способах и направленности лжесвидетельства необходимо исследовать для того, чтобы правильно квалифицировать действия виновного, разграничить простое лжесвидетельство и квалифицированное, имея в виду, что в соответствии с законом заведомо ложные показания, направленные на неосновательное обвинение в тяжком преступлении или соединенные с искусственным созданием доказательств обвинения, образуют квалифицированный вид рассматриваемого преступления. Поэтому способ совершения преступлений этой категории в обязательном порядке должен найти свое отражение в материалах дела о даче заведомо ложных показаний.

Проводя работу по установлению того, какие именно показа-

ния лжесвидетеля были ложными, необходимо проявлять особую критичность к признательным показаниям лица, в отношении которого расследуется дело о даче заведомо ложных показаний. В настоящей работе не раз отмечалось, что в ряде случаев, стремясь облегчить положение обвиняемого по основному делу, свидетели и потерпевшие прибегают к самооговору во лжи, объявляют ложными свое заявление о преступлении и те показания, которые были даны ими на первый допросах и уличали виновного. Опасаясь ухудшить положение родственника, даже если он уже осужден, лжесвидетели часто придерживаются этой версии и в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по собственному делу, выступая в качестве обвиняемых. Отсюда и вытекает необходимость тщательной проверки и оценки признаний подследственных в этой части.

В обязательном порядке подлежат исследованию, доказыванию и учету при назначении наказания вредные последствия лжесвидетельства. Для этого необходимо доказать, что неосновательный арест подследственного, неосновательное возбуждение уголовного дела и привлечение к ответственности невиновного лица, выполнение целого ряда дополнительных следственных действий, неоднократные переносы судебных заседаний на более поздние сроки обусловлены дачей заведомо ложных показаний именно лицом, привлекаемым к ответственности. Если органы расследования или суд возбудили уголовное преследование в отношении нескольких свидетелей или потерпевших, давших заведомо ложные показания при расследовании или судебном рассмотрении одного уголовного дела, следствие по таким фактам при наличии оснований, указанных в ст. 26 УПК РСФСР, необходимо осуществлять в одном производстве, чтобы обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование этих фактов, в частности проверить, не было ли предварительного сговора о даче ложных показаний и подстрекательства к этому преступлению. В последнем случае следует устанавливать форму и характер давления на свидетелей (угрозы, угрозы, шантаж, подкуп, насилие и пр.), выявлять лиц, виновных в этом. Выяснение формы воздействия имеет важное значение не только для правильной квалификации действий подстрекателей, но и для судьбы лжесвидетелей, так как дача заведомо ложных показаний из корыстных соображений является обстоятельством,отягчающим ответственность, и в качестве квалифицирующего признака относится к элементам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК РСФСР.

Изучение следственной и судебной практики по делам о лжесвидетельстве показывает, что основные затруднения практические работники органов предварительного следствия и суда испытывают при установлении и доказывании субъективной стороны лжесвидетельства.

Это представляется вполне объяснимым, так как исследова-

ние субъективной стороны данного преступления является весьма важной задачей по делам такого рода. Поскольку для наступления ответственности за лжесвидетельство строго обязательно, чтобы лицо, давшее ложные показания, действовало умышленно, сознавало ложность своих показаний в момент дачи этих показаний следствию или суду, требуется категорически исключить возможность дачи свидетелем недостоверных или неполных показаний под влиянием добросовестного заблуждения, забывчивости или же потому, что допрашиваемый не придал должного значения тем или иным известным ему и существенным для дела обстоятельствам. Значительное число вопросов, которые необходимо выяснить для этого следствию и суду, требует специальных познаний и относится к компетенции судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз¹. На разрешение этих экспертиз могут быть поставлены вопросы о способности лжесвидетеля, если он страдает определенными физическими дефектами (недостатки и особенности речевого аппарата, органов слуха, зрения, например, дальтонизм и др.)², хроническими и временными психическими заболеваниями или болезненными расстройствами психики³, с учетом его индивидуально-психологических и возрастных особенностей, умственного развития и т. д.⁴, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, давать о них правильные показания. Подлежат установлению в процессе расследования мотивы и цель недобросовестного поведения свидетеля или потерпевшего.

Исследование и доказывание этих важнейших элементов субъективной стороны преступного поведения, имеющих большое значение для правильной квалификации действий виновного, со-

¹ При расследовании дел данной категории могут проводиться и другие виды судебных экспертиз, например для проверки наличия у подследственного определенных, специальных знаний, навыков в выполнении тех или иных производственных операций (видов работ) и т. д. в зависимости от конкретного содержания его показаний, освещаемых в них обстоятельств. О видах судебных экспертиз и их компетенции см., например, И. В. Виноградов, Г. И. Кочаров, Н. А. Селиванов, Экспертизы на предварительном следствии, М., 1967.

² Компетенция судебно-медицинской экспертизы. В отдельных случаях перед судебно-медицинской экспертизой следует ставить вопрос о способности лица, страдающего некоторыми физическими недостатками (например, отсутствие ноги, руки и т. д.), выполнять те или иные действия, если, например, проверка этого обстоятельства путем следственного эксперимента причинила бы ему физические страдания.

³ Компетенция судебно-психиатрической экспертизы. См. Я. Калашник, Назначение судебно-психиатрической экспертизы, «Социалистическая законность», 1957, № 4.

⁴ Компетенция судебно-психологической экспертизы. Об этом виде судебных экспертиз и ее компетенции см. М. М. Коченов, Некоторые вопросы развития судебно-психологической экспертизы, в об. «Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности», ч. 1, М., 1973, стр. 114; А. Р. Ратинов, Методологические вопросы судебно-психологической экспертизы, в сб. «Вопросы судебно-психологической экспертизы», М., 1974.

пряжены с преодолением известных трудностей гносеологического порядка. Гносеологические особенности исследования мотивов и целей поведения лжесвидетеля состоят в том, что они (мотивы и цели) недоступны непосредственному наблюдению и констатации, не могут быть однозначно «выведены» по тем или иным отдельным действиям подследственного и бесспорно установлены по его собственным показаниям о причинах дачи им заведомо ложных показаний.

Познание мотива и цели ложных показаний, равно как и любого поведения — преступного и не преступного, в соответствии с психологическим принципом единства сознания и деятельности (поведения), взаимосвязь и взаимообусловленность которых открывают возможность «как бы просвечивать сознание человека через анализ его деятельности, в которой сознание формируется и раскрывается»¹, требует распознавания выявления внутреннего психологического плана (содержания) поведения лжесвидетелей, постигается из контекста его реальных действий в соотношении с жизненной ситуацией и иными данными. Для этого необходим глубокий ретроспективный анализ данных о поведении лжесвидетеля, воплощенных в материалах основного уголовного дела, и дела о лжесвидетельстве, сбор данных о личности лжесвидетеля, его отношении к основному преступлению и лицам, допрашивавшимся по основному делу. Лишь на этой основе может быть составлено правильное суждение о субъективной стороне лжесвидетельства. Из сказанного видно, что, конечно, не случайно, не имея возможности мотивированно оспаривать выводы органов правосудия об объективной недостоверности его показаний, лжесвидетель чаще всего пытается отрицать заведомую ложность своих показаний. Позиция, занятая подследственным, имеет определенное тактическое значение при доказывании по делам о лжесвидетельстве. Если лжесвидетель признает себя виновным в даче заведомо ложных показаний, то в этом случае задача следствия и суда в известном смысле упрощается, так как исследование субъективной стороны совершенного преступления и ее доказывание происходят при непосредственном и довольно активном участии самого обвиняемого. Зачастую так и бывает по делам данной категории в связи с тем, что обычно лжесвидетели, привлекаемые к ответственности, - более чем две трети их — признают себя виновными в инкриминируемом им преступлении.

Анализ этого обстоятельства в ходе изучения позволяет предположить, что одной из ведущих причин, обуславливающих сравнительно большое число случаев признаний лжесвидетелями своей вины в даче ложных показаний, видимо, следует считать то изменение жизненной ситуации, которое происходит для лжесвидетеля после разрешения основного дела и возбуждения против не-

¹ С. Л. Рубинштейн, Проблемы общей психологии, стр. 30.

го дела о лжесвидетельстве, в связи с чем он превращается из свидетеля (потерпевшего) в обвиняемого. Это изменение соответственно вынуждает лжесвидетеля переключиться на обеспечение и защиту собственных интересов. При этом происходит своего рода девальвация одних целей и актуализация других — на переднем плане оказываются личные жизненно важные интересы лжесвидетеля, в связи с чем цели, которые он преследовал, давая ложные показания, интересы иных лиц, прежние мотивы в значительной мере теряют для него свое значение. О взаимосвязи поведения обвиняемого в лжесвидетельстве с судьбой основного дела и интересами других лиц, как причине его запирательства, будет оказано ниже.

Разумеется, что в случае признания обвиняемого необходимо всегда иметь в виду возможность самооговора, бдительно, критически относиться к его объяснениям, внимательно и детально проверять эти показания по всем существенным обстоятельствам дела. Большой интерес и практическое значение имеет анализ наиболее типичных вариантов поведения на следствии и в суде обвиняемых, которые не признают себя виновными в даче заведомо ложных показаний, а также некоторых специфических причин запирательства лжесвидетелей. По данным изучения отмечается, что самыми распространенными контрверсиями, которые выдвигают подследственные по делам о лжесвидетельстве, чаще всего оказываются следующие:

1. Обвиняемый объясняет пробелы, противоречия в своих показаниях или их конфликт с иным доказательственным материалом тем, что он «забыл упомянуть» на допросе о том или ином факте, «ошибался» в одних из своих показаний.

2. Обвиняемый утверждает, что его показания были правильными, а пробелы, противоречия в его показаниях или их конфликт с иными доказательствами обусловлены неправильным отражением его показаний в протоколах следственных действий и судебного заседания.

3. Обвиняемый настаивает на правильности своих показаний, утверждая, что ложными и сфальсифицированными являются показания других лиц (свидетелей, потерпевших, обвинявшихся по основному делу) и иные доказательства.

Нетрудно проследить общую для всех этих контрверсий, главную пружину и линию поведения лжесвидетеля, которая состоит в том, что подследственный при любом варианте прежде всего отрицает наличие у него умысла на дачу заведомо ложных показаний. Действительно, если в рамках первой версии лжесвидетель, признавая объективную недоброкачественность своих показаний, объясняет это забывчивостью или ошибочностью своих высказываний и утверждений, т. е. прямо апеллирует к своей субъективной добросовестности, то, выдвигая две другие, настаивая на правильности своих показаний, демонстрируя свою якобы «непо-

колебимую уверенность» в этом, он тем самым также навязывает, утверждает их субъективную достоверность для него самого.

Требую, конечно, определенных усилий и особенно затрат времени на установление и привлечение значительного доказательственного материала, глубокого изучения материалов основного дела, личности обвиняемого и его окружения, исследования его отношения к основному делу и участникам этого дела, проверка и опровержение контрдоводов и версий подследственного при доказывании умышленного характера ложных показаний, мотивов и целей лжесвидетельства особой сложности не представляют. Связано это с тем, что большей частью лица, совершающие эти преступления, не сразу приходят к решению о даче ложных показаний обвинительного или оправдательного характера, особенно если им ранее не приходилось оказываться в каком-либо качестве участниками уголовно-процессуальной деятельности. Выбирая позицию по делу, они обычно советуются с родственниками, знакомыми, сослуживцами, людьми, «сведущими» в области уголовного права и процесса, и т. д., консультируясь об оптимальном варианте поведения на следствии и в суде, в том числе и о том, какие именно факты необходимо скрыть или извратить для достижения желательного результата, пытаются согласовать свои показания с показаниями других лиц, допрашиваемых по данному делу. Так, по делу 3. его родственники перед предстоящими допросами неоднократно встречались для обсуждения и выбора общей линии поведения, в деталях отработывали содержание будущих показаний, требовали, чтобы продолжали лжесвидетельствовать и те из них, кто склонялся было к решению дать правдивые показания.

Сведения такого рода можно получить при изучении личной корреспонденции и дневников лжесвидетеля, в ходе допросов лиц из бытового и служебного окружения подследственного, прежде всего из числа тех, кто пользовался у него доверием, уважением, авторитетом, а также тех, кто допрашивался вместе с ним по основному делу: подследственных, свидетелей, потерпевших.

Чаще всего тем же путем удается установить факты подстрекательства к лжесвидетельству и предварительного сговора о даче ложных показаний, так как появление в квартире лжесвидетеля посторонних людей, звонки незнакомых людей на работу обычно попадают в поле зрения соседей по квартире и дому, сослуживцев, равно как и появление у него вещей, недоступных при получаемой заработной плате.

По делу 3. даже по прошествии свыше пяти лет с момента совершения им преступления соседи матери потерпевшей на допросах показали, что вскоре после гибели К. ее мать посетили лица, прибывшие на машине, ранее у нее никогда не бывавшие. Свидетели подробно описали машину, приметы водителя и пассажира, обратили внимание следователя на поездку после этого матери К. на южный курорт при отсутствии у нее материальных воз-

возможностей для такой поездки. Дальнейшее расследование позволило установить, что в показаниях свидетелей шла речь о родственниках З., которые дали матери потерпевшей К. взятку в размере 3 тыс. руб. с тем, чтобы она скрыла от следствия и суда знакомство ее дочери с З. и характер их взаимоотношений.

Получение указанных данных облегчается благодаря тому, что в период расследования основного преступления многие лжесвидетели еще не предвидят возможности оказаться в роли обвиняемых в лжесвидетельстве или легкомысленно надеются избежать этой участи, о чем убедительно свидетельствуют рассмотренные выше данные о причинах пренебрежения ими предупреждением об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Поэтому в тот момент они редко принимают меры предосторожности, открыто говорят о том, на чьей стороне их симпатии, не маскируют и не скрывают свое отношение к преступлению и его участникам.

Обнаружение данных такого рода способствует установлению и доказыванию субъективной стороны лжесвидетельства, а также, существенно ослабляя позицию подследственного, в ряде случаев убеждает его в бессмысленности заpiresательства и ведет к признанию им своей вины.

Вместе с тем нередки случаи, когда и при полной доказанности обвинения лжесвидетели продолжают отрицать свою вину. В связи с этим заслуживает внимания проблема мотивации заpiresательства. Известно, что попытки свести причины заpiresательства обвиняемых к некоему «защитному импульсу»¹ психологически несостоятельны, так как мотивы отрицания своей вины лицом, в действительности совершившим преступление, носят не импульсивный, а осознанный характер.

К числу наиболее распространенных причин отрицания обвиняемыми своей вины относятся боязнь наказания и желание избежать его последствий для себя и своих близких, боязнь огласки и приобретения репутации «преступника», общественного осуждения, стыд от признания аморальности и противоправности своего поступка, стремление скрыть соучастников и лиц, причастных к преступлению, боязнь мести со стороны заинтересованных лиц. Препятствуют даче правдивых показаний связь расследуемого события с интимной стороной жизни самого обвиняемого или его близких, недоверие к следователю, которое может носить характер предубеждения или предрассудка, личная неприязнь к допрашивающему, нежелание содействовать следственным органам, обусловленное определенной антиобщественной установкой (например, у участников изуверских сект), традициями и законами преступной среды. Иногда допрашиваемый воздерживается от признания вины, так как уверен в невозможности раскрыть преступ-

¹ См. Л. М. Карнева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, *Тактика допроса на предварительном следствии*, стр. 135.

ление, тем более что с точки зрения обвиняемых отрицание вины относится к одному из наиболее доступных способов затруднения следствия, считается приемом, препятствующим разоблачению. Все эти соображения выявлены и при изучении мотивации заpirationльства лжесвидетелей.

Одновременно отмечается, что отрицание вины обвиняемыми в даче заведомо ложных показаний в ряде случаев может быть обусловлено и некоторыми специфическими причинами. Прежде всего обнаруживается самая тесная связь позиции обвиняемого в лжесвидетельстве с судьбой основного дела <и интересами его участников. Опасение своим признанием ухудшить положение уже осужденного за основное преступление родственника побуждает лжесвидетеля утверждать правильность своих показаний и в ходе следствия по делу о даче им ложных показаний. Существенное значение для обвиняемых в лжесвидетельстве имеют также исследованность и доказанность обстоятельств основного преступления, так как некачественное расследование основного дела позволяет лжесвидетелю надеяться на то, что, настаивая на правильности своих показаний, он сумеет добиться пересмотра решения по этому делу и одновременно избежит ответственности за дачу ложных показаний. Важно и то, в какой мере лжесвидетелю, по его мнению, удалось повлиять своими показаниями на решение по основному делу. Уверенность в том, что принятое решение является главным образом его «заслугой», обусловлено его ложными показаниями, в совокупности со значимостью для него интересов участников основного дела тоже нередко оказывается причиной заpirationльства лжесвидетеля.

В отдельных случаях отрицание лжесвидетелями своей вины может быть связано с эффектом «усвоения лжи» или «вживания в ложь». Этот психологический феномен, видимо, объясняется тем, что постоянное опасение проговориться побуждает лжущего полностью вытеснить, изгнать из своей памяти подлинное событие и вжиться в вымышленный им вариант этого события. Для достижения такого результата необходимы «репетиции» дачи вымышленных показаний, «проигрывание» различных вариантов показаний в ситуации, близкой к допросной, с учетом возможных изменений. Очевидно, если лжесвидетель коренным образом заинтересован в определенном исходе дела и прилагает все усилия к тому, чтобы, освободив свою память от подлинной картины события и заменив ее вымышленным вариантом события, добиться максимального правдоподобия и естественности поведения при реализации ложных показаний, то на каком-то этапе в его сознании происходит более или менее полное замещение правды ложью, он сам начинает верить в «легенду», чем и определяется его дальнейшее поведение.

Справедливость сказанного, с известной долей условности, подтверждают примеры из области искусства и истории разведки,

так как сходный психологический механизм лежит в основе перевоплощения разведчиков и актеров, обеспечивает жизненность, убедительность, достоверность создаваемых ими образов.

Рассмотренные здесь мотивы не могут охватить все возможные побуждения к заpirationству, однако их следует учитывать при анализе причин, побуждающих лжесвидетеля отрицать свою вину.

Для доказывания по делам о лжесвидетельстве рекомендуется шире использовать после всесторонней проверки и оценки материалы основных дел, привлекать допрашивавшихся по ним свидетелей. При этом необходимо проявлять надлежащую критичность и объективность, помня о том, что расследование лжесвидетельства зачастую сопряжено с необходимостью заново проверить и оценить доказанность целого ряда обстоятельств основного преступления « в отдельных случаях может привести к отмене приговора по основному делу в связи с вновь открывшимися обстоятельствами (п. 1 ст. 384 УПК РСФСР).

Надлежащие расследование и судебное рассмотрение дел о лжесвидетельстве являются одним из важнейших условий повышения эффективности борьбы с данным видом преступлениями против правосудия, воспитания уважения к закону и повышения престижа правоохранительных органов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Глава I. Общая характеристика лжесвидетельства	3
§ 1. Понятие и виды лжесвидетельства	3
§ 2. Социальная сущность и психология лжесвидетельства	18
§ 3. Общественная опасность и ответственность за лжесвидетельство	4
Глава II. Предупреждение и разоблачение лжесвидетельства в уголовном процессе	55
§ 1. Раннее предупреждение лжесвидетельства	55
§ 2. Предотвращение лжесвидетельства при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел	65
§ 3. Разоблачение лжесвидетельства	84
Глава III. Особенности возбуждения и расследования уголовных дел о лжесвидетельстве	107
§ 1. Возбуждение уголовных дел о лжесвидетельстве ⁴	107
§ 2. Доказывание по делам о лжесвидетельстве	116

Александр Рувимович Ратинов, Юрий Павлович Адамов

«ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО»

Редактор Т. П. Шуракова

Корректор Е. Ф. Козлова

Сдано в набор 4/XII—75 Я , Подписано, в печать 9/VI-76 г.
Формат 60X90'Дв Объем 8,5 п. л. Тираж 8200 экз. Заказ 5341 Цена 43 коп.

Типография имени Воровского